

INSPIRIA

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

КОГДА ЗВЕЗДЫ ЧЕРНЕЮТ

Никто не придет спасти меня.
Никто никого не может спасти, хотя когда-то я думала иначе.
У меня есть я, и только я. И никого больше...

ПОЛА МАКЛЕЙН

 INSPIRIA

Annotation

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES.

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ ГОДА ПО ВЕРСИИ MARIE CLAIRE.

Анна Харт — детектив-специалист по поиску пропавших детей. Недавно ее жизнь расколола страшная трагедия. В попытке сбежать от переживаний, Анна возвращается в Мендосино — небольшой городок на побережье Северной Калифорнии, где прошло ее детство. И узнает, что буквально на днях пропала без вести местная девочка-подросток. Точно так же двенадцать лет назад пропала подруга Анны — Дженни. Тогда похититель увез девочку с автобусной остановки, а через некоторое время в ручье отыскали ее труп. Убийцу так и не нашли.

Когда прошлое и настоящее сталкиваются, Анна понимает, что сама судьба привела ее в Мендосино: жизнь отлично научила ее разбираться в психологии хищников и жертв. Но чем дольше она занимается поисками, тем сильнее это походит на одержимость...

Пола Маклейн искусно сплетает реальные похищения, теорию травм и метафизику, получая захватывающую историю о том, как простить самого себя.

«Душераздирающий финал, которого жаждут поклонники триллеров... Книга, наполненная тьмой и надеждой». — The New York Times Book Review

«Атмосферный роман с замысловатым сюжетом». — The Washington Post

«Пола Маклейн создала ранимую, умную, незабываемую главную героиню, внутренняя жизнь которой так же интересна, как и тайны, которые ей предстоит разгадать. Это моя любимая книга. Я буду рекомендовать ее всем и каждому». — Лиз Мур, автор бестселлера «Алая река»

«Лирично и красиво... Захватывающее глубокое погружение в травму, выживание и одержимость. Неотразимая героиня, элегантный слог и многослойный, извилистый сюжет. Пола Маклейн написала экстраординарный роман, столь же захватывающий, сколь и уникальный. Незабываемо». — Лиза Ангер, автор бестселлера «Экспресс на 19:45»

«Извилистый сюжет и поэтическая проза увлекают за собой, превращая историю не только в захватывающий психологический триллер, но и в крайм фикшен высшего порядка». — Лиза Скоттолайн

«Прекрасно написанный литературный триллер с необыкновенной, незабываемой героиней. Роман, преисполненный великой печали и великой красоты». — Кристин Ханна

«Пола Маклейн взрывается романом с чрезвычайно трогательной тайной — призрачной, пронзительной, лирической, сочной». — Крис Павон

«Фантастически прописанный и глубоко атмосферный, этот роман захватывает вас с самой первой страницы. Пола Маклейн доказала, что является мастерским рассказчиком независимо от жанра». — Эйми Моллой

- [Пола Маклейн](#)
-
-
-
- [Пролог](#)
- [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [Часть II](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)

- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Примечания автора](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
-

Пола Маклейн

Когда звезды чернеют

© 2021 by Paula McLain

Maps copyright © 2021 by David Lindroth Inc.

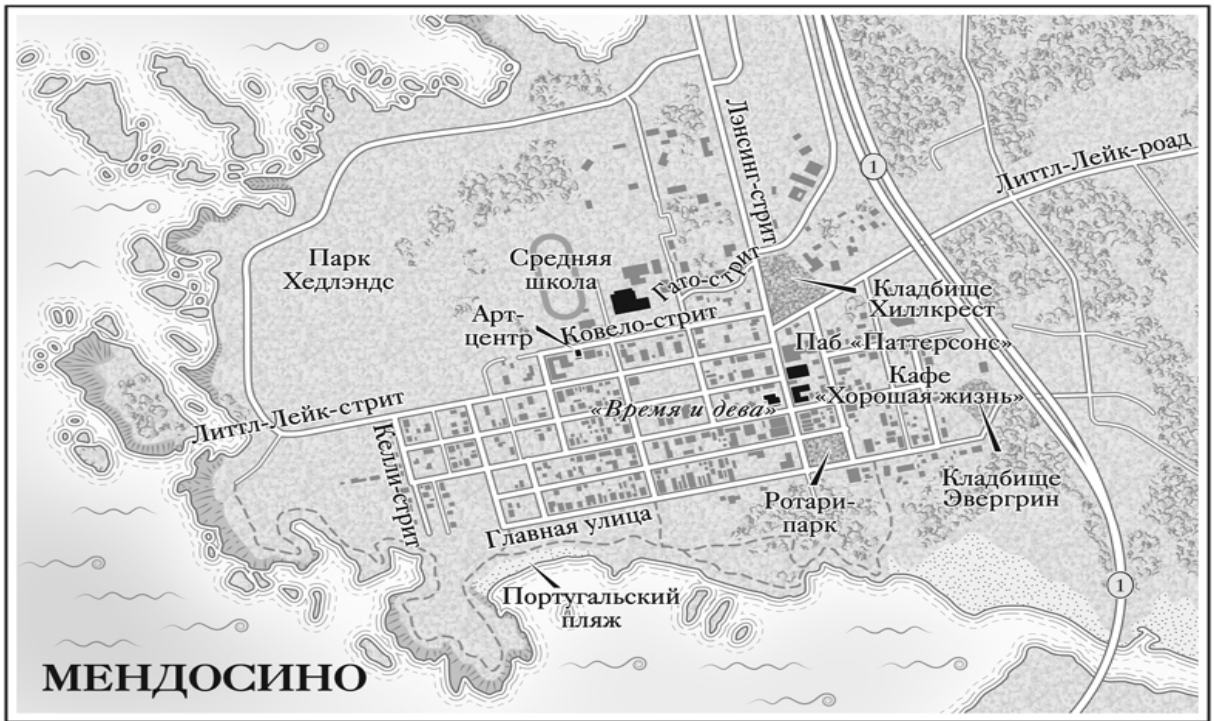
© Посецельский А.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Лори Кин,
бывшей с самого
начала,
пока я грезила
об этой мечте*

*Эта книга
является вымыслом.
Все характеры,
события и диалоги
являются плодом
авторского
воображения или
используются как
выдуманные. Любые
совпадения с
действительными
событиями или
личностями,
живыми или
умершими,
абсолютно
случайны.*

*Вот он, мир.
В нем случится
прекрасное и
ужасное.
Не бойся.*

Фредерик Бикнер

Пролог

Мать, которая порвала на себе платье, когда в дом с новостями пришла полиция, а потом выбежала на улицу в одних туфлях, пока соседи, даже те, кто хорошо ее знал, прятались за дверями и окнами, перепуганные ее скорбью.

Мать, которая стискивала сумочку дочери, пока «скорая» уносилась вдаль. Сумочка, белая с розовым, в форме пуделя, была испачкана кровью.

Мать, которая начала готовить для детективов и соседа-священника, пока те пытались объяснить ей, что случилось. Натертые руки строгали лук, перемывали посуду в обжигающей воде. Никто не мог усадить ее. Сесть — согласиться, что она знает. Признать. Принять.

Мать, которая вышла из морга, опознав тело своего ребенка, и пошла через действующий путь метро. Разряд отбросил ее на шесть метров; кончики пальцев, через которые прошел ток, дымились, губы почернели. Но она выжила.

Мать, которая ждала известий, как ждут ледники у полюса: застывшая, неподвижная, полуживая.

Мать, которой я была в тот июльский день. Стоящая на коленях, пока медик из «скорой» пытался достучаться до меня: словами, предложениями, моим именем. «Детектив Харт», — раз за разом повторял он, пока мой разум задыхался, схлопывался. Как будто та личность все еще могла существовать.

Часть I

Знаки и призраки

Глава 1

Ночь будто крошится, когда я покидаю город: туман в пробоинах, комковатое сентябрьское небо. Потреро-хилл у меня за спиной — полоса мертвого пляжа. Весь Сан-Франциско в беспамятстве или забвении. Над полосой облаков поднимается зловещая желтая сфера. Это луна, огромная, надутая, цвета лимонада. Я не могу оторваться от нее, пока она катится все выше и выше, пропитанная белизной, как язва. Или как дверь, освещенная чистой болью.

Никто не придет спасти меня. Никто не может никого спасти, хотя раньше я верила совсем в другое. Я верила во множество разных вещей, но сейчас вижу, что единственный путь вперед — начать с пустоты или даже меньшего, чем простая пустота. У меня есть только я. У меня есть дорога и дрожащий туман. У меня есть эта измученная луна.

Я еду, пока не заканчиваются знакомые места. Пока не перестану поглядывать в зеркало, выискивая погоню. «Трэвелодж» заткнут за парковку огромного универмага, пустую и освещенную. Будто ночной бассейн, где нет ни единого человека. Когда я звоню, ночной менеджер шуршит чем-то в задней комнате, потом бодро выходит, вытирая руки о яркое хлопковое платье.

— Как у вас дела? — спрашивает она. Самый невинный вопрос в мире, но на него невозможно ответить.

— Отлично.

Она протягивает регистрационную карточку и сиреневую ручку. Складки кожи под мышкой разворачиваются, как крыло. Я чувствую, как менеджер разглядывает мое лицо, мои волосы. Она следит за моей рукой, читает вверх ногами.

— Анна Луиза Харт. Какое милое имя...

— Что?

— Вы так не думаете, золотце? — в ее голосе слышатся Карибы. Теплые, богатые нотки, от которых мне кажется, что она зовет «золотцем» всех.

Трудно не вздрагивать от ее доброты. Трудно стоять в зеленоватом свете лампочки и переписывать на карточку номер машины. Говорить с ней, будто мы просто два человека, живущие без единой печали.

Менеджер наконец-то отдает мне ключ, и я иду в свою комнату, с облегчением закрывая за собой дверь. Внутри — кровать, лампа и один из этих странных складных стульев, на которые никто никогда не садится. Скучный свет сплющивает все предметы в тусклые прямоугольники: безвкусный ковер, пластиковые на вид простыни, занавеску, у которой не хватает крючков.

Я ставлю сумку на середину кровати, достаю свой «Глок 19» и засовываю его под жесткую подушку, обнадеженная его близостью, будто рядом сидит старый друг. Наверное, так оно и есть. Потом хватаю смену одежды и иду в душ. Стараюсь не смотреть в зеркало, пока раздеваюсь, кроме одного взгляда на груди, которые затвердели, как каменные. Правой больно касаться, сосок окружают розовые волдыри. Включаю горячую воду на полную и стою под ней, варясь заживо. Но облегчение не приходит.

Когда вылезая, сую салфетку под кран, а потом засовываю в микроволновку и держу, пока она не начинает п^арить. Жар, как от вулкана, но я крепко прижимаю ее к себе, обжигая руки, и сгибаюсь над унитазом, все еще голая. Складки кожи на талии ощущаются резиновыми и мягкими, как сдувшийся спасательный плот.

С влажными волосами иду в круглосуточную аптеку, покупаю эластичный бинт и молокоотсос, пакеты с герметичной застежкой и литровую бутылку дешевого мексиканского пива. В аптеке есть только ручной отсос, неудобный и отнимающий много времени. В моей комнате тяжелый древний телевизор. Я отсасываю молоко под звуки испанской мыльной оперы, стараясь отвлечься от ноющей боли. Актеры утрированно жестикулируют и гримасничают, признаются в чем-то друг другу, пока я занимаюсь сначала одной грудью, потом другой, дважды заполняя емкость, а потом сливая молоко в пакеты, которые помечаю: «21/9/93».

Я знаю, его следует вылить, но не могу заставить себя. Вместо этого долго держу пакеты в руках, отпечатывая в себе их смысл, потом засовываю в морозилку и закрываю дверцу. Мелькает мысль об уборщице, которая найдет их, или каком-нибудь дальнбойщике, который полезет за льдом и передернется от отвращения. Это молоко говорит о грязной истории, хотя я не могу представить себе незнакомца, способного разгадать сюжет. Я с трудом понимаю его сама, а ведь я — главный персонаж; я пишу эту историю.

Перед рассветом просыпаюсь в лихорадке и принимаю слишком много «Адвила»^[1], чувствуя, как капсулы царапают и скребут горло. Под картинкой на экране телевизора бежит заголовок срочных новостей.

Сорок семь погибших в Биг-Байу, Алабама. Наибольшее число жертв за всю историю компании «Амтрак»

Где-то посреди ночи буксир на реке Мобайл сбился с курса в густом тумане и зацепил баржой мост Биг-Байу-Кэнон, сместив пролет моста вместе с рельсами на три фута^[2]. Через восемь минут, строго по расписанию, поезд «Сансет-Лимитед», следующий из Лос-Анджелеса в Майами, влетел в излом на скорости 112 километров в час, срезав первые три вагона, обрушив мост и расколов цистерну с горючим. «Амтрак» заявляет о халатности капитана буксира. Несколько членов команды не найдены, восстановительные работы продолжаются. Президент Клинтон должен прибыть на место катастрофы ближе к вечеру...

Я выключила телевизор, желая, чтобы красная резиновая кнопка на пульте могла отключить все, внутри и снаружи. Хаос, отчаяние и бессмысленную смерть. Поезда, несущиеся к изломанным рельсам, со спящими и ни о чем не подозревающими пассажирами. Капитанов буксиров, сбившихся с курса в неудачный момент.

«Восемь минут», — хочется крикнуть мне. Но кто меня услышит?

Глава 2

Однажды я занималась розыском мальчика, куски которого потом нашли под крыльцом его бабушки в Ное-Вэлли. Она качалась в кресле на этом скрипящем, облупившемся крыльце, пока мы вытаскивали останки. Я долго не могла выбросить из головы ее лицо: припудренные складки кожи вокруг рта, пятно перламутрово-розовой помады под верхней губой, безмятежность взгляда водянисто-голубых глаз...

Ее внуку, Джереми Прайсу, было четыре года. Женщина сначала отравила его, чтобы он не помнил боли. «Не помнил» — ее слова. Первое слово рассказа о том, как она почувствовала, *что* должна сделать. Когда мы получили признание, то спросили, и потом задавали этот вопрос еще не раз: «Зачем вы его убили?» Она так и не сказала нам зачем.

* * *

В моей сумрачной комнате, на дешевой поцарапанной тумбочке у кровати стоит дисковый телефон. Рядом с ним лежит инструкция и расценки на междугородние звонки. Брендан берет трубку на втором звонке. Он говорит медленно, низким голосом, будто сквозь бетон. Я его разбудила.

— Где ты?

— В Санта-Розе. Я недалеко забралась.

— Тебе нужно поспать. Голос ужасный.

— Ага.

Я смотрю на свои голые ноги, вытянутые на кровати, чувствуя, как соприкасается с кожей дешевая ткань. Влажная футболка скомкалась, прилипла сзади к потной шее. Я замотала груди бинтами, и боль, невзирая на весь принятый «Адвил», пульсирует внутри с каждым ударом сердца какой-то рваной эхолокацией.

— Я не знаю, что делать. Это ужасно. Зачем ты меня так наказываешь?

— Я не наказываю, просто... Тебе придется самой разобраться с некоторыми вещами.

— И как я должна это сделать?

— Я не могу тебе помочь. — Брендан говорит, как человек, потерпевший крах, дошедший до грани. Я могу представить себе, как он сидит на краю нашей кровати в утреннем свете, сгорбившись над телефоном, запустив свободную руку в густые темные волосы. — Я пытался, и я устал, понимаешь?

— Позволь мне вернуться домой. Мы сможем все исправить.

— Как? — выдыхает он. — Анна, некоторые вещи невозможно исправить. Давай просто немного побудем порознь. Это необязательно навсегда.

Что-то в его голосе, правда, заставляет меня задуматься. Как будто он перерезал пуповину, но боится это признать. Потому что не знает, что я тогда сделаю.

— О каком времени мы говорим? Неделя, месяц? Год?

— Не знаю. — Брендан хрипло вздыхает. — Мне нужно о многом подумать.

Моя рука на кровати кажется восковой и жесткой, будто принадлежит манекену из одежного магазина. Я выбираю точку на стене и смотрю на нее.

— Ты помнишь, когда мы только поженились? То наше путешествие?

Он молчит минуту, потом произносит:

— Я помню.

— Мы спали в пустыне под огромным кактусом, в котором жила куча птиц. Ты сказал, это кондоминиум.

Еще одна пауза.

— Ага. — Брендан не понимает, к чему я веду, опасается, что я совсем потерялась.

Я и сама не очень понимаю.

— Это был один из наших лучших дней. Я была по-настоящему счастлива.

— Да. — Я слышу, он дышит чаще. — Но дело в том, Анна, что я очень давно не видел той женщины. Тебя не было здесь. Для нас. И ты это знаешь.

— Я могу справиться. Позволь мне попытаться.

Молчание вытекает из телефона, заливают меня, пока я лежу на кровати и жду ответа.

— Я не доверяю тебе. Просто не могу. — Четкость этих слов опустошает. Это вердикт. Раньше он жутко злился, но сейчас все намного хуже. Он принял решение, с которым я не могу спорить, поскольку дала ему все основания чувствовать себя именно так. — Позаботься о себе, ладно?

Мне кажется, я шатаюсь над мрачным обрывом. В другие дни нашего брака он бросил бы мне веревку.

— Брендан, пожалуйста... Я не могу потерять все.

— Прости, — говорит он и отключается, не дав мне сказать ни слова.

* * *

На поминальную службу пришли почти две сотни людей, многие из них в форме. Коллеги, друзья и благонамеренные незнакомцы, которые прочитали статью в «Кроникл» и подумали: «Благодать Божия со мной».

Я застегнула платье, которое не чувствовала, наглотившись «Ативана» до состояния, в котором не почувствовала бы и ножа. Я читала по губам сквозь огромные темные очки, пока Брендан раз за разом говорил «спасибо». Дома я забилась в угол кухни, отвернулась от агрессивно расставленных цветов и карточек с соболезнованиями, ушла от сострадающих лиц вокруг стола, покрытого горшочками с жарким и тарелками с сыром. Там меня и нашел мой старший офицер, Фрэнк Лири. В руках он держал тарелку с едой, которую даже не пытался есть.

— Анна, не знаю, что и сказать... Что вообще можно сказать о таком ужасе?

Голос у него обычно был грубоватым, не таким мягким, как сейчас. Я желала только одного: заморозить его прямо на месте, его и всех остальных, как в детской игре «Замри», — и уйти.

— Спасибо.

— Возьми столько отпуска, сколько тебе потребуется. Не беспокойся о работе, ладно?

Кажется, пока он говорил, стены стали на дюйм ближе.

— На самом деле я думала выйти на следующей неделе. Мне нужно на чем-то сосредоточиться.

— Перестань. Ты же не всерьез. Еще слишком рано. Сейчас тебе нужно заботиться только о семье и о себе.

— Фрэнк, ты не понимаешь. — Я слышала, как мой голос сдавливает слова, и попыталась сдержаться, говорить не так отчаянно. — Я сойду с ума от безделья. Пожалуйста.

Он вскинул брови и, кажется, собирался поправить меня, когда в комнату вошел мой муж. Фрэнк чуть выпрямился и протянул руку.

— Брендан. Тяжкий день. Я очень сочувствую. Дай знать, если я чем-нибудь смогу помочь.

— Спасибо, Фрэнк. — Серый вязанный галстук Брендана болтался под расстегнутым воротником рубашки, но в его позе не было ни капли слабости, когда он встал между мной и Фрэнком, глядя туда-сюда, будто пытаюсь прочесть настрой, повисший в воздухе. — Что тут происходит?

— Ничего, — торопливо солгала я. — Потом поговорим об этом.

— Я тебя слышал. — Он быстро моргал, его лицо розовело. — Ты что, всерьез собираешься сейчас вернуться на работу?

— Слушай, — Фрэнк шагнул вперед. — Я только что сказал то же самое. Я на твоей стороне.

— А кто *на моей* стороне? — гладкая и прохладная стена под моими ладонями внезапно показалась клеткой. Ловушкой. — Я просто пытаюсь пережить это. Если я не смогу отвлечься... — Мне не удалось закончить фразу.

— Поверить не могу! — губы Брендана сжались, ноздри раздулись. — А как же мы? Как насчет твоей семьи? *Мы* не заслуживаем твоего внимания? Особенно после того, что случилось?

Его слова прозвучали пощечиной.

— Я не это имела в виду. — Я слышала, как натянуто, как неловко звучит мой ответ.

— Именно это.

Мы с Фрэнком смотрели, как Брендан разворачивается и, повесив голову, проталкивается через комнату, полную людей.

— Тебе нужно пойти за ним. Это просто горе. Когда людям больно, они всякое говорят.

— Людям? Фрэнк, а мне не больно? — у меня в груди нет воздуха, все запечатано, остался только вакуум. — Ты тоже винишь меня, верно? Просто скажи это вслух.

Глава 3

Когда я выезжаю из Санта-Розы, воздух теплый, как вода в ванне, а солнце бесстыдно сияет. Повсюду птицы — в ветвях, в незапятнанном небе, в сломанном неоновом «чертике из коробки» — киоске с фастфудом, где из гнезда, украшенного обертками от соломинок, на меня тарашатся три пушистых птенца. Их горлышки такие розовые, а клювы так широко распахнуты, что больно смотреть.

Я заказываю большой кофе и сэндвич с яйцом, который не лезет в горло, и срезаю до шоссе 116, которое приведет меня через долину Рашн-Ривер к побережью. Там есть городок Дженнер, больше открытка, чем настоящая деревушка. Далеко внизу Козлиная гора кажется огромным грубым мячиком на фоне ослепительной синевы Тихого океана. Северная Калифорния способна на такие фокусы даже во сне.

За тридцать пять лет я ни разу не выезжала из штата и не жила южнее Окленда, но все равно от этой красоты захватывает дух. Дурацкая, непринужденная, нелепая красота, которая все тянется и тянется, — серпантин Тихоокеанского шоссе и вода, как пощечина безумного цвета.

Останавливаю машину на небольшом овале утопанной земли у самого края дороги, пересекаю обе полосы и встаю над переплетенным кустарником, зазубренными скалами и выплесками пенных игл. Вид грандиозен. Он опьяняет. Ветер забирается под каждый слой одежды. Я дрожу, обхватывая себя руками. Мое лицо внезапно становится мокрым, слезы текут впервые за много недель. Я плачу не о том, что сделала или не сделала. Не о том, что потеряла и никогда не смогу вернуть. Я плачу потому, что осознала: есть только одно место, куда я могу отправиться. Единственная дорога на карте, которая для меня что-то значит. Дорога домой.

Семнадцать лет я держалась вдали от Мендосино, заперев это место внутри себя, как драгоценность, на которую нельзя даже посмотреть. Но сейчас, на краю утеса, Мендосино ощущается единственным, что держит меня живой. Единственным, что когда-либо было моим.

Если задуматься, большинство из нас не имеют большого выбора в том, кем мы станем, кого полюбим или какое место на Земле выберет нас, станет нашим домом. Мы можем только идти, когда нас зовут, и молиться, что нас все еще признают.

* * *

К тому времени, когда я добираюсь до Альбиона, прибрежная дымка скрывает солнце. Она кружится в свете фар, отчего все исчезает и появляется заново: извилистая береговая дорога и кучки пихт, а потом и сама деревушка, будто из мрачной сказки. Белые викторианские дома дрейфуют над утесами, туман дрожит и истончается, будто дышит.

Сердце сжимается. Каждый крутой поворот приближает меня к прошлому. Очертания деревьев кажутся эхом. И дорожные знаки, и длинный сырой мост. Когда я замечаю светофор, уже почти загорелся красный. Приходится добавить газа и проскочить на желтый. Потом я еду на чистой мышечной памяти.

Поворачивая налево на Лэнсинг-стрит, чувствую себя так, будто продираюсь закоулками в прошлое. Над крышей Мэсоник-холла, на фоне прозрачного неба, резко выделяются белые фигуры. «Время и девушка». Бородатый старик с крыльями и косой заплетает волосы стоящей перед ним девушке. Она склонила голову над книгой, лежащей на разбитой колонне. В одной руке у нее ветвь акации, в другой — урна, а у ног — песочные часы. Каждый предмет — таинственный символ в головоломке. Скульптура выглядит как загадка, выставленная на всеобщее обозрение.

...Однажды, вскоре после того как приехала жить в Мендосино, я спросила Хэпа, что должна означать эта статуя. Мне было десять. Он улыбнулся и вместо ответа рассказал историю. Как молодой работник лесопилки и плотник по имени Эрик Альбертсон вырезал статую из цельного куска калифорнийской секвойи в середине 1800-х, работая над ней по вечерам в своем домике у пляжа. Где-то в это время он стал первым мастером масонского ордена в Мендосино, но не прекращал заниматься своим шедевром. Вся работа заняла у него семь лет, но вскоре после 1866 года, когда статую установили, он погиб при каких-

то странных обстоятельствах, которые не могла толком объяснить ни одна историческая книга.

Хэп был членом масонского ордена не один десяток лет, даже дольше, чем лесничим. Я думала, он знает все, что только можно знать. Но когда я спросила его, как смерть Альбертсона связана с фигурами и что они означают, он искоса посмотрел на меня.

— Смерть Альбертсона не имеет к тебе никакого отношения. В любом случае это случилось давным-давно. А эти символы не будут иметь никакого смысла, даже если я попытаюсь их объяснить. Они рассказывают историю, известную только масонам. Ее никогда не записывали, а передавали из уст в уста, когда человек достигает третьей степени.

Это заинтриговало меня еще сильнее.

— А что такое третья степень?

— То, чем ты сейчас занимаешься^[3], — сказал он и ушел, прежде чем до меня дошла шутка.

* * *

Я ставлю машину, натягиваю бейсболку и темные очки, вылезаю в зябкий и влажный воздух. Трудно представить, чтобы кто-нибудь из местных узнал меня взрослой женщиной, но здесь многие читают газеты из Сан-Франциско, а некоторые из моих дел попадали в «Кроникл»^[4]. Попал туда и несчастный случай, если уж на то пошло.

В Мендоса-маркете я не поднимаю взгляда, стараясь брать только необходимое: консервированные овощи и бакалею, продукты, которые легко готовить. Меня не отпускает ощущение, что я попала в бобину^[5] старого фильма. Я стояла, кажется, на этом самом месте, перед освещенным холодильником с молоком, пока Хэп вытаскивал холодную коробку, открывал ее, пил прямо из горлышка и подмигивал, прежде чем передать молоко мне. Потом толкал тележку дальше, направляя ее локтем и опираясь на корзину. Неторопливо, будто у нас было все время мира.

...Закончив с покупками, я плачу наличными, загружаю пакеты в багажник моего «бронко»^[6] и еду по улице дальше, к кафе «Хорошая жизнь». Когда я жила здесь, оно называлось по-другому, но я не могу

вспомнить, как именно, и это неважно. Звуки, очертания и запахи этого места отлично подходят к воспоминаниям. Заказываю кофе и суп, а потом сижу у окна, выходящего на улицу, согретая постукиванием посуды в мойке, хрустом зерен в кофемолке, негромкими разговорами посетителей. Потом из-за плеча слышу спор двух мужчин.

— Ты что, правда веришь в эту херню? — рявкает один другому. — Ясновидцы и телепаты, да? Сам знаешь, сколько денег у этой семьи. Она просто хочет получить свой кусок. Блин, я ее не виню.

— А если она действительно что-то знает, а ей никто не верит? — огрызается второй. — Может, девчонка лежит где-нибудь и истекает кровью, а то и еще хуже...

— Она, наверно, уже мертва.

— Да что с тобой такое? Она человек. *Ребенок.*

— Дочка знаменитости.

— Это ничего не значит. А вдруг та ясновидящая говорит правду? Разве ты никогда не видел чего-нибудь такого, что нельзя объяснить?

— Не-а. Не доводилось.

— Видно, ты просто не обращал внимания.

Слушая их разговор, я чувствую себя невесомой. Плачу за кофе и суп, стараясь не смотреть в сторону тех мужчин, и подхожу к доске объявлений на дальней стене. Это всегда было частью нашего с Хэпом утреннего ритуала. У него была привычка откидывать голову, пока он просматривает объявления. В руке белая кружка, взгляд ищет что-то, еще не бросившееся в глаза.

— Сколько, по-твоему, можно узнать о городке такого размера? — спросил он меня в самом начале.

Я жила в разных городах округа Мендосино, но все они были крупнее и обтрепаннее. По сравнению с ними эта деревушка была как с иголочки. Мне она представлялась кукольным домиком, который можно открыть, как чемодан, и разглядеть все внутри, комнату за комнатой.

— Все, что угодно.

— Люди, которых ты видишь каждый день? Дома, мимо которых ты проходишь тысячу раз, не задумываясь?

— Наверное, так.

— Анна, подумай. Откуда берется слепое пятно?

Вроде того, когда мы ведем машину, имел он в виду.

— Кто-то у тебя прямо за плечом, слишком близко, чтобы увидеть.

— У людей это тоже работает. Всякий человек у тебя прямо под носом просто исчезает. Это опасная зона. Тем, кто в ней, ты доверяешь больше всего.

Сколько я себя помнила, люди говорили, что я должна им доверять. Социальные работники, учителя и абсолютные незнакомцы — все они твердили разные версии одного и того же: я должна перестать быть такой замкнутой и открыться людям. Но мир демонстрировал обратное, а сейчас и Хэп говорил об этом.

— В чем секрет?

— Просто держи глаза открытыми. Открытыми все время, но особенно когда думаешь, что тебя невозможно удивить. Так ты научишься прислушиваться к собственному голосу.

— А как же другие люди?

— Они либо заслужат твое доверие, либо нет.

Хэп имел в виду не только чужих, но и себя и свою жену, Иден. Какая-нибудь другая десятилетняя девочка с иным жизненным опытом могла бы занервничать после таких слов, но я испытала облегчение. Он пока не доверял мне, а я не доверяла ему. Наконец-то кто-то не пытался притвориться, что это легко. Наконец-то кто-то решил сказать правду.

...Название кафе поменялось, но доска объявлений осталась прежней. Я медленно просматриваю их: яркие листочки цветной бумаги, навязывающие уроки игры на гитаре, гадание по руке и садовую почву. Кто-то ищет модель для художника. Кто-то предлагает бесплатные дрова. Я не тороплюсь, читаю сообщения одно за другим, пока не натыкаюсь на пропавшую девочку. Растерянное симпатичное лицо под словами: «ВЫ МЕНЯ НЕ ВИДЕЛИ?»

Кэмерон Кёртис

Возраст: 15

Видели последний раз: 21.09

Красная фланелевая рубашка, черные джинсы

162 см, 48 кг

Длинные черные волосы, темно-карие глаза

Звонить: 724-555-9641

Обещано крупное вознаграждение

Двадцать первое сентября было вчера. День, когда Брендан наконец не выдержал и попросил меня уехать. От этого совпадения меня перетряхивает. Я снова смотрю на девушку. На ее серьезный

взгляд и поток волос до талии. Она слишком красива. Ей не суждено быть в безопасности, где бы она ни была. Изгиб ее губ говорит мне, что с ней *уже* случилось плохое. Еще до исчезновения. Я видела слишком многих, похожих на нее, чтобы верить иному. Но здесь не Сан-Франциско, где листовки с фотографиями пропавших подростков клеят на каждый киоск: зрелище настолько привычное, что они становятся прозрачными. В маленьких городках вроде Мендосино любой акт насилия становится личным. Это почувствует каждый. Это затронет любого. Я слишком хорошо это знаю.

Еще секунду смотрю на девушку, потом тянусь к номеру коттеджа в аренду, прямо под листовкой о пропаже. Дом в семи милях от города, четыреста долларов в месяц. Когда я звоню владельцу, Кёрку, он поясняет, что там нет ни телевидения, ни телефона, ни центрального отопления.

— Голые кости, можно сказать. Но отличное убежище, если вы любите, когда вокруг тихо.

— Люблю.

Глава 4

Когда я впервые увидела Мендосино, он казался ненастоящим. Вдоль улочек выстроились пряничные домики, большинство — белые, с пышной отделкой и штакетными заборчиками. Вся деревушка растянулась по лохматому, округлому берегу над Тихим океаном. Маленькая, хватит и одного взгляда, с одним продуктовым магазином, горсточкой лавочек, двумя кладбищами и начальной школой.

— А это что? — спросила я Хэпа, указывая на деревянные квадратные башенки, приделанные к соседнему дому. Миссис Стефенс, мой социальный работник, только что уехала, и мы стояли перед домом Хэпа и Иден на Ковело-стрит.

— Водонапорные башни, — пояснила Иден. Она была мягкой, округлой и пахла пудрой, в то время как Хэп — высоким, подтянутым и широкоплечим, с длинными усами. Если он выглядел как ковбой, то она — как бабушка, но не была ей, как я только что узнала. Они воспитали немало приемных детей, но собственных у них не было.

Их дом был прекрасен. Большой, викторианский, он казался мне кораблем. Второй этаж был шире первого, с округлыми окнами, глядящими на утесы, золотистую траву и изогнутые ветрами кипарисы. Пока мы стояли вместе, только начиная привыкать друг к другу и нашим новым отношениям, во дворе садилось солнце.

Меня только что привезли из Форт-Брэгга, из маленького грустного домика-коробки рядом с военной базой. Оттуда тоже был виден океан, но совсем не так. Я еще никогда не видела *такого* океана. Солнце сползало в него, будто медленно таяло, как шар оранжево-розовой ириски, который, казалось, пульсирует в середине, как сердце. Я не могла оторвать от него глаз.

Потом, в ту секунду, когда солнце совсем исчезло, оно полыхнуло зеленым.

— К удаче, — сказала Иден.

Я больше не верила в удачу, но что-то определенно случилось. Мендосино уже начал притягивать меня. Как гравитация.

Следуя указаниям Кёрка, я выезжаю из городка по Литтл-Лейк-роуд. Через пять миль асфальт сменяется грязью и гравием. Пихты, сосны и ситхинские ели^[7] густеют, наступают со всех сторон, словно сказочные деревья с темными верхушками, которые сплетают тени из ничего, ночь из дня, будто крадут весь свет и где-то его прячут. Господи, как я по ним скучала...

Еще через две мили сворачиваю налево у красного флажка с потертым деревянным знаком «Въезд воспрещен». Узкая грунтовка вьется по склону холма еще три четверти мили. Потом я вижу подъездную дорожку и силуэт кедрового домика, мелькающий сквозь плотный ряд высоких сосен. Дом выглядит как жилище отшельника, остров посреди леса, пещера, в которой можно исчезнуть. Идеальное место.

Кёрк ждет меня на крыльце. На вид ему лет шестьдесят пять. Плечи расправлены, седые волосы топорщатся в военной стрижке. Лицо угловатое, взгляд суровый, даже когда он улыбается и машет мне рукой с ключами.

— Легко нашли?

— Без особых проблем. — Я вижу аккуратное крыльцо. Под подоконником сложена поленница. — Это бывший охотничий домик?

— Думаю, когда-то да. Принадлежал семье моей жены. Теперь я сдаю его в аренду, когда могу. — Я чувствую, что он изучает меня. — Большинство народу хочет кучу всего еще, место для романтического отпуска... В таком духе.

Молча киваю и захожу за ним в дом. Большая комната, сплошь темные панели и запах. Сладковатый и гнилостный, почти звериный. В углу расположилась почерневшая круглобокая печка. Розовые занавески из набивного ситца обрамляют окна в маленькой кухне, где стоят кукольных размеров раковина со столиком и холодильник, больше подходящий для комнаты в общежитии. С железного крючка свисает изношенное полотенце для посуды.

— Видите, здесь есть все, что вам понадобится.

Если б он знал, как мало мне нужно... И как много.

За гостиной — темная ванная: душевая кабина размером со шкаф, дверца из дешевого матового стекла. Спальня, похоже, пристроена. Когда я захожу туда, порог поддается, как губка, но сама комната ощущается достаточно прочной, с двуспальной кроватью на

металлической раме и простенькой тумбочкой с лампой. Панорамное окно на южной стене выходит на густой лес, вырисовывающийся на фоне угасающего света. *Вечерняя заря*. Так всегда называла это время суток Иден. Странное выражение, ведь обычно заря бывает утром.

— Ночью может быть прохладно. На вашем месте я бы растопил печку. Можете брать столько дров, сколько понадобится, если потом наколете взамен. Нагреватель жрет пропан. — Кёрк дергает плечом в сторону агрегата у стены. — Все, что используете, восполните из города.

— Отлично, — заверяю его я, желая поскорее остаться одной.

Но это еще не все. У душа есть хитрость с кранами — перепутана горячая и холодная вода. Дымоход печки нужно регулярно прочищать. Кёрк показывает, как запустить генератор, если отключится электричество, а такое случается.

— Лесопогрузчики рвут провода. Думаю, водители просто напиваются. Они так ездят по здешним дорогам, что за ними стоит следить. Да, и запирайтесь на ночь как следует. Одинокая женщина, ну... — Голос затихает, словно он только что услышал, как пересек невидимую границу личного пространства.

— Со мной все будет в порядке. — В мой голос прокрадывается раздражение.

Кёрк неловко откашливается.

— Конечно. Само собой.

* * *

Когда он наконец уезжает, в доме становится тихо. Я распаковываю вещи и выхожу на крыльцо, в прохладный, сумеречно-сиреневый свет. Промежутки между деревьями сужаются. Я вдыхаю это спокойствие и на одно ненадежное мгновение позволяю себе задуматься о жизни, из которой меня только что вышвырнуло. Не по собственному выбору. О Брендане и нашей неряшливой кухне. Повсюду игрушки, в раковине перевернутая детская ванночка. О наших именах рядышком на почтовом ящике, словно обереге, который не справился со своей задачей. Мы прожили вместе семь лет, но он был прав, когда сказал, что я была там не ради него.

Смотрю вверх. Ищу в прорехах пелены луну, но ее нет. Где-то ритмично ухает ушастая сова. Еще дальше начинает жалостливо поскуливать собака. Или это койот? Температура падает. Я дрожу в фланелевой рубашке и куртке, думая, насколько похолодает к утру и есть ли у той девушки одеяло или огонь, где бы она ни была.

Та девушка.

Я понятия не имею, откуда пришла эта мысль, но тут же пытаюсь от нее избавиться. Мой мир еще дымится у меня за спиной из-за девочек вроде Кэмерон Кёртис. Пропавших и травмированных. Их истории притягивают меня, как песни сирен. Последние несколько лет я работала в программе под названием «Проект Прожектор» в районе залива Сан-Франциско. Проект фокусировался на сексуальных преступлениях и преступлениях против детей, похищенных и убитых незнакомцами, украденных и беспомощных перед членами собственной семьи, выбранных сутенерами и чудовищами, незаметно проданных и перепроданных.

Это самая тяжелая работа, которой я когда-либо занималась, но и самая важная, даже если Брендан никогда не сможет меня простить. К тому же я хорошо с ней справляюсь. Со временем у меня выработался своего рода радар на жертв, и Кэмерон Кёртис хорошо мне знакома, будто у нее над головой горит неоновая вывеска, транслируя ее историю, ее уязвимость. И не только мне. Откуда бы ни взялась эта вывеска, хищники тоже видят ее: кричаще-яркую и однозначную.

Я думаю о семье девушки, потерявшей голову от тревоги и ужаса. Думаю о том, насколько одинокой и брошенной чувствовала себя Кэмерон. Отчаявшейся. Оторванной. Как печаль и стыд из чувства становятся болезнью, жутким раком, который крутится вокруг мира, забирая жизни в скрытном бесконечном цикле.

Когда скулеж повторяется, я вздрагиваю. Определенно койот. Никакие другие животные в этих лесах не звучат так по-человечески. В их плаче холод, одиночество и голод. Даже страх. И этот плач звучит и звучит.

Глава 5

В эту ночь я бестелесно всплываю над белым полумесяцем пляжа, когда кто-то, пошатываясь, бежит сквозь спутанные водоросли и тени. Это девушка. Она спотыкается и падает на колени, встает и снова падает, пятится, опираясь на руки, визжит и трясется. А потом внезапно замолкает. Замолкает, как это делают животные, когда понимают, что бежать больше некуда.

Я резко просыпаюсь. Сердце колотится, кожа липкая от пота. Должно быть, опять вернулась горячка. Мои груди под толстой фуфайкой все еще стянуты, но по-прежнему набухшие. Боль тупая, но постоянная, пульсирующая. Точка опоры.

Вокруг ледяная темнота; кажется, она стеклась ко мне. Я забыла, каково это: спать в лесу, где нет ни шума улицы, ни звуков от соседей, ни света. Натянув на ноги вторую пару носков, выхожу в большую комнату, где мерцающие часы в микроволновке говорят мне, что еще нет и четырех утра. Я проспала всего часов пять. Скорее отключилась.

Нахожу ибупрофен и какое-то снотворное, запиваю их виски, надеясь очистить голову от кошмара. Я могу только предполагать, что девушка во сне — Кэмерон Кёртис. Мое подсознание состряпало версию ее исчезновения, захваченное драмой, которая всегда поглощала меня, задолго до того, как я стала детективом. Как будто крики о помощи, вечно звенящие в атмосфере, усиливаются при встрече со мной и прилипают. Как будто они — часть меня, и я лишена права голоса, лишена иного выбора, кроме как попытаться ответить.

* * *

Первое, что я вижу, когда просыпаюсь через несколько часов, это полупустая бутылка виски на полу рядом с диваном и мои носки на кофейном столике. Где-то за глазами яблоками пульсирует похмелье, разноцветное и блестящее. Будь Хэп здесь, он бы встревожился, что я так много пью. Вдобавок он бы уже оделся, умылся и поставил вариться кофе. Хэп любил и утро, и поздний вечер. Иногда я задумывалась, спит ли он вообще, но меня согревала мысль, что Хэп

всегда там, если он мне понадобится, бодрый и готовый к делам. Мне хочется, чтобы это все еще было правдой.

Одеваюсь теплее, чувствуя, как верхняя пуговица джинсов впивается в мягкую плоть на животе, как кончики пальцев натирают морщинистую кожу, словно свежий рубец. Зачесываю волосы назад, не глядя в зеркало, наливаю в термос кофе, а потом закрываю за собой дверь домика и еду назад, к деревушке.

Выехав на прибрежную дорогу, поворачиваю на север к Каспару и Джаг-Хендл-хиллс, любимому месту дневных походов Хэпа. Когда мне было одиннадцать, Хэп и многие из лесничих, с которыми он работал, присоединились к местным активистам, чтобы защитить утесы от вырубки леса и застройки, — и победили. Этой победой гордился весь регион. Хэпу было всего двадцать, когда он начал работать на Лесную службу США^[8], поднимаясь по ступеням, пока, незадолго до того, как я приехала жить у них, не стал главным лесничим, присматривающим за десятками лесничих и пятьюдесятью тысячами акров федеральных земель.

Его работа была большой, серьезной, а иногда и опасной. В историях, которые он рассказывал, было много происшествий на охоте, туристов в отчаянных ситуациях, подростков, синих и безжизненных, которых вытаскивали из неприметных шахт. Хэп знал, что может сделать с человеком агрессивный черный медведь и что в этой бескрайности может сделать с человеком другой человек.

За восемь лет, прожитые в Мендосино со Стратерсами, я стала ученицей Хэпа и его верной спутницей, его тенью. Сначала я не понимала, почему он хочет проводить со мной столько времени или почему они с Иден вообще взяли меня к себе. Я уже проскочила через полдесятка домов, нигде не прижившись. С чего бы сейчас быть по-другому? Понадобилось время и немало усилий, чтобы я поверила — Хэп и Иден именно те, кем выглядят снаружи: порядочные люди, которые добры просто потому, что добры. Я испытывала их на прочность, подзуживая отослать меня прочь, как это сделали все остальные. Однажды я сбежала и заночевала в лесу, думая, придет ли Хэп и сможет ли он меня найти. Когда Хэп нашел меня, я решила, что он злится и досыта нахлебался моих глупостей, но нет. Он только смотрел на меня, промокшую, дрожащую и вымазанную грязью.

На обратном пути к машине Хэп сказал мне:

— Если ты собираешься в одиночку бродить по лесу, давай научим тебя, как это делать, чтобы ты могла позаботиться о себе.

— Я и так могу о себе позаботиться, — ответила я, немедленно уйдя в защиту.

— У тебя была нелегкая жизнь. Я знаю. Тебе пришлось стать стойкой, чтобы справиться с ней, но стойкость, Анна, не то же самое, что сила.

Этими словами он будто высветил трещину в моем сердце, которую я считала хорошо спрятанной.

— О чем ты говоришь?

Мы дошли до машины и залезли в нее. Хэп устроился за рулем и, казалось, не торопился ответить. Наконец он обернулся ко мне и сказал:

— Линда рассказала нам, солнышко, что случилось с твоей матерью.

Линдой была миссис Стефенс, мой социальный работник. Теперь я могла только притворяться, что мне без разницы, что он знает и что обо мне думает.

— И что?

— Я даже представить не могу, на что это похоже для ребенка твоего возраста. Честно. У меня просто сердце разрывается.

Все мысли, бродившие в моей голове, исчезли с осязаемым хлопком. На автопилоте я сдвинулась на дюйм ближе к ручке дверцы.

Хэп заметил это и застыл. Казалось, двигаются только его глаза, но они видят все.

— Я не стану тебя удерживать, если ты захочешь сбежать, но если ты дашь нам шанс и останешься, я смогу научить тебя вещам, которые помогут тебе позже. Вещам, которые помогли мне. Жизни в лесах.

Глядя прямо вперед, на пыльные разводы от «дворников» на лобовом стекле, я пожала плечами, показывая, что не особо внимательно его слушаю.

— Анна, природа требует нашего уважения. У нее есть жестокая сторона, само собой, но, если ты изучишь ее язык, в ней можно найти мир и утешение. Лучший вид лекарств, который я знаю.

— У меня и так все отлично. — Я обернулась к нему, провоцируя возразить.

— Конечно, не спорю. А как насчет одного урока, прежде чем мы поедем домой? Я могу научить тебя, как отыскать географический

север. Это легко.

Мне хотелось сказать «да», но это слово застряло внутри давным-давно, растопырилось, как камушек в горле. Я только убрала руку от дверцы и опустила на колено.

— Можно и потом, не страшно, — сказал он. — Вполне может подождать. Поехали домой.

Тем вечером, перед сном, Хэп принес мне книгу в тканевом переплете под названием «Основы выживания в лесу». Я засунула ее в ящик тумбочки, но вытащила обратно, едва он вышел из комнаты, и изучила оглавление. «Сигналы». «Пища». «Укрытие». «Узлы и шнуры». Давно прошла полночь, а я все читала. В книге были пошаговые инструкции, как проверить съедобность растений и жуков, установить силки, сделать шалаш, поймать рыбу руками. В ней была система условных обозначений для карт и компаса, полевое ориентирование и особенности разных типов местности, разведение костров, личная безопасность, уход за ранами, адаптируемость, преодоление стресса, гипотермии и страха...

Я не понимала, почему меня так поглотили эти описания — по крайней мере, тогда, — но они говорили со мной на каком-то глубинном уровне. Хэп был мудрым человеком. Должно быть, он с самого начала догадался, что это единственный способ разговаривать со мной: как один выживший с другим.

* * *

Я заезжаю на маленькую парковку в начале тропы, дважды завязываю тяжелые ботинки, застегиваю анорак до подбородка и огибаю главную тропу, чтобы пройти менее известным маршрутом к изгибу утеса. Через полмили вхожу в густую кипарисовую рощу и ныряю в узкую брешь в стене деревьев, держа перед собой руку, чтобы собирать на нее паутину, которая тут есть, хоть ее и не видно. Руки становятся липкими от нитей, а потом время тоже становится липким. Мне десять или одиннадцать, и мне впервые показывают тайный проход в эту рощу.

«Крумхольц». Я помню название этой формы деревьев из уроков Хэпа. Немецкое слово, означающее искривленный лес. Суровая погода

десятилетиями лепит из деревьев гротескные формы. Соленый северный ветер убивает кончики ветвей, вынуждая их склоняться и изгибаться, стремиться к земле вместо неба. Они — живая диаграмма адаптации, смысленности и жизнестойкости природы. Они не должны расти таким образом, но все же растут.

В роще меня внезапно и резко охватывает тоска по Хэпу. По всей прелести, которую он показывал, и по всему уродству. По тому, как он шаг за шагом раскрывал передо мной мир, веря, что я впущу этот мир в себя. Здесь я чувствую себя ближе к нему и намного ближе к ответам, за которыми пришла, к способу сложить себя обратно, как разбросанный пазл.

Закрываю глаза, стараясь удержать это все — свободно просеянный свет и густой запах мха. Но в следующее мгновение выскакивает, будто надпись на черном экране кинотеатра, мысль. Вспышка остаточного изображения, стремительная и мрачная. «Это идеальное место, чтобы спрятать труп».

Кэмерон Кёртис стремится к поверхности моего разума, как тепло. Как кровь, пощипывающая ладони, когда я их сжимаю. Эти большие карие глаза, которые видели непростые вещи. Упрямая надежда в изгибе губ. Длинные темные волосы. Кажется, не имеет значения, что на своем пути я подвела других вроде нее, да и саму себя. Что, возможно, уже слишком поздно. Она здесь.

Я едва не спотыкаюсь, пока выбираюсь сквозь брешь обратно и иду к утесам, все быстрее и быстрее по пустой тропе, к самому краю, где ветер так силен, что почти сносит меня. Внизу четыре маслянистых баклана уселись на зазубренной черной скале; их шеи изогнуты, прижаты к телу, как крюки. Вокруг них бурлит прибой, рассыпая пену. Еще дальше видны черные волны и зеленые волны. Рыболовное суденышко выкатывается на гребень одной и падает, будто в люк.

Мне хочется, чтобы Кэмерон Кёртис исчезла, как это судно, прочь из моего подсознания. Но даже судно не исчезает. Оно выскакивает из впадины, маленькое и белое. В ушах начинает звенеть от холода, но я все равно сажусь, плотно обхватываю колени руками, держу себя, чтобы не рассыпаться. Волосы задувает в глаза и в рот, у них вкус морской воды. Кажется, все кружится в вихре, дергается взад и вперед, ужасное и прекрасное. И я пытаюсь вспомнить, как пережить немислимые мгновения, как выбраться из пустошей хаоса и страха...

Глава 6

Примерно через час возвращаюсь к машине. Я продрогла до костей, но стала чувствовать себя спокойнее. Едва выйдя на парковку, вдруг останавливаюсь. Въезд наполовину перегораживают два полосатых барьера. У доски объявлений толпятся пять или шесть полицейских со служебными собаками и рациями. Отряд для поисков Кэмерон Кёртис.

Затягиваю капюшон анорака и иду к своему «бронко», чувствуя себя выставленной напоказ, в полной боевой готовности. В десяти футах от автомобиля слышу свое имя. Наверное, почудилось. Здесь меня никто не знает. Теперь — никто. Ускоряя шаг, протягиваю руку к дверце, и в это мгновение моей спины касается рука.

— Эй!

Резко разворачиваюсь, рефлекторно вскидываю руки, готовясь к стычке. И совершенно не готова увидеть это лицо — такое знакомое даже спустя годы. Будто плыву сквозь круговорот образов или просыпаюсь в машине времени.

— Анна Харт... Поверить не могу.

Я могу только таращиться на него. Серые глаза, морщинки, квадратный подбородок, красивый прямой нос, кайма непослушных золотисто-рыжих волос, торчащая из-под полей шляпы. Он — фантом, воспоминание, друг из иной эпохи.

— Уилл Флад...

Тянусь обнять его, задевая локтем по плечу, потом наступаю ему на ногу.

— Ой! — он смеется. — Какого черта ты тут делаешь?

Я не могу придумать быстрый ответ. Последний раз, когда мы виделись, мне было восемнадцать, а ему двадцать два. И он был в новенькой форме офиса шерифа, которым несколько десятилетий безупречно управлял его отец. Тогда у Уилла были большие мечты, он часто говорил о Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Денвере, Сиэтле... о любых местах, на которые не падала длинная тень Эллиса Флада.

— Что тут происходит?

Как будто это не очевидно.

— Пропала девушка. Два дня назад. Исчезла из своего дома посреди ночи, никаких следов взлома.

— Сбежала?

— Не думаю. Ее мать — Эмили Хейг.

— Актриса Эмили Хейг? — в это сложно поверить. Звезда кино в Мендосино?

— И все это свалилось на меня... Семья хочет скрыть эту историю от прессы. Отец пытался сунуть мне десять тысяч, чтобы ускорить поиски. Как будто это сработает... Помаша деньгами, и девушка выскочит из шляпы.

— Надеюсь, ты взял их.

Он смеется.

— Слушай, давай попозже выпьем.

— Я не могу.

— Ну да, конечно... Жду тебя в «Паттерсонс» в восемь или отправлюсь тебя искать.

Я чувствую еще один приступ головокружения и жалею, что нельзя просто моргнуть и исчезнуть. Быть далекой и невидимой. Но это же Уилл...

— Я попробую.

— Буду ждать. — Он разворачивается и широким шагом идет к своим людям, отдавая приказы.

* * *

Забираюсь в «бронко» и завожу мотор, пока его команда стремительно всасывается в главную тропу. Я знаю ее назубок и знаю, какое тяжелое дело им предстоит. Они будут прочесывать каждую квадратную милю: искать потревоженную растительность или обрывок ткани. Любой признак чего-то необычного. Некоторые собаки натренированы на поиск и спасение: они сосредоточатся на запахе Кэмерон, понюхав ее джемпер, или подушку, или любую другую вещь. Другие обучены искать человеческие останки по запаху, идущему от почвы или висящему в воздухе.

В подобных ситуациях, когда кто-то просто исчез, велики шансы — по крайней мере, поначалу, — что человек вернется невредимым.

Возможно, Кэмерон заблудилась где-то в лесу или решила сбежать.

Исчезнуть — не преступление, но здесь, кажется, присутствует какая-то пустота. Некое темное мерцание, заставляющее задумываться. Девушку могли принудить сбежать. Сделать соучастницей в той беде, которая с ней приключилась. На этот счет есть старая история, как дьявол крадет души, открыто прося их. Он не вор, но мастер манипуляции. Настоящая опасность, говорится в той истории, заключается не в самом дьяволе, а в незнании, что ты можешь отвергнуть его предложение.

Это самое печальное, на мой взгляд, и оно повторяется раз за разом. Жертвы, у которых внутри нет даже шепотка, говорящего «нет». Потому что они не верят, что их жизнь действительно принадлежит им самим.

Глава 7

Всю дорогу до деревеньки я чувствую себя встряхнутым «снежным шаром». Уилл до сих пор здесь. Он стал городским шерифом, как его отец. И что теперь? Как ответить на любой из неизбежных вопросов о моей жизни и причине возвращения домой? Как не прислушиваться к новостям об этом расследовании? Как избежать разговоров о прошлом? В конце концов, мы не просто пара старых друзей.

В те годы, с тех пор как мне было десять, а Уиллу четырнадцать, мы были частью истории друг друга. Его отец, Эллис Флад, являлся ближайшим другом Хэпа, и потому мы часто болтались вместе. Но даже если нет, в городках вроде Мендосино дети бегали стайками, строя крепости из пла́вника на Португальском пляже, бродя по лесу за Джексон-стрит или играя в прятки с фонариком на утесах в безлунную ночь. В нашей маленькой банде были еще двое. Калев и Дженни Форд, близнецы, жившие с отцом с тех пор, как их мать много лет назад сбежала с каким-то мужчиной, не желая иметь ничего общего со своей семьей.

Меня всегда тянуло к детям с историей, похожей на мою. Будто мы были неким клубом с тайным, непроизносимым паролем. Они были старше меня на два года, но почему-то с Дженни эта разница ощущалась больше, чем с Калевом. Он был умен, как мне нравилось, — голова набита разными фактами и историями о городе — и потому естественным образом подходил на роль друга. Я тоже всегда любила знать разные вещи: не только историю, а вообще все, что происходит. Всякие частности о местах и людях, старые рассказы и новые загадки, всевозможные тайны.

А еще Калев находил лучшие места для прятков. В одну из ночей я последовала за ним, когда Дженни начала считать и все разбежались. Большинство ребят прятались поодиночке, но Калев не возражал, чтобы я держалась рядом. Я следила за ним всю дорогу до края утеса, а потом он будто прошел сквозь невидимую дверь. Подойдя туда, я увидела, что Калев отыскивал маленькое и безупречное «воронье гнездо» на кипарисе. Раздвоенная ветвь выдерживала его вес, а все дерево каким-то волшебным образом укрывалось в склоне утеса. Гениальное

место. Запретный плод. Технически мы были за краем утеса, однако в безопасности — в некотором роде. Ветви под нами были как раз нужной толщины и формы для двух тощих ребятишек. Густые ветки вокруг хорошо укрывали нас — настолько эффективно, что когда Дженни подбежала и посмотрела прямо на дерево (ее лицо казалось лимонно-желтым в свете маленького фонарика), то ничего не заметила и продолжила поиски.

Все это еще было для меня новым и чужим: ночные игры и хохочущие группы соседских детей... *Детство*. Мы с Калемом ухмыльнулись друг другу, довольные собой, поскольку уже выиграли игру. Все игры, в которые могли сыграть. Казалось, ночь растягивается во все стороны, созданная для детей вроде нас, невидимых — *бессмертных*, — пока издали доносились крики Дженни, надевавшейся вспугнуть кого-нибудь из ребят. Мы долго следили за лучом ее фонаря, который подпрыгивал и прятался в черной траве, пока наконец не стал размером с кнопку.

* * *

В то время Уилл был влюблен в Дженни. И не он один. Она была самой симпатичной и славной девушкой во всем городке. У нее были ровные белые зубы, как в рекламе зубной пасты, медные веснушки на переносице и длинные каштановые волосы, которые мотались из стороны в сторону, когда она шла. А еще у нее был красивый голос, высокий и проникающий в самое сердце, как у Джони Митчелл^[9]. Она играла на гитаре вечерами у костра, зарыв ноги во влажный песок, пока другие ребята передавали по кругу стащенное пиво, слушая вполуха. Но я не могла от нее оторваться.

В один из вечеров Дженни спела собственную песню, названную «Прощай, Калифорния». О девушке, которая чувствует себя настолько потерянной и неприкаянной, что уходит в море и больше не возвращается. «Не ищите меня, я никто», — говорилось в песне.

На пляже, в оранжевом свете костра, Дженни вызывала у меня чувство редкостной близости. Будто я и вправду смотрю, как она сидит в своей комнате: тело обвивает гитару, а в каждом слове звучит одиночество. В настоящей жизни Дженни никогда не наводила на такие

мысли, но я понимала, что это ничего не значит. Печаль может прятаться за любым фасадом.

Поскольку Дженни была на два года старше и не пыталась сблизиться со мной, я мало что знала о ее жизни дома. Но даже будь мы лучшими подругами, она могла не сказать мне. Есть тысячи разных способов хранить молчание, я знала это. Однако песня говорила — по крайней мере, со мной. От нее бежали мурашки по коже, на нее отзывалась душа. «Прощай, Калифорния, прощай, печаль. Пусть волны расскажут, прости, мне не жаль».

* * *

Мне было пятнадцать, когда Дженни Форд пропала, — в августе 1973 года. Ей было почти восемнадцать. Она только что окончила старшую школу Мендосино и осенью должна была отправиться в Университет Санта-Барбары, чтобы изучать сестринское дело. А пока работала в сорока пяти минутах от городка, на виноградниках Хаш в Бунвилле, копила деньги на машину и ездила на попутках. В один из вечеров она ушла с работы, как обычно, но так и не добралась до дома. Весь город — особенно Калев — был перепуган. Надолго. На людей было тяжело смотреть. Шептались, что она могла сбежать. Подростки часто сбегали, по самым разным причинам. Но Калев настаивал, что она не могла сбежать — по крайней мере, не предупредив его или не взяв его с собой.

Пока мы ждали новостей, я чувствовала, как во мне пробуждается старый, дремлющий страх. Годы, прожитые в Мендосино с Хэпом и Иден, укрепили меня, убедили, что я в безопасности. Но сейчас я понимала, что случившееся с Дженни могло с легкостью случиться и со мной. На самом деле мы не сильно отличались друг от друга.

Глава 8

Я добираюсь до «Паттерсонс» чуть позже половины девятого. Уилл сидит в дальнем конце бара. Перед ним почти пустая чашка кофе.

— Я уже собирался уходить. — Он обнимает меня.

Обнимаю его в ответ, замечая, что Уилл успел принять душ и переодеться в свежую форму. Влажные волосы аккуратно причесаны, но я знаю все его вихры, которые вылезут на свободу, едва высохнут. Уилл пугающе не изменился — та же сильная челюсть, те же длинные ресницы. Та же энергичная грация, будто он наполовину человек, наполовину золотистый ретривер.

— Ты здорово меня ошарашил.

— Взаимно. — Он смеется и делает знак бармену, светловолосой женщине средних лет с мягким лицом и сильно подведенными глазами.

Я заказываю «Гиннесс» и рюмку «Джеймсона», потом оборачиваюсь к Уиллу.

— Не присоединишься?

— Я на работе. На самом деле я на работе до тех пор, пока мы не найдем девушку.

— А, конечно... Не знаю, о чем я думала. — Бармен возвращается с заказом, и я поднимаю стакан с пивом в сторону Уилла. Маленький шуточный тост. — Поверить не могу, что ты до сих пор здесь. У тебя было столько планов...

— Правда? — он корчит рожицу. — И куда я должен был отправиться?

— В тысячу мест. Куда угодно.

— Хочешь сказать, подальше от тени моего старика?

— Наверное. Иногда я о нем вспоминаю. Он умел произвести впечатление. Багз Банни^[10]...

— Ага. Он серьезно работал над этим делом. Часами тренировался. В чем-то он бывает сукиным сыном, но он забавный.

— Так он все еще здесь?

— В доме престарелых. В Форт-Брэгге. — Уилл накрывает пальцами чашку, играет с ней, ему явно неуютно. — Он немного не в себе, как они говорят.

— Ох, сочувствую...

— Ничего. — Он поднимает плечи, потом опускает, пытаюсь от чего-то освободиться. — Правда, все еще может рассмешить моих ребятишек.

— Ребятишек? Здорово. Уверена, ты хороший папа.

— Я стараюсь.

— Мальчик? Девочка?

— Мальчик и девочка, десять и двенадцать. И оба умнее, чем надо.

— А твоя жена, чем она занимается?

— Бет преподает в школе Монтессори, дальше по дороге. Давно там работает. Ученики очень ее любят.

— Симпатичная картинка. — Инстинктивно бросаю взгляд на его левую руку. Ни кольца, ни следа от него, ни линии загара. Может, он просто не носит кольцо, а может, тут что-то еще, о чем он не говорит...

— А как ты? Надолго приехала?

— Пока не знаю. — Я отвожу взгляд. — Сейчас я живу одним днем.

— Замужем?

— Я замужем за своей работой. — Ложь, в которой океан правды.

— Я немного отслеживал твою карьеру. Проект «Маяк». Ты хорошо справляешься.

— «Прожектор», — поправляю я. — Но да.

— Все эти пропавшие дети... Должно быть, нелегко. Я бы не смог этим заниматься.

«Именно этим ты и занимаешься», — хочется сказать мне, но это будет нечестно.

— Как ты держишься? — спрашиваю я вместо этого.

Уилл качает головой. Он выглядит усталым.

— Не спал с тех пор, как поступил звонок. Семья ждет ответов, но у меня их нет.

— ФБР подключилось?

— Для привлечения федералов нужны доказательства похищения, а их нет. Вообще никаких улик. И никакого мотива. Ни свидетелей, ни места преступления.

— Но ты думаешь, что ее кто-то забрал.

— Это просто ощущение, но... Да. Я так думаю. Пару лет назад была история с девочкой неподалеку от Ричмонда. Исчезла прямо с собственного крыльца.

— Эмбер Шварц-Гарсиа.

— Похожий возраст, верно?

— Ей было семь. Между семью и пятнадцатью целая пропасть. Кроме того, это случилось пять лет назад.

— А, точно... — Он вздыхает. — Прости. Я забываю, что ты в отпуске.

— Все нормально. Мозг копа никогда не уходит в отпуск. Есть основания подозревать семью?

— Ни малейших. Мы всё еще ведем допросы.

— Я полагаю, ты уже проследил всех зарегистрированных насильников в этом районе? И тех, кто на условно-досрочном? Всех со склонностью к девушкам такого возраста и подобным преступлениям?

Уилл странно глядит на меня.

— Ты действительно хочешь об этом говорить?

— Это мое единственное хобби. — Пожимаю плечами, пью пиво. — Возможно, ей манипулировали. Или затащили в какую-то грязь без ее ведома.

— Хочешь сказать, вроде наркотиков? Она выглядит чистой, как стеклышко.

— Возможно, секс. Кто-то может ее контролировать.

— Брата ее матери обвиняли в изнасиловании, но это было тридцать лет назад. Может, это быть папаша Кэмерон?

— Такое случается. — Я подаюсь к Уиллу и не могу не заметить морщинки вокруг его глаз. Ему отчаянно нужен прорыв, и я ему сочувствую. Я отлично знаю, что он сейчас тянет. И как это тяжело.

— Она приемная. Это может что-то значить?

Он бросает это слово, как еще одну мелочь, которую стоит обдумать, но для меня оно ближе, чем хочется. Кэмерон могла бороться с классическими проблемами приемного ребенка, проверяя любовь родителей на прочность. Или у нее могли быть целые слои эмоциональных шрамов, трудности с идентичностью, привязанностью и личными границами или тенденции к саморазрушению.

— Возможно, — я стараюсь выдерживать ровный тон, — если у нее есть проблемы. Но ты только что сказал, что она чиста, как стеклышко.

— Я знаю. Блин... — Уилл долго и громко выдыхает, потом машет бармену принести счет.

— Надеюсь, ты скоро отыщешь след.

— Я тоже. — В его словах не слышно убежденности. — Хочу тебе кое-что сказать. Я начинаю по-новому ценить папу. Теперь я понимаю, какое напряжение он испытывал, когда не мог все исправить. И ощущение неудачи. — Его вздох несет груз поколений, как каждая ракушка вмещает в себя целый океан. — Все ждали, что он вернет им ощущение безопасности. Но он так и не смог.

Уилл говорит о Дженни Форд. Мы оба говорим о ней, не упоминая ее имя.

— Ты уже видела Калеба? — внезапно спрашивает Уилл.

— Что? Калеб здесь?

— Он вернулся почти год назад, когда скончался его отец. Калеб унаследовал все, распродал все картины. У старого мерзавца были миллионы.

— Правда? — вызываю в памяти образ Джека Форда, эксцентричного отшельника, которого я знала: в запачканных краской джинсах и фланелевой рубашке, с кривой стрижкой, будто он подрезал себе волосы кухонным ножом. Миллионер? — Он мне никогда не нравился.

— Мне тоже. Что-то с ним было неладно. Знаешь, он так и не женился во второй раз.

— Неудивительно... Не думаю, что он был полезен людям. Как Калеб?

— Вроде нормально, учитывая обстоятельства. Я редко его вижу.

— Я думала, он никогда сюда не вернется. В этом городе для него слишком много боли.

— Наверное, и для нас тоже. И все же мы здесь.

* * *

Рассчитавшись по счету, выхожу за Уиллом из бара на тихую улицу, где в свете фонарей сверхъестественно сияют «Время и дева», такие же загадочные и завораживающие, как и раньше.

Уилл останавливается посреди тротуара, моргает.

— Рад снова видеть тебя, Анна. Это был не лучший год. Не стану врать.

— У меня тоже. — Быстро обнимаю его, удивляясь комку в горле.

— Веди машину осторожно.

— От одного пива не опьянеешь.

— Правда? Повторяй себе это всю обратную дорогу.

Его машина припаркована рядом с моей. Я знаю, у него еще есть работа, но чувствую: он почему-то тянет время. Может, просто ощущаю его тревогу за девушку, а может, это чистая неприкаянность. Все рассказы о его безупречной семье могут быть выдумкой. Или с его браком все отлично, но он сошел с рельсов в чем-то другом. Уж я-то знаю, как быстро может предать тебя твоя собственная жизнь.

Открываю дверцу и успеваю устроиться за рулем «бронко», когда Уилл подходит ближе, грустный и беззащитный. Он долго смотрит на меня, и внутри начинают тихонько гудеть опасения. Он что, собирается меня поцеловать?

Но я ошибаюсь.

— Рад, что ты вернулась. Даже если ненадолго. В такое время, когда мир слетает с катушек, здорово иметь рядом друзей.

Конечно, он прав. Я вернулась домой не ради этого, но он абсолютно прав.

Глава 9

Через пять дней после исчезновения Дженни двое рыбаков нашли ее тело в реке Наварро, настолько разбухшее и обезображенное, что офису coronera пришлось подтвердить ее личность по медкарте стоматолога.

Хэп отвел меня в лес, чтобы рассказать об этом. Я еще ни разу не видела, чтобы он потерял самообладание, но Хэп явно был близок к этому, когда взял меня за руку.

— Анна, я всегда говорю с тобой откровенно, правда? — спросил он дрожащим голосом.

У меня пересохло во рту. Земля под кроссовками куда-то покатила, но Хэп продолжал говорить, объясняя, как рыбаки наткнулись на останки Дженни на глухом участке реки. И что иначе, возможно, ее тело никогда не нашли бы. Она не утонула. Ее задушили.

Мне хотелось, чтобы Хэп замолчал, настолько тошнотворным был его рассказ. Но я знала, что он не остановится. Если Хэп действительно собирался защитить меня, он не мог ничего скрывать.

— Кто это сделал? — мой голос, казалось, отскочил от деревьев и рухнул на мои колени подобно камню.

— Мы пока не знаем.

— Шериф Флад его поймает?

— Надеюсь, что да.

— Как человек может такое сделать? — спросила я, хотя уже знала ответ. Я видела разных людей, скрученных болью и обстоятельствами. Людей, которым причинили такую сильную и глубокую боль, что им хотелось сделать то же самое с кем-то другим.

— Дженни была такая юная... — Я плакала, в рот текли горячие слезы. — Ей даже не дали шанс стать взрослой.

— Анна, в жизни есть смерть и есть другие вещи, которые невозможно вынести. И все же мы их выносим.

Я знала, что он прав, но отдала бы все, только бы услышать другой ответ. Если б только Хэп мог пообещать, что такого больше никогда не случится, что я никогда не умру, и что они с Иден тоже не умрут... Что мы будем вместе, в безопасности от любого вреда, от ужасных вещей и людей, которыми полон мир... От людей, настолько уродливых

изнутри. Людей, способных убить семнадцатилетнюю девушку и оставить ее в реке. Как мусор.

— Как же мы их выносим? Эти невыносимые вещи?

Его ладонь была спокойной и теплой, она была теплой, уверенной и живой. Он не сдвинулся ни на дюйм.

— Вот так, милая.

* * *

В следующие дни я выбираюсь в леса, с рюкзаком и без особой цели. Хэп научил меня, как отыскивать тропы и идти по ним, даже совсем заросшим, и как путешествовать по лесу вообще без троп. Ничто другое не успокаивает разум так эффективно. Красота живого мира: папоротники курчавятся по дну лощин влажным кружевом. Горчичного цвета лишайники и бородатый мох пятнают, как краска, темные камни и стволы деревьев. Полог леса над головой, как карта на небе.

Однажды я углубляюсь на четыре или пять миль в заповедник Джексона, пересекаю пустынную сельскую дорогу и выхожу к реке на юге от городка. Русло узкое и мелкое, выложенное мшистыми камнями. У меня с собой катушка тонкой лески и несколько крючков с мухами. Я пытаюсь поймать одну из бледных форелей, мелькающих в тени. Но они слишком осторожны, а мне скоро становится жарко. Я сдаюсь, раздеваюсь до белья и захожу в заводь. Над головой в косом свете золотистым туманом крутится сосновая пыль. Вода обтекает кожу, как прохладные шелковые ленты. Я чувствую, как пульс замедляется. Вот оно. То, что Хэп называл лекарством.

На обратном пути лезу прямо через хребет, исключительно ради нагрузки. Местами склон настолько крутой, что приходится карабкаться на четвереньках через серые лишайники, папоротники и чернозем. Делаю частые и резкие вдохи, на лицо налипли сосновая пыль и светящаяся пыльца.

На гребне останавливаюсь выпить воды. Я запыхалась, немного кружится голова. Здесь лежит болиголов, похожий на сраженного великана; его стебель как влажная черная губка. На том месте, где жестоко выдернули его корни, вижу три длинные борозды на земле и

звериный помет — похоже, пумы. Когда наклоняюсь поближе, на краю зренья что-то мелькает. Не животное, а нечто неподвижное. Какое-то укрытие.

Хотя солнце начинает садиться и между лопатками поселился холодок, я спускаюсь по склону: слишком любопытная находка, чтобы не разглядеть ее вблизи. На спуске приходится отклоняться назад, чтобы удержать равновесие. Слой почвы здесь тонкий, сплошной перегной. Сухой папоротник жалит руки и цепляется за джинсы, но в конце концов я добираюсь до маленького убежища. Кто-то устроил здесь ловушку из руководств по выживанию: упер в ободранную пихту Дугласа^[11] шестифутовый шест, а потом приделал к нему через равные интервалы проволочные силки. Это должно работать. Чешуйки шишек и прочий лесной мусор у основания пихты укрывают вытоптанное места, силки легко переставляются. Эффективное устройство, даже элегантное. Кто бы это ни смастерил, он точно знает, что делает, и не останется без еды.

Укрытие демонстрирует тот же уровень искусности, и во мне начинают тихонько позвякивать тревожные колокольчики. Оно не похоже на охотничью хижину: его коническая форма напоминает старые фотографии коренного населения, вроде племени помо. Они жили небольшими группами по всей Северной Калифорнии за сотни лет до европейцев, и их дома выглядели очень похоже: округлые у основания, с шестью, поддерживающими скошенные стены, связанными вместе и накрытыми корой и древесиной секвойи.

Однако кто будет прикладывать столько усилий, чтобы соорудить убедительную копию хижины помо? И почему так далеко от города, от любого подобия дороги? Это работа какого-то свихнувшегося выживальщика, который думает, что близок конец мира? Человека, который таится, потому что ему есть что скрывать? Или же это мои мозги копа перебирают мрачные варианты, когда на самом деле это просто любитель леса вроде нас с Хэпом, которому временами требуется покой лесов, чтобы почувствовать себя целым?

— Эй? — окликаю я, подавшись вперед, но получаю в ответ только давящую тишину.

Я не езжу в Мендосино до тех пор, пока у меня не заканчиваются припасы. Это происходит первого октября. Свет начинает меняться вместе со временем года, заостряя углы и тени. Каждый солнечный день встречаешь с благодарностью. Сегодня день прохладный, но ясный, с той суровой свежестью, которую приятно ощущать. Закончив с покупками, я закидываю продукты в машину и решаю немного пройтись. В Ротари-парке разбила лагерь мужчина и женщина; они сидят у складного столика рядом с маленькой потертой палаткой. Рядом устроился средних размеров пес с темной мордой и рыжеватой шерстью. Он замечает меня и вскидывает голову, будто мы друзья. Потом подбегает рысью и пристраивается рядом.

Сначала это забавно — то, как быстро он подлаживается под мой шаг. Я останавливаюсь, поднимаю руку, как регулировщик движения — «стой!» — но он игнорирует жест. Я делаю шаг, и он делает шаг. Я смеюсь, и он садится. Похоже, мы — участники комедийного шоу, хотя на нас никто не смотрит, даже пара хиппи в парке.

Я иду к ним.

— Эй, вы не могли бы придержать вашу собаку?

— Она не наша, — говорит женщина. Ей может быть тридцать или пятьдесят, на лице морщины от солнца, торчащие светлые волосы напоминают пух утенка. Толстовка с эмблемой «Сихокс»^[12] свисает до середины бедра поверх длинной юбки с принтами. — Первый раз ее видим.

Парень рядом с ней выглядит так, будто не покидал улиц со времен «Лета любви»^[13]. Через плечо перекинута сидящая косичка, небрежно заплетенная, но чистая. Серебряный зуб подмигивает, когда он говорит:

— Но собака умная.

— Откуда вы знаете? — у меня никогда не было собаки.

— По глазам видно. И, смотрите, она слушает.

— Она?

Еще одна улыбка с серебряным проблеском.

— Вы точно не любительница собак.

Я, внезапно очарованная им, смеюсь.

— А вы можете просто придержать ее, чтобы я ушла отсюда?

— Без проблем. — Он указывает на землю, и собака садится, ожидая следующей команды. Когда он поднимает ладонь параллельно

земле, собака опускается на живот. На тыльной стороне его левой руки я замечаю штук пять крестиков в круге.

— А что означает ваша татуировка? — спрашиваю, указывая на нее.

— Уроки. — Его зрачки такие черные, что кажутся мультяшными. — Вещи, которые не следует забывать.

Женщина говорит:

— Не верьте его байкам. Однажды он заявил, что эти крестики означают людей, которых он убил в битве. Давайте, спросите его, в какой.

— В какой битве? — подыгрываю я.

— При Ватерлоо.

Глава 10

Иден была первым встреченным мной человеком, который верил в прошлые жизни. До этого я сталкивалась с множеством образчиков различных религий из разных мест: от мормонов и пятидесятников до пресвитериан, не особо убежденная никем из них. Но вселенная Иден была больше и намного сложнее, чем я когда-либо слышала, и более интуитивной. Для нее реинкарнация была очевидным продолжением идеи цикличности жизни. Всей жизни. Все крутилось в постоянно движущемся колесе рождений, роста и разложения: океан вокруг нас и Млечный Путь над нами, и все галактики за пределами нашей, бесчисленные, как папоротники, росшие по краю дороги. Бог был не где-то там, в некоем небесном королевстве, а здесь, в мире: в комке грязи и капле росы, в терпении паука, живущего за банкой с сахаром, в изящных нитях его паутины. Как набегаящая волна на Португальском пляже не могла остановиться, так и смерть не была концом. Иден нашла в этом покой, но мне пока не удавалось.

* * *

После того как нашли тело Дженни, расследование затянулось на месяцы. Эллис Флад и его люди допросили полгорода — по крайней мере, так казалось, — пытаясь докопаться до дна тайны. Ее отца и Калеба, всех друзей Дженни, людей, с которыми она работала на винограднике в Бунвилле. Джек Форд был первым подозреваемым. Он был странным, и всегда таким был, к тому же многие знали, что он слишком много пьет. Помимо жены, которая сбежала от него неизвестно куда, когда Калебу и Дженни было шесть, он мало с кем был близок, включая собственных детей. Не раз я видела, как Калев вздрагивает, когда Джек зовет его по имени. Но это было не доказательство. Эллис Флад не нашел ничего на Джека, и поиски продолжились.

Дженни, как оказалось, вела дневник, который нашли, когда полиция обыскивала ее комнату. В основном страницы были заполнены загадочными поэмами и текстами песен, но в последние месяцы перед

ее смертью было порядочно записей о том, что ей хочется уйти из дома, как ушла ее мать — без единого слова. Жизнь была невыносимой. Она не могла тут оставаться. Не могла больше этого выносить. Таков был общий тон ее записей, но ничего конкретного о гнете или страхах, ничего о том, почему она так отчаялась именно сейчас, когда в любом случае совсем скоро уедет в колледж. Был в этом смысл или нет, однако в целом теории сводились к тому, что Дженни решила сбежать той ночью, когда исчезла, но вместо отзывчивого водителя наткнулась на своего убийцу. Что же касается личности убийцы, тут у следствия не было ни единой зацепки. Он мог быть перекаати-полем, проезжавшим мимо, или все еще находился здесь, прячась у всех на виду.

Соседи перестали цепляться языками на улице. Хэп и Иден никогда не запирали дом на ночь, но теперь делали это, как и все остальные. Служебный пистолет Хэпа, который тот обычно запирали в ящике в машине, сейчас по ночам лежал на столике у кровати. Чувствовала ли я себя от этого безопаснее? Немного, возможно, но очертания мира разом изменились, сменили форму — и не только для меня. Офис шерифа начал настаивать на девятичасовом комендантском часе для всех младше восемнадцати. В любом случае никому не хотелось оставаться на улице после наступления темноты. Те дни ушли навсегда, как костры на пляже или прятки на утесах. Как раз тогда, когда я начала верить, что могу рассчитывать на них.

* * *

Дом Фордов, обветренный новоанглийский дом — два этажа спереди, один сзади, с пристроенной студией, оба здания скошены в сторону утесов и океана, — стоит в дальнем конце Келли-стрит. Кaleb когда-то говорил мне, что его построил один из основателей городка, и то один, то другой его потомок жили здесь с 1859 года, во что нетрудно поверить, глядя на здание. Когда Джек Форд был жив, он не прикладывал ни малейших усилий, чтобы дом хорошо выглядел, и теперь, много лет спустя, эта запущенность по-прежнему видна повсюду: в облупившейся краске на желобах и черепице, в потрепанной гаражной двери, во дворе, заросшем травой и чертополохом. Как будто

Джек все еще здесь, приглядывает, чтобы ничто не выросло, не изменилось и не сбежало от него.

Джека в деревне всегда считали эксцентричным. Художник, работавший с маслом и большими холстами, он редко покидал свою студию. У него было мало друзей — похоже, он просто не умел вежливо разговаривать с людьми. Всякий раз, когда я появлялась здесь в поисках Калеба и натыкалась только на Джека, я испытывала странное и неплохо знакомое мне чувство. Нет, он ничего особого не говорил и не делал. Просто от него исходили волны, отбрасывающие меня в прошлое, к тем запертым моментам, которые я оставила позади, к тем людям, о которых я никогда не говорила.

Сейчас, когда я бреду по Келли-стрит к дому, то не знаю, зачем иду туда или что надеюсь почувствовать. Может, дело в словах Уилла о съехавшем мире и старых друзьях рядом. А может, я так и не примирилась окончательно со смертью Дженни и хочу постоять у ее двери в последний раз, даже если она не может открыть.

Я едва дохожу до ворот, все еще прокручивая в голове вещи, которые пытаюсь объяснить самой себе, когда дверь студии открывается и оттуда выходит мужчина. Высокий, крепко сложенный, в комбинезоне художника, заляпанном белой краской. Серая футболка под комбинезоном открывает загорелую шею, широкие плечи и грудь, крупные руки. Ничто в нем не напоминает о тощем смышленном мальчишке, которого я когда-то знала.

— Кaleb?

Его голова дергается вверх, взгляд расфокусирован.

— Я Анна. Анна Харт.

Он озадаченно подходит к забору, потом узнает меня.

— О Господи... Анна. Какого черта ты тут делаешь?

— Просто заехала. — Я краснею, сбита с толку. Кажется, годы между нами сжимаются и расширяются. — Я столкнулась с Уиллом Фладом, и он сказал, что ты вернулся в город. Как ты?

— Нормально, да. — Он качает головой. — Ничего себе. Анна Харт...

— Давно не виделись.

Кaleb пожимает одним плечом, волосы по-мальчишески падают на лоб.

— Да уж.

— Слушай, у тебя есть время посидеть где-нибудь, может, выпить? — спрашиваю я, сама не зная, что собиралась это сказать.

— Конечно, — нерешительно говорит он. — Давай я приберусь здесь, и встретимся чуть позже?

— Я могу прихватить упаковку пива и ждать тебя на утесе.

— Конечно, — повторяет Калев. — Давай.

* * *

Через пятнадцать минут мы сидим на плотном уступе над Португальским пляжем и пьем из банок «Курс»^[14]. Середина дня, и свет ложится косо. В пятидесяти футах под нами кромка воды, песчаники^[15] носятся взад-вперед на тонких лапах, когда волны накатываются и уходят. По какой-то причине все это успокаивает меня и в некоторой степени смягчает. Когда мы были юными, то сотни раз сидели здесь, иногда с краденым пивом. Я скучаю по тем годам. По тем детям.

— По-моему, ты еще училась в школе, когда я уехал, — спустя какое-то время говорит Калев. — Я пару лет бродил там и сям, потом записался во флот. Я был просто счастлив убраться отсюда, даже когда пришлось отправиться в Персидский залив.

— Иран? Наверное, нелегко было...

— Временами. Я был там в семьдесят девятом, во время Исламской революции. Жестковато, зато океан потрясающий, не то что эта чертова лужа. — Он улыбается. — Я научился там прыжкам в воду. Устрицы размером с гребаный грейпфрут. А рифы просто охренительные. А что у тебя?

— Провела полгода в университете Сан-Фран, потом бросила. Немного поездила. Какое-то время водила пешие туры в Йосемите.

— Прикольно.

— Да, поначалу было здорово, но со временем стало сильно походить на летний лагерь.

— Ты не хотела стать лесничим?

— Я думала об этом, но полицейская работа казалась важнее. Едва я поступила в академию, как забыла обо всем остальном. Я с самого начала интересовалась пропавшими людьми. Это казалось самым

прямым путем делать что-то хорошее. Ни разу не выезжала за пределы Залива.

— Пропавшие люди, а? — с удивлением переспрашивает Калев. — Так ты приехала, чтобы помочь найти эту старшекласницу?

— Нет. — «Пока нет», — добавляет мой мозг, но я держу эту мысль при себе, тревожась, что ступаю совсем рядом со старыми переживаниями, и боясь позвать Дженни еще ближе. — Просто у меня передышка.

— А, это хорошо. — Он говорит, будто и вправду так думает. — Рад за тебя.

— Спасибо.

Солнце садится быстро, пачкая линию облаков. Внизу чайки прочерчивают линии над зыбью, бодрые и свободные.

— Это место, — тихо произносит Калев, будто читает мои мысли.

— Знаю.

Глава 11

В один особенно паршивый год, когда за несколько месяцев мне пришлось иметь дело с тремя мертвыми детьми, Фрэнк Лири отправил меня к психотерапевту.

— Это не наказание, — сказал он. — Просто таков протокол, Анна. Тебе было нелегко.

— Со мной все отлично.

— Очень хорошо. Пусть и дальше так будет.

Психотерапевта звали Королла, как модель «тойоты». Ее офис располагался в Эмбаркадеро, с видом на Бэй-бридж. Из ее окна можно было разглядеть только металлический осколок моста, ерунду размером с зубочистку, если собираешься заряжать цену. У нее было кресло Имзов^[16] и очки Салли Джесси Рафаэль^[17] в красной оправе; колени прикрывало кашемировое пончо, треугольный край которого свесился к сдержанному персидскому ковру, когда она положила ногу на ногу.

«И как это должно работать? — думала я. — Как мне рассказать этой женщине в пончо хоть что-то значимое? И с чего мне вообще рассказывать? Я хорошо справляюсь со своей работой, у меня отличный послужной список. Мы не спасли этих троих, но такое случается. Мы спасем следующих. Мы будем продолжать борьбу».

— У вас есть проблемы со сном? — спросила Королла, сбивая меня с мысли. — Кошмары?

— Не больше, чем обычно.

— А как насчет злоупотребления алкоголем? Вы когда-нибудь тревожились, что, возможно, пьете слишком много?

«Сколько это, слишком много?» — думаю я, но стряхиваю с себя тревогу и пожимаю плечами.

— Послушайте, на самом деле я не верю во все эти терапевтические беседы. Не обижайтесь. Я пришла не по собственному желанию.

— У меня много клиентов, которым нужно работать с травмой, — невозмутимо говорит она. — Я стажировалась на солдатах и боевых психотравмах. Многие вышедшие в отставку солдаты становятся полицейскими. Они думают, то, что они тогда видели и делали, давно зарыто, всё в прошлом. Они топят это прошлое. Глушат его. Проблемы

в семье. Алкоголизм. Но потом происходит какое-то событие, которое запускает травму. И они ломаются.

— Зачем вы мне это рассказываете? Я никогда не служила в армии.

— Есть и другие виды боев, Анна. — Королла смыкает перед собой кончики пальцев, ожидая, когда до меня дойдет смысл. — При поступлении вы указали в документах, что воспитывались в приемной семье. И у вас есть братья и сестры. Что с ними случилось?

— Это не имеет никакого отношения к моей работе.

— Возможно. Это зависит от того, насколько ваша работа соотносится с вашим прошлым. С тем, что вы уже перенесли. Вы можете рассказать мне о своих родителях? Вы их помните? Почему они не смогли позаботиться о вас?

Скорострельные вопросы, но слишком хорошо заряженные. Я поерзала в слишком мягком кресле, желая, чтобы наше время уже истекло, — но мы едва начали.

— Я не хочу об этом говорить. В любом случае, если я выверну перед вами душу, не понимаю, чем это поможет мне в работе. Мне будет только хуже.

— На самом деле такой разговор может принести облегчение. Вы это не обдумывали?

— Нет.

Длинная пауза, пока Королла рассматривает меня.

— Анна, люди эластичны. Я не сомневаюсь, что вы потрясающий специалист в своем деле. Вы очень хорошо управляетесь с ним. Возможно, даже чуть лучше, чем нужно.

— И что это должно значить? — я начала тяжело дышать, плечи напряжены и зажаты.

— Что тактика «вбирать все в себя» работает только короткий срок. Вы, возможно, думаете, что можете сколько угодно времени продолжать в том же духе. Но то, что вы переживаете, в действительности никуда не девается. Оно копится внутри и начинает делать свое дело. А ведь еще та старая травма, с которой вы так и не пришли к согласию... Бронированных людей не бывает. Если человек просит о помощи, это не значит, что он слаб.

«Слаб? А это еще откуда?»

— У меня все отлично. Спросите любого, с кем я работаю.

Ее взгляд пробежал по моему лицу.

— Если вы не хотите беседовать, мы можем рассмотреть другие способы помочь вам работать с травмой. Некоторые мои клиенты занимаются йогой или тай-цзи^[18] или ведут дневник. Я просто пытаюсь предложить вам инструменты. — Она отложила блокнот и сняла очки. — Какой момент вашей жизни был самым мирным, когда вы больше всего были собой?

— Что?

— Ваше самое счастливое место?

Я понятия не имела, к чему она ведет этими вопросами, но единственным возможным ответом был Мендосино.

— Не все воспоминания о нем хороши. Но это дом.

— Хорошо. — Королла взяла очки в руку и посмотрела в окно, на сетку проводов, на небо. Потом закрыла глаза. — Я хочу, чтобы вы каждый день мысленно отправлялись в Мендосино, рисовали его в себе. Представляли его, пока он не будет завершен, весь город, как вы его помните. Затем, когда соберется весь образ — именно так, как вам хочется, — я хочу, чтобы вы начали строить дом, очень медленно, доска за доской. Достаточно большой дом, чтобы в нем поместились все, кого вы потеряли, все, кого вам не удалось спасти.

По моему телу пробежал холодок. Я уставилась на нее. Что она за человек, если может говорить такое? Какую вела жизнь, если может сидеть в одной комнате с незнакомцем и без страха закрывать глаза?

— И чем это упражнение поможет?

— Это способ встроить в себя то, что с вами случилось. Целебная мысль.

Целебная мысль? Это что, цитата из какого-то учебника для психотерапевтов?

— Таких больших домов не бывает.

— Это ваш дом, ваш разум. — Ее лицо смягчилось. — Он может быть настолько большим, насколько нужно. Покрасьте комнаты в яркие цвета. Впустите в них свет. И когда все будет, как должно, нарисуйте, как они входят в этот дом, все вместе, счастливые и радостные. Все эти дети, которые заслуживали лучшей судьбы.

Я почувствовала, как в груди что-то задрожало и рухнуло. Если б Королла замолчала хоть на минуту, я смогла бы перезапуститься. Но она не замолкала.

— Суть не в том, *что* вы перенесли, а в том, как вы сможете научиться с этим жить. Анна, вам нужно вылечить себя. И себя-ребенка тоже. Сделайте для нее комнату. Отыщите способ впустить ее туда.

Глава 12

Расставшись с Калобом, я возвращаюсь в домик, разогреваю банку жаркого и ем его над раковиной, потом наливаю в стакан на два пальца «Мейкер’с марк»^[19] и мельком ловлю свое отражение в оконном стекле. Растрепанный хвост, мятая термофутболка, джинсы, не стиранные уже пару недель. Калоб вежливо не упомянул все это при встрече, но у меня явно период «Зова предков».

Я бодрствую сильно за полночь, пью и смотрю в огонь, пока в какой-то момент не засыпаю на шершавой клетчатой кушетке в гостиной. Приходят сны, которых я не хочу. О которых не просила. И сны ли это?

Я в лесу на узкой тропе с Иден. Она идет впереди, на ней одна из тяжелых рабочих курток Хэпа. Плечи сильные, расправленные. Значит, она не больна. Еще не больна.

— Анна, смотри сюда. Мне это показала одна шаманка. — Указывает на дерево, которое выгнуто вбок, как будто у него есть поясница и оно вглядывается в жирный, влажный перегной.

«Погоди».

— Ты знакома с шаманкой?

— Это знаковое дерево. — Она слышала мой вопрос? — Стрела. Помо сотни лет назад передавали таким способом послания. И видишь, мы только что его получили.

— Какое послание?

Потом Иден исчезает; вместо нее со мной Хэп, старше, чем я когда-либо видела его при жизни. Согнутый, как дерево, почти вдвое. Сгорбился над тропой.

— Ничего особенного. Просто бедро, — говорит он, будто слышит мои мысли и знает, что я о нем тревожусь. — Пойдем. Нам нужно сделать это вместе. Мы почти пришли.

Куда? Я пытаюсь шагнуть к нему, но почему-то застряла на месте, как приклеенная.

«Мне тебя не хватает, — пытаюсь произнести я. — Я не могу справиться в одиночку».

— Почти пришли, — повторяет Хэп. Но не двигается.

Вокруг нас туман, такой плотный, что каплет с деревьев. На тропе, рядом с влажным носком моего ботинка, я вижу бананового слизня, желто-зеленого, толстого и скользкого.

— Сегодня все пьют. — Хэп снова слушает мои мысли и легонько посмеивается. — Вот оно. Смотри.

Это то же самое знаковое дерево, но ветви указывают вниз, на раненую олениху. Ее шкура разорвана чем-то ужасным, живот разгрызен, и я вижу, как внутри тела дрожит сердце размером с кулак, черное от крови. Из горла оленихи доносится звук, не человеческий и не животный, но принадлежащий обоим — звук глубокой, невыносимой боли.

«Ох, Хэп. Сделай что-нибудь».

— Я не могу, но *ты* можешь. Она совсем как ты, милая. Вот как ты ее найдешь.

Потом олениха исчезает. Подстилка леса коричневого цвета, с иголками секвойи, прохладная, сплошная и ровная. Хэпа нигде не видно, но я слышу его; его слова проходят сквозь меня, как самый первый звук, как шум моря в раковине, целый лес в одной ветке.

— Не бойся. Ты поймешь, что делать. Просто следуй за знаками.

«Что? Нет. Вернись!».

— Анна, милая... Вот почему ты здесь. Открой глаза.

* * *

Я просыпаюсь с гудящей головой. Язык сухой и распухший. Мне уже давно снятся яркие сны. Рано или поздно это случается со всеми полицейскими. Но от этого сна остается похмелье, которое не имеет ничего общего с «Мейкер'с марк».

Я забираюсь под душ и долго стою под текущей водой. Жду, когда гул в голове уляжется, но он не хочет. Меня накрывает волна тошноты, и я опускаюсь на пол, обнимая колени, а вода занавешивает меня горячим дождем. Я чувствую странную ноющую боль внизу живота, ощущение, которое сбивает с толку, пока я не улавливаю слабый запах железа. Замечаю струйку крови, текущую между ног и дальше, в слив, бледно-розовую, слабую. Мой цикл вернулся.

Пока медленно проходил мастит и груди начинали возвращаться к норме, я пыталась забыть о своем теле, но оно, похоже, все помнит. Как я кричала в тот день чужим голосом. Как Брендан твердил мне, что «скорая» уже едет, будто это еще что-то значило.

Соседка, Джоан, не отходила от меня. У нее было белое лицо, абсолютно бескровное. «Мне так жаль», — все время повторяла она. Но я не могла ей ответить. Потом надо мной стояли медики из «скорой»; мои джинсы липли к ногам, влажные и холодные. Внутри них я чувствовала себя мертвой. Мне нужно было выпустить тело, но я не могла разжать руки. Издалека я слышала детский плач. Один из медиков все время повторял мое имя, которое почему-то звучало абсурдом.

Мокрая, дрожащая, я ощущаю все это с ужасной непосредственностью: тяжесть вины, боль Брендана, сомнения Фрэнка, руины моей жизни вдали, будто горящий город. Я надеялась, Мендосино поможет мне исцелиться и забыть. А вместо этого он оказался полон призраков и следов. Посланий, которые нетерпеливо дожидались меня.

Хэп в моем сне о раненой оленихе. «Она совсем как ты, милая. Вот как ты ее найдешь». Затравленный взгляд Кэмерон на листовке о пропаже. Ее крик о помощи, который я не могу заглушить даже на минуту, как ни стараюсь.

Поднимаюсь. Колени трясутся так сильно, что мне больно. Я только приехала сюда. Я даже близко к подобному не готова. Но это неважно. Зеркало в ванной затянато влажной пленкой. Все, кроме небольшого круга, и в его центре — мое лицо. Каждый знак говорит об одном.

Мне назначено найти Кэмерон Кёртис.

Часть II

Тайные вещи

Глава 13

4 июля 1970 года все патрульные машины департамента шерифа выстраивались на Мейн-стрит на парад, к фейерверку на утесе. Мне было двенадцать, я ждала своей доли бенгальских огней, которые шериф Эллис Флад раздавал всем ребятам. У него в кабинете стояла целая коробочка, включая дымовые бомбы, фонтаны и даже ракеты с надписью «Не держите в руках после того, как подожгли фитиль» на боку оранжево-синей коробочки — как будто нам нужно было об этом говорить. Хотя, возможно, нужно было.

Мне всегда было неудобно во время праздников. Празднование обычно подразумевало для меня хаос, а взрослые, которые всем руководили, были рассеянными и сумасбродными больше обычного, позволяя себе оттянуться.

...Рождественским утром, когда мне было восемь, я рано проснулась в нашей квартире в Рединге и обнаружила, что моей матери нет не только в кровати, но и вообще дома. В гостиной, под пластиковой елкой, которую мы поставили неделю назад, на месте подарков была только скомканная простыня. Гирлянда осталась включенной на ночь и теперь разбрасывала мигающие радужные яйца по полу и стенам. На кофейном столике рядом с переполненной пепельницей из пластикового пакета высовывались три красно-белых носка, всё еще с этикетками из магазина.

Я только начала собирать все части вместе, когда дети выбрались из своей комнаты, и мне пришлось быстро соображать.

— Санта приходил? — спросил Джейсон. Он был в футболке с Капитаном Кенгуру^[20], без штанов, и прижимал к себе Фредди, плюшевого гепарда.

— В этом году он сильно занят, — торопливо ответила я. — Наверное, придет следующей ночью.

— А где Робин? — Эми вытащила изо рта большой палец, чтобы задать вопрос, потом быстро засунула его обратно, оглядывая комнату, пока я мягко подталкивала ее в спину.

— Помогает Санте. Пошли, давайте поедим.

Джейсон и Эми были моими сводными братом и сестрой, четырех и пяти лет от роду. Ирландские близняшки, так их звала моя мать, хотя

я понятия не имела, что она имеет в виду. Их собственная мать, Триш, всегда была немного не в себе и давно не заходила их проведать. Наш папа, Ред, отбывал срок за вооруженное ограбление винного магазина. Он был в лыжной маске, но снял ее, как только вышел на улицу, а там были свидетели.

— Вот идиот, — не раз приговаривала мать после вынесения приговора. — Он бы обеими руками собственную задницу не нашел.

Я давно научилась соглашаться с ней и не усложнять жизнь. К счастью, она любила детей, даже наполовину чужих, и не заботилась о Триш. В любом случае большую часть работы по дому делала я. Мы жили сами, вчетвером, уже много месяцев, и все шло нормально. Мне позволяли готовить с пяти или шести лет, и за все время не было ни одного происшествия, даже обожженного пальца.

— Ты хороший помощник, — не раз и не два говорила мама, и всякий раз мне казалось, что из-за большой мрачной тучи выходит солнышко.

В то утро я подтащила стул к плите, чтобы приготовить яичницу-болтунью, и размешивала яйца на сковородке деревянной ложкой, пока они не прожарились как следует. Иначе Эми отказывалась их есть.

У Эми были очень светлые волосы. Когда она тревожилась, то засовывала их кончики в рот и сосала вместе с большим пальцем. Сейчас она так и делала.

— Где Робин? — снова спросила Эми.

— Я же говорила, она помогает Санте. Пей свое молоко.

— Я хочу еще есть, — сказал Джейсон. — Можно мне печенье?

— Тебе хватит. — Я уже проверила наши запасы еды. Однажды, прежде чем дети переехали жить к нам, мама вышла в магазин за сигаретами и не возвращалась два дня. Я ела хлопья, пока у меня не закончилось молоко. Но сейчас придется быть сообразительнее. — Держи, — я подсунула Джейсону остатки своей порции. — Сейчас мы оденемся и пойдем играть на улицу.

— А ты не идешь в школу? — спросила Эми.

— Нет, лапа, сегодня же праздник. И хватит задавать вопросы.

Весь тот день мы играли во дворе нашей многоэтажки: в прачечной — отличное место для прятков — и в бассейне, который осушили в конце лета. Мы ели бутерброды с сыром в зарослях камелии, а потом строили волшебный сад из камней, прищепок для белья и

всего, что нашли. Хорошая игра, потому что она заняла нас надолго. Всякий раз, когда кто-то из детей спрашивал, скоро ли мы пойдем в дом, я говорила им немного потерпеть. Рождество в этом году задержалось из-за снежной бури на Северном полюсе, поэтому Робин и пришлось помогать Санте.

Все шло гладко, как во сне, пока одна из наших соседок, Филлис, не вышла со своим чихуа-хуа, Бернардом. Она остановилась, обозревая нас с таким видом, будто мы даже дышим неправильно.

— Где ваша мать?

— Спит, — ответила я, бросив взгляд на детей, который означал, что им не следует перебивать меня.

Джейсон кивнул и потянулся к Бернарду, который, дрожа, отскочил в сторону. Этот пес не любил людей, особенно детей, но Джейсон просто не мог удержаться.

Филлис недовольно подхватила извивающегося питомца, продолжая тарашиться на нас.

— В Рождество?

Эми пискнула:

— А разве нельзя? Она устала.

В конце концов Филлис вернулась в свою квартиру, но продолжала выглядывать в щель между портьерами. Тем временем я сказала детям, какие они молодцы и как я ими горжусь. Это было правдой. Мои тревоги о матери уравнивали беспечность этого дня, легкость, с которой шла жизнь, если не считать встречи с Филлис. Свобода. У мамы был «забот полон рот», как она часто повторяла. Даже с продуктовыми карточками прокормить троих детей было непросто. Каким бы сумасбродным и капризным ни был Ред, он всегда находил способ рассмешить маму. Сейчас, когда его исключили из общей картины, ничто не мешало ей все глубже погружаться в колодец уныния. Она была одинокой, усталой, а жизнь оставляла ее на обочине.

Однажды я обнаружила Эми в коридоре у двери в мамину спальню, откуда слышался плач. Мама не выходила из комнаты весь день.

— О чем Робин так переживает? — спросила Эми, когда я дала ей горстку печенек, чтобы отвлечь.

— О многих вещах. Ты не поймешь.

Глава 14

Уилл сидит в том же кабинете, где сидел его отец. Он поднимает взгляд от стола, когда я стучу, окруженный документами в круге белого света. На его щеках и верхней губе золотисто-рыжая щетина; взгляд усталый, но выжидающий. И удивленный.

— Анна? Привет. В чем дело?

— У тебя есть время поговорить?

— Ситуация сейчас довольно напряженная. Может, я позвоню тебе попозже?

— На самом деле я надеялась, что ты разрешишь помочь тебе с этим расследованием.

— Что? — Уилл часто моргает. — Ты серьезно?

— Очень.

Он наливает нам кофе в заляпанные керамические кружки, бросает туда по щепотке сухих сливок. Запах сладкий и химический, знакомый. Здесь все знакомо: бежево-серые пустынные стены, папки-регистраторы с торчащими записками и формами, свернувшиеся клейкие листочки и полузаполненные блокноты три на пять дюймов, разбросанные синие биковские ручки с пожеванными колпачками. Над столом Уилла висит лист оберточной бумаги с нацарапанными списками фамилий, мест и дат по делу Кэмерон. Рядом — еще одна листовка о пропаже человека, приколотая на уровне глаз.

ПОХИЩЕНА

Под угрозой ножа

Полли Ханна Клаас

Дата рождения: 03.01.81

Каштановые волосы, карие глаза

147 см, 36 кг

Видели последний раз: 01 октября 1993 года в Петалуме, Калифорния

Мой взгляд ловит — наталкивается, — и мысль ускоряется. Первое октября было вчера.

— Подожди. А это что такое?

Уилл встряхивает головой, словно желая выбросить из нее факты.

— Я понимаю, это сразу не переваришь. Я с рассвета на телефоне. Подозреваемый все еще на свободе. — Он протягивает набросок крепко сложенного мужчины средних лет.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Белый мужчина 30–40 лет

Рост примерно 190 см, волосы темные/темно-серые

Бородатый, носит темную одежду,

на голове желтая бандана

Если вы располагает какой-либо информацией об этом человеке,

ЗВОНИТЕ В ПОЛИЦИЮ ПЕТАЛУМЫ

707-778-4481

Сразу не переваришь? Я пришла, готовясь помочь, чем смогу, в поисках одной девушки, — и вот еще одна... Как будто где-то работает безумная крутящаяся дверца.

— Как это связано с нашим делом? Это может быть тот же парень, который похитил Кэмерон?

— Я вроде как на это надеюсь, — выдыхает Уилл. — На этот раз есть свидетели. Есть место преступления. С Полли были две ее лучшие подружки, когда он вошел в комнату. Они слышали его голос. Видели его лицо.

Чем дольше я слушаю подробности, тем сильнее становится чувство, что я погружаюсь в густую темную воду. Мы сейчас на самом дне. Три двенадцатилетние девочки устроили пижамную вечеринку. Но их пятничная ночевка порвалась, как розовое бумажное сердечко. Похититель Полли возник в дверном проеме спальни, угрожая перерезать им горло, если они закричат. Он положил подушки девочкам на головы и заставил считать до тысячи. На что была похожа эта тысяча? На вечность.

— На задней двери отпечатков пальцев нет, — продолжает рассказывать Уилл. — Он вошел там. Криминалисты нашли отпечаток в комнате Полли, но слишком смазанный, чтобы прогнать его по базам. Похоже, он пришел, заранее заготовив веревку из хирургической нити и капюшон из какой-то шелковой ткани.

Я тянусь к бокам древнего стула, гладким и твердым.

— С одним капюшоном?

— Верно. Девочки сказали, он растерялся, когда увидел, что их трое. Он спросил, которая из них живет здесь.

— Возможно, он увидел Полли в каком-то другом месте и запал на нее, не подумав или не беспокоясь, кто еще может оказаться в доме, когда он придет за ней. Дом, полный девчонок, не бывает тихим. Где были ее родители?

— Мама спала, а папа был у себя дома. Они разведены.

— Они, возможно, не смогли бы ее защитить, даже если б оба были там и бодрствовали. Когда некоторые хищники начинают действовать, они уже ни перед чем не останавливаются.

Глаза Уилла слегка стекленеют, и я знаю, почему. Последние десять дней, с тех пор как семья Кэмерон сообщила о ее исчезновении, он идет по минному полю. Но сейчас мин стало в два раза больше. Риск удвоился.

— Если это тот же парень, который похитил Кэмерон, — наконец произносит Уилл, — в смысле если он активно охотится, то нет шансов, что мы найдем ее живой, да? Что ты скажешь?

Тут нет простого ответа. Семьдесят пять процентов похищенных детей погибают в первые три часа. Однако Кэмерон не ребенок. Ей пятнадцать. Но есть и другое: за всю навозную кучу дел, которыми я занималась, жертва-подросток только однажды смогла сбежать от похитителя и вернуться домой — через два года после похищения.

Обычно даже найденное тело — уже победа. Люди способны на все, что вы можете вообразить. Однако в то же самое время, когда мозг полицейского говорит, что Кэмерон, вероятно, мертва, другой голос, голос чистого инстинкта и интуиции, говорит не сдаваться.

— Послушай, мы ничего не можем знать, пока не получим больше информации. Ты на связи с департаментом в Петалуме?

— С утра, первым делом. Детектив Эдди Ван Лир ведет дело от полиции Петалумы. — Уилл берет ближайший блокнот и перелистывает страницы. — Род Фрэзер — спецагент ФБР. Ты с ним когда-нибудь работала?

— Один раз, лет десять назад. Он надежный мужик. Совсем не похож на типичного фэбээровца. Ему не требуется доказывать, что он тут главный.

— Ну хоть кто-то там трудится всерьез... Фотографии Полли уже повсюду. Это дело разошлось на всю страну, а у меня ничего нет. Ван Лир говорит, у него уже шестьдесят человек.

— Ты же сам понимаешь, откуда там такая шумиха. Двенадцатилетнюю девочку в пятницу вечером выволокли из спальни под угрозой ножа. Самый страшный кошмар для родителей.

— Ладно, но Кэмерон Кёртис — мой кошмар уже неделю с лишним. Анна, я здесь тону. — В его голосе звенит напряжение. — У меня нет ни помощи, ни следов. Семья начинает сходить с ума. А что мне им сказать? Господи...

Это чересчур много для него одного. Это чересчур много для нас обоих, но я не собираюсь этого говорить. Ставлю кофе и касаюсь его руки, шершавой и холодной.

— Уилл, возможно, похититель Полли Клаас и наш преступник — один и тот же человек, но шансов на это мало. У серийных преступников очень специфичные поведение и предпочтения. Полли еще не достигла половой зрелости и выглядит младше своего возраста. У нее еще нет груди, она не пробуждает такое влечение. Кэмерон эмоционально юная, но она выглядит как женщина, не как ребенок.

— О'кей, я понял. Но иногда срабатывает просто благоприятная возможность, верно?

— Конечно. Возможно, Полли проходила мимо, когда его перемкнуло, и он решил кого-нибудь схватить. Но, Уилл, задумайся на минутку о его поведении. Этот парень в Петалуме вошел прямо в дом с людьми, держа нож, и оставил свидетелей.

Уилл медленно кивает.

— А Кэмерон просто исчезла.

— Именно так, честно говоря, это обычно и случается, особенно с подростками. Если ты хочешь отыскать кого-то вроде Кэмерон, тебе придется изучить жертву, чтобы найти ответы. Ты должен жить и дышать ею. Нырнуть в глубину. И тогда, возможно, возможно, она покажет тебе, где ее искать.

— Ты действительно хочешь прыгнуть во все это вместе со мной? — надежду в голосе Уилла можно пощупать рукой. Это потрепанный флаг, развевающийся в дыму.

— До тех пор, пока ты не выставляешь меня наружу. Мое имя никуда не попадает. Ни в заявления, ни в платежную ведомость. Я не разговариваю со СМИ и однозначно не разговариваю с ФБР. Я здесь только ради тебя и этих девушек. Это все.

— Устанавливай любые правила. Я просто рад, что ты здесь.

Я делаю вдох, ощущаю холодный металлический край стола.
Ответственность уже сводит мне плечи.
— Я тоже.

Глава 15

Во вторник, 21 сентября, Кэмерон отправилась к своему лучшему другу, Грею Бенсону, чтобы позаниматься, а потом пешком пошла домой. Дома она была примерно в 18:15. Она и ее мать Эмили поужинали, потом Кэмерон ушла к себе в комнату. Сразу после десяти Эмили заглянула к Кэмерон. Они пожелали друг другу спокойной ночи, потом мать, как обычно, включила сигнализацию и отправилась спать, предполагая, что Кэмерон тоже уснет. Но на следующее утро, в семь, зайдя разбудить Кэмерон к завтраку, женщина обнаружила, что в комнате пусто, а сигнализация отключена. У нее не было времени задуматься, почему: то ли что-то сломалось, то ли она забыла ее включить. Пропала ее дочь.

В 7:09 она позвонила своему мужу, Трою Кёртису, который находился в Малибу. Разговор длился три минуты. Как только Эмили повесила трубку, она позвонила в 911. Офис Уилла откликнулся почти сразу. Еще не было восьми, а они уже расспрашивали Эмили и прочесывали комнату Кэмерон в поисках улики. Но ничего не нашли.

На воротах была установлена видеокамера. Записи хранились неделю. Вечером двадцать первого на записи не было ничего необычного. Эмили приехала домой около шести, а потом не происходило ничего вплоть до вызова 911 и приезда команды Уилла. Они обыскали комнату Кэмерон, проверили дом и прилегающую территорию, но не нашли никаких следов взлома. К тому же ничего не пропало. По словам Эмили Хейг, Кэмерон сэкономила свои карманные деньги и держала в комнате по меньшей мере несколько сотен долларов. Но они остались нетронутыми.

Вот и все, что у меня есть. Практически ничего. Простейшее объяснение — Кэмерон решила сбежать. Отключила сигнализацию и выскочила из дома в ночь через переднюю дверь и дальше, в лес, избегая главных ворот. Такое случается постоянно. Дети сбрасывают родительские дома, как змеиную шкуру, перебираясь к чему-то или кому-то, обещающему свободу. Одна версия этой свободы черна и необратима, вроде утеса в сотне ярдов от дома Кэмерон. Она могла спрыгнуть оттуда. Тело унесло течением или было растерзано акулами.

Кэмерон сознательно стерла себя. Побег был продиктован внутренней болью, которую никто не видел и о которой не догадывался.

Если она была склонна к самоубийству или даже просто эмоционально разбита, ее удочерение может являться частью уравнения. Кэмерон вручили государству перед ее четвертым днем рождения, в исключительно нежном возрасте, хотя, по моему опыту, таков любой возраст ребенка. Какой бы ни была ее жизнь, прежде чем от нее отказались — и помнила ли она об этом или нет, — это время по-прежнему с ней. Я слишком хорошо это знаю. Оно внедрено в нервную систему, вплетено в ее главный чертеж. Там же останется и шоковая травма от замещения. За один день, в одну поездку на машине с социальным работником, ее старая семья стерта, выброшена, из ниоткуда появились новые родители, один из которых известен всюду. Эту часть я могу только представить, но это должно было сбивать с толку. Создавать новые трудности, когда она повзрослела и поняла, что ее мать — известная кинозвезда. Ненамного легче, чем одномоментная потеря семьи по чьему-то решению, принятому за нее, возможно, даже без попытки объяснить. Подписаны какие-то документы, и ее жизнь остановилась и запустилась заново. Девочку, которой она была, стерли вместе с данным при рождении именем и всем остальным. Братями и сестрами, домашними животными, соседями, игрушками и воспоминаниями. Целыми годами жизни.

Смотреть на ее досье — все равно что смотреть на версию моей собственной истории. Поэтому я знаю, что даже если Кэмерон повезло с Кёртисами, как мне повезло с Хэпом и Иден, вряд ли она свободна от призраков. Неважно, насколько у детей устойчивая психика, насколько они желанны, любимы и взлелеяны новыми родителями. Исходные раны от заброшенности и отторжения не исцеляются по волшебству. Их не могут вылечить даже мужество и внутренняя сила, потому что родительские связи изначальны.

Матери и отцы должны быть рядом. Такова человеческая история, в каждой культуре, с начала времен. Моих рядом не было, родителей Кэмерон — тоже. Все шрамы, которые есть у меня, есть и у нее. Проблемы с доверием, привязанностями, проблемы идентичности, ощущение пустоты, изоляции, чуждости и отчаяния — трещины души, которые не зарастают. Я вижу их. Я живу с ними. Те, у кого внутри

пустота, будут искать раз за разом, иногда всю жизнь, способы ее заполнить.

Глава 16

В то Рождество, когда мне было восемь, мама не вернулась. Конечно, мне было страшно. Я тревожилась, что она попала в какую-то беду и не смогла позвонить. Я старалась не задумываться, где и как она может застрять без чужой помощи, пока мы с ребятами кучковались в ее кровати, выдав Фредди его собственную подушку. В какой-то момент они наконец перестали спрашивать о Санте, и это казалось маленькой победой. Когда я легла, под одной рукой у меня оказались шелковистые волосы Эми, под другой — футболка Джейсона, и это почему-то помогло успокоиться.

На следующее утро я оставила ребят смотреть телевизор, а сама ограбила консервную банку с деньгами в кухне и сходила в аптеку-закусочную за хлебом, молоком, яйцами и арахисовой пастой, поскольку продуктовые магазины были закрыты. На обратном пути столкнулась с Филлис и Бернардом, и она скривилась, будто знала правду.

— А где сегодня твоя мама?

— Спит.

— Опять?

— Ага. — Внезапно я возненавидела ее и ее пса. — Надеюсь, вы хорошо встретили Рождество. До свидания.

* * *

Встреча с Филлис выбила меня из колеи, но когда я вернулась домой и закрыла дверь, день пошел отлично. На самом деле это был один из самых приятных дней в моей жизни. Без подарков — зато была еда и столько телика, сколько захочется. Мы построили в гостиной форт из простыней и одеял и играли в нем весь день. Когда стемнело, выключили весь свет, кроме гирлянды на елке, улеглись на ковре и смотрели вверх сквозь густые ветки, как радужные лампочки вспыхивают и гаснут. Почти как во сне. Потом я отвела детей в ванную и убедилась, что они вымыли головы и прочитали молитвы. К тому времени, когда мы пошли спать, я начинала верить, что мы сможем

жить так вечно, даже если мама никогда не вернется домой. Я знала, как заботиться о Джейсоне и Эми. Я могла с этим справиться. С нами все будет о'кей или даже лучше, чем о'кей. Мы будем счастливы.

Однако следующим утром я проснулась очень рано и не выспалась. Джейсон обмочился в кровати, и мы все промокли. Пришлось подложить полотенца, но потом я все время скатывалась на мокрое место и каждый раз просыпалась. Еще я продолжала тревожиться насчет Филлис и думала, не столкнемся ли мы с ней снова и не начнет ли она звонить по телефону, чтобы выяснить, где на самом деле моя мать. Я почти не сомневалась, что она мне не поверила.

Я встала, пошла на кухню и начала готовить завтрак, но каждые несколько минут поглядывала в окно. Дети сели смотреть мультики, выкрутив громкость побольше. Я тревожилась, отвлекалась и постоянно думала, что слышу, как кто-то идет по коридору к нашей квартире. В конце концов подошла к двери, выглянула наружу и посмотрела в обе стороны коридора. Именно тогда я учуяла запах горящих яиц. Я слишком сильно включила газ. Масло уже почернело и начало дымиться. Едва осознав, что происходит, я спихнула сковородку с огня. Она лязгнула об пол, но пожарная сигнализация уже сработала, завопила и заморгала посреди кухонного потолка. Я не могла дотянуться до нее, даже со стула. Джейсон с Эми завопили, я кричала, чтобы они перестали, но от этого они только завыли громче. Я не могла думать. Я не знала, что делать. А потом кто-то начал стучать в дверь, и я поняла, что совершила ужасную ошибку. Нам нужно было есть только хлопья. Хлопья и арахисовую пасту.

Копы вломились в гостиную, массивные и широкие, пугая детей своей формой и пистолетами в кобурах, своим потоком вопросов. Когда я в последний раз видела маму? Что она сказала перед уходом? Она говорила, куда собирается в канун Рождества? Знаю ли я, как связаться с папой? Есть ли поблизости другие родственники? В основном мне даже не требовалось отвечать. Джейсон и Эми сидели рядом на диване, крепко прижавшись ко мне. Я продолжала твердить им, что все будет хорошо, но уже знала — все хорошее осталось в прошлом.

* * *

...Кёртисы живут к северу от города, на уединенном отрезке Лэнсинг-стрит, высоко над Мясницкой ложиной. Когда мы подъезжаем в патрульной машине Уилла к воротам, он нажимает кнопку, и кто-то выпускает нас.

— Это точно выглядит как жилище кинозвезды, — говорю я, пока «дворники» дергаются, сбрасывая тонкую пленку дождя.

— Она больше не кинозвезда. Перестала сниматься, когда они переехали сюда. Это было четыре года назад.

— Какая она?

— В смысле *до всего этого*? Даже не знаю. Их семья живет обособленно. Муж летает на работу на частном самолете. Все продукты им доставляют. Удивительно, что Кэмерон позволили ходить в обычную школу, а не наняли учителя или что-нибудь такое. Должно быть, это их единственная уступка. Замах на реальную жизнь.

Пока мы паркуемся и вылезаем, широкая дверь открывается и появляется Трой Кёртис. Моложавый и симпатичный, в полинявших джинсах и кофте. Мы торопливо заходим в дом — он придерживает для нас дверь, и я вижу, что он старше, чем казалось. Ему, наверное, под пятьдесят. У него морщинки у глаз и рта.

Мы с Уиллом в прихожей, где каждый предмет безупречен и выстроен с почти хирургической аккуратностью. Скрытое освещение и датская мебель. Все белое. Пол, на который с нас капает вода, бледный и гляцевый.

— Сейчас принесу полотенца, — говорит Трой и исчезает.

Когда он возвращается, я смущенно вытираюсь, пока Уилл представляет меня как следователя, консультирующего по делу Кэмерон. Как мы и договорились.

— Есть какие-то новости насчет той похищенной девочки в Петалуме? — спрашивает Трой. — Здесь есть какая-то связь с Кэмерон?

— Пока что мы ничего не знаем, — отвечает Уилл. — Но мы работаем в плотной связке с той группой. Как только у нас будут новости, мы ими поделимся.

Трой устало кивает, проводит нас в гостиную и указывает на гладкие кресла без подлокотников. Я все еще держу полотенце и подкладываю его под зад, чувствуя себя не в своей тарелке. Но так не пойдет.

— Мистер Кёртис, ваша жена дома?

— Эмили только что прилегла. Последние дни сильно на ней сказались.

— Конечно. Это ужасное время для вас обоих, но я несколько отстала в этом расследовании. — Бросаю взгляд на Уилла. Хочу убедиться, что не перехожу границы. Но он откидывается на спинку кресла. «Я ненавижу быть первым». Вот о чем говорит мне его поза. Это *мне* нужно наверстывать. — Вы можете вкратце изложить для меня события той ночи, когда исчезла Кэмерон?

Трой выглядит измотанным, но соглашается.

— Хотел бы я быть здесь, но я работаю в Лос-Анджелесе и всю ту неделю провел в нашем доме в Малибу.

— Как здесь обычно проходят будние вечера?

— Ужин, домашние дела... Ничего особенного. Я разговаривал с Эмили чуть раньше десяти. Кэмерон находилась в своей комнате. Все было отлично.

— А следующее утро? Что случилось тогда?

— Когда Кэмерон не вышла к завтраку, Эмили заглянула к ней и позвонила мне. Я сказал ей связаться с полицией, потом вылетел сюда.

— Ваша дочь в последнее время выглядела расстроенной?

Трой мотает головой.

— Кэмерон всегда тихая. Она интроверт, больше похожа на Эмили, чем на меня. Но я бы не сказал, что она была расстроена.

— Насколько я понимаю, у нее хорошие оценки и она любит читать. Не особенно популярна, никаких спортивных достижений. Вам никогда не казалось, что в ее застенчивости или отстраненности кроется что-то еще?

— Что вы имеете в виду?

Я смотрю в его дымчато-серые глаза.

— Некоторые дети уходят в себя, но на самом деле они втайне выражают свои эмоции. Повреждают себя или принимают наркотики. Вступают в рискованные сексуальные связи.

— Нет. — Он морщится. Едва заметно, но я замечаю. — Ничего подобного. Она хорошая девочка.

— Мистер Кёртис, я не предполагаю, что ваша дочь плохой человек или что она делает нечто плохое.

— Подростков бывает трудно понять, — подключается Уилл.

— Иногда им нелегко, но никто об этом не знает, — добавляю я. — Они хорошо прячут свои чувства.

— Я бываю рядом с ней меньше, чем привык, — говорит Трой, — но Эмили наверняка бы заметила, если б что-то было неладно.

Я меняю курс:

— Расскажите мне немного об удочерении.

— Мы пользовались услугами агентства в Сакраменто. «Католический семейный приют». Я полагаю, они до сих пор существуют.

Я записываю название в блокноте, который прихватила с собой.

— Удочерение было открытым или анонимным?

— Анонимным. А почему вы спрашиваете?

— Просто думаю вслух. Дело не всегда в этом, но некоторые дети не могут справиться с болью от отказа. От того, что их бросила первая семья. Такая боль ведет к определенным типам поведения и рискам.

— Я уже сказал: ничего подобного.

— Агентство сообщило вам хоть что-нибудь о семье, в которой она родилась?

— Очень мало. Мы знали, что там был еще один ребенок, чуть старше. И что там были аресты и наркотики.

— Вас это не напугало?

— Думаю, немного. У Эмили были очень четкие представления о добре, о помощи там, где она нужнее всего. — Он прищуривается и внезапно переходит к обороне. — Вы имеете в виду, что мы поступили неправильно?

— Ничуть. Я просто прикидываю направления для дальнейшей работы. Скажите, были ли в жизни Кэмерон какие-то старшие мужчины, которые могли выказывать к ней особый интерес? Например, друг семьи или учитель?

— Прямо сейчас в голову никто не приходит...

— Стив Гонзалес, — произносит Эмили с подножья консольной лестницы. Она подошла к нам совершенно беззвучно. — Ее учитель английского.

Глава 17

Одно дело видеть Эмили Хейг в роли Хейди Бэрроуз в комедийном сериале «Девушки из Сохо» — ее шутки, одежду и прическу, известные всему миру. И совсем другое — сидеть с ней в ее гостиной посреди слишком реальной трагедии. Она красивее, чем может передать любая камера, и печальная такой хорошо знакомой мне печалью. На несколько мгновений я задумываюсь, смогу ли это выдержать, но моя цель преодолевает замешательство.

Я встаю.

— Меня зовут Анна Харт. Я — новый агент, работающий по делу Кэмерон. Надеюсь, мы вас не разбудили.

— Ничего страшного. — Эмили направляется к дивану. Она выглядит одновременно собранной и хрупкой, будто оберегает физическую рану, а не эмоциональную. — Ту девочку из Петалумы уже нашли?

— Боюсь, что нет, — отвечает Уилл. — Как только у нас будут новости, мы с вами поделимся.

— Я знаю, как вам должно быть тяжело, — говорю я. — Не могли бы вы немного рассказать мне о Кэмерон?

— Что вы хотите знать?

— Все, что угодно. У вас хорошие отношения? Она с вами разговаривает?

— Об этом меня еще никто не спрашивал... — Женщина обхватывает себя руками, будто ей холодно. — Думаю, да. Я пыталась дать ей знать, что она может всегда прийти ко мне. Но вы понимаете, матери и дочери...

— Конечно, — по-доброму говорит Уилл. — Но — помимо обычных трений? В последнее время с ней что-нибудь происходило? Ее поведение как-то менялось? Какие-то новые факторы стресса?

— Мы это уже обсуждали. — Трой обхватил руками колени и плотно сплел пальцы.

— Я знаю. Но нам нужно быстро ввести детектива Харт в курс дела. Чем больше вы будете с нами сотрудничать, тем лучше мы сможем помочь Кэмерон.

— Помочь ей? — взрывается Трой. — Мы просто болтаем об одном и том же. Может, вы наконец выйдете отсюда и начнете ее искать?

— Трой, — произносит Эмили, пытаясь придержать его.

— Что? — его лицо багровеет. Внезапно в нем не остается ничего симпатичного или сдержанного. Он — загнанное в угол и отбивающееся животное.

— Я уверяю вас, что мы действуем, — вмешивается Уилл. — Все люди моего департамента работают по этому делу с первого дня. Мы надеемся в ближайшее время получить свежую группу от Лесной службы. Для нас важнее всего найти вашу дочь.

— Все мы хотим одного, — добавляю я, стараясь пересилить свои чувства. Мне и так слишком близко это дело, а тут еще реакция Троя. Я не уверена, что доверяю ему, да и себе, если на то пошло. — Сейчас нам нужно сосредоточиться на Кэмерон. Кто она, что ее заботит, как выглядят ее дни, кого она видит после школы... У нее есть бойфренд?

— Нет, — быстро отвечает Эмили. — Ни одного.

Это меня удивляет.

— У такой красивой девушки? Она не интересуется мальчиками? Или мужчинами?

— Мужчи́нами? — Эмили выглядит расстроенной. — По крайней мере, я об этом не знаю. Она этим со мной не делилась. — Она бросает взгляд на Троя. — С нами.

— А что учитель, которого вы упоминали? — нажимает Уилл. — Вы с ним знакомы? Когда-нибудь видели их вместе?

— Учебный год только начался, но я видела его на вечере открытых дверей. Не думаю, что он вел себя как-то неуместно, но он определенно интересовался Кэмерон. Он сказал ей, что она одаренный писатель и поощрял ее занятия поэзией.

— Мы это отработаем, — говорю я. — А что насчет Грея Бенсона? Какая-то романтическая привязанность, о которой мы должны знать?

— Они просто хорошие друзья. Он — человек, на которого Кэмерон всегда может положиться.

— Положиться? В чем?

— В обычных делах, наверное. — Эмили не смотрит на мужа, крепится, делает вдох. — У нас есть некоторые проблемы.

В семье.

— Это наше дело, — вспыхивает Трой.

— Мистер Кёртис, — останавливаю его я, удерживая нейтральный тон. — Если Кэмерон находилась дома в состоянии стресса, нам нужно об этом знать. Нельзя умалчивать о вещах, которые могут помочь в расследовании.

— Трой, пожалуйста... Мы должны быть честными. Все это влияло на Кэмерон. Ты сам знаешь.

По напряженному голосу Эмили я понимаю, насколько ей тяжело раскрыться и показать другим свою слабость. Но это справедливо для большинства людей в подобной ситуации. Я редко сталкивалась с семьями, которые могли вынести пристальное внимание полицейского расследования и не сорваться.

— В последнее время мы много спорили.

— Все спорят, — машинально встречает Трой. — Брак — не прогулка по парку.

— Кэмерон всегда была чувствительной, — продолжает Эмили. — Я думаю, она тревожилась, что мы разойдемся.

— Понятно. Вы пытались ее разубедить?

— Я пыталась. Возможно, недостаточно.

Мы с Уиллом переглядываемся. Мы только начинаем понимать динамику этой семьи, но уже ясно, что Кэмерон находилась в эмоциональном напряжении. В таком состоянии она могла опереться на кого-нибудь нового или знакомого, на человека, который, по ее мнению, был в силах помочь. Эта потребность усиливала ее уязвимость. Обрисовывала ее как цель. Заставляла сиять в темноте.

— Эмили, — говорю я, — шериф Флад упоминал, что когда-то против вашего брата выдвигалось обвинение. Был ли у него в последнее время доступ к Кэмерон?

Она бледнеет.

— Что значит «был доступ»?

— Он по-прежнему часть вашей жизни? Вы регулярно видите его?

— Не так часто, как раньше. Он с женой, Лидией, живет теперь в Напе. Они купили виноградник и делают собственное вино.

— Так он ушел с работы?

— Он хорошо ведет свое дело. — Она говорит скованно, настороженно. Но я слышу что-то еще. Вина выжившего? Какая-то форма невидимого союза?

— А почему прекратились визиты? — спрашивает Уилл.

— Наверное, просто жизнь. Мы здесь заняты.

«Занята сильнее, чем когда ты работала?» — думаю я. Потом спрашиваю:

— У них с Лидией есть дети?

— Мой племянник Эштон учится в закрытой школе на востоке.

В Эндове.

Она делает паузу, лицо мрачнеет.

— А к чему все эти вопросы? Вы же не думаете, что Дрю может причинить вред Кэмерон?

— Я бы хотела посмотреть комнату Кэмерон. — Я закрываю блокнот. — Эмили, вы меня не проводите?

Глава 18

Уилл остается с Троем в гостиной, а Эмили ведет меня по длинному сверкающему коридору с квадратными окнами через равные промежутки. На каждом широком подоконнике стоит безупречное деревце-бонсай в терракотовом горшке, произведение искусства, похожее на бледно-зеленую скульптуру. Они выглядят ненастоящими.

— У вас есть садовник? Домохозяйка?

— Раз в неделю приезжают уборщики. Все остальное делаю я.

— Впечатляет.

— Правда? Большинство женщин обходится без помощи.

«Большинство женщин — не Эмили Хейг», — думаю я.

В конце коридора закрытая дверь. Эмили мешкает, и я вхожу первой, чувствуя ее напряжение. Здесь уже побывали десятки людей. Они переворачивали все вверх дном, снимали отпечатки пальцев. Рылись в одежде, книгах и фотоальбомах, открывали каждый ящик. Это вторжение необходимо, но за ним тяжело наблюдать, особенно если Эмили в чем-то винит себя. Возможно, не один год, если мои инстинкты не врут.

Большая кровать Кэмерон аккуратно убрана. Простое кремовое одеяло и наволочка, синяя бархатная подушечка в форме кролика. Интересно, Кэмерон относится к тому типу девушек, у которых всегда все прибрано, или это Эмили, не в силах сдержаться, зашла сюда после ухода криминалистов и сложила вещи?

— В тот вечер в доме были только вы и Кэмерон? Как вам показалось, с ней все было о'кей?

— В основном. У нее еще не выстроился режим. Десятый класс... Настроение менялось чаще обычного. Она немного волновалась, я думаю.

— Она что-нибудь об этом говорила?

— Я старалась не выпытывать. Я читала все эти книги по психологии. Подросткам нужно свое пространство. Это была ошибка?

— Подростки всегда головоломка.

Я подхожу к книжному шкафу, бережно касаюсь корешков. «Маленькие женщины». «Излом времени». «Гесс из рода д'Эрбервиллей». «Над пропастью во ржи». Волшебные сказки и

фэнтези, графические новеллы и поэзия. Рильке, Т. С. Элиот, Энн Секстон. Это книжные полки расцветающего читателя.

— А где работа, которую вы упоминали? Та, которую хвалил ее учитель?

— Не знаю. Кэмерон всегда была очень скрытной, даже в детстве.

— Она раскладывала свои чувства на бумаге. Она рисует?

— Да. Сейчас меньше, чем раньше. А откуда вы знаете?

— Просто догадка. Если нам удастся найти какие-нибудь недавние записи, мы можем получить намеки на то, что происходило с вашей дочерью. — Я провожу рукой под шкафом, но ничего не нахожу, даже пыли. Открываю ящик стола, потом прощупываю углы матраса.

— Может, она держала это в школьном шкафчике?

— Возможно. Люди шерифа Флада наверняка собрали все вещи, но я предпочитаю проверить еще раз. На случай если мы что-то пропустили.

Я иду к платяному шкафу Кэмерон. В глубину сдвинуты штук пять платьев. В основном в шкафу футболки и джинсы, худи и фланелевые рубашки. Ей нравится черное, серое и красное, кеды «Конверс» и свитера реглан. Стиль пацанки. Я касаюсь подола красной клетчатой рубашки, поношенной и явно любимой. Очень личное — стоять и разглядывать ее вещи. Мне хочется извиниться.

Эмили подходит ко мне и берет в руки один из свитеров Кэмерон, будто при должном тепле и внимании она сможет оживить его.

— Я пытаюсь готовиться к худшему, но не справляюсь. Если кто-то причинил ей вред или... — Она глотает воздух. — Вы не думаете, что это может быть кто-то из моих поклонников? Если это моя вина, я просто не знаю, смогу ли с этим жить.

— Не стоит об этом думать. Если б кто-то хотел привлечь ваше внимание, скорее всего вы получили бы требование о выкупе или какое-то другое послание.

— Звучит разумно, — произносит Эмили немного бодрее.

— Мы еще очень многого не знаем. Давайте попробуем делать по одному шагу зараз.

— Мне все время кажется, что я проснусь. Что она войдет в дверь, и я пойму, что это был просто страшный сон.

— Знаю, — тихо отвечаю я.

— То, что вы говорили раньше. О проблемах брошенного ребенка. Я никогда не думала об этом применительно к нам с Троем. А может, и думала, просто выталкивала эти мысли.

Я кивком подбадриваю ее.

— Мне нужно было больше открываться перед Кэмерон, больше говорить с ней. Когда я была в ее возрасте, у моего отца была интрижка с какой-то женщиной из нашего загородного клуба в Боулинг-Грин. В Северном Огайо. Я там выросла. — Она качает головой. — Все знали, что он обманывает жену. Это было ужасно.

— Но ваши родители не развелись.

— Моя мать уехала в клинику для похудения. Когда она вернулась, мы все притворялись, что ничего не случилось. Шесть месяцев фермерского сыра и персиков. Отец подарил ей теннисный^[21] браслет с сапфирами, но тот сполз у нее с руки. Она потеряла тридцать фунтов^[22].

— И тогда вы сбежали в Голливуд. Сколько вам было?

— Девятнадцать.

— Но вы так и не простили отца. — Я снова гадаю, но уверена в своей правоте. — А что ваш брат? Он испытывал те же чувства?

Эмили выпускает рукав свитера Кэмерон и начинает застегивать черепаховую пуговицу, немного хмурясь.

— Дрю заботится только о Дрю. Он не оглядывается. Мы никогда не говорим о тех временах.

— Понятно, — говорю я, представляя себе остальное. — Уехав из Лос-Анджелеса, вы полностью перестали сниматься. Так и планировалось?

Эмили безжизненно кивает.

— Работа занимала слишком много времени и внимания, нас всюду преследовали папарацци, в ресторанах и на семейных выездах. Никакого уважения к частной жизни. Я рассчитывала, что у Кэмерон будет нормальная жизнь и я наконец-то смогу посвящать ей больше времени. — Я вижу на ее лице уныние, она борется с жестокой иронией ситуации, виной и угрызениями совести. — Неужели Кэмерон просила помощи, а я просто этого не замечала?

В ее взгляде ужасная боль. Мне хочется утешить ее. И заодно встряхнуть. У нас есть дело.

— Эмили, любые «что, если» загонят вас в глубокую темную дыру. Вам нужно быть сильной ради Кэмерон. Вы мне поможете?

— Я постараюсь.

— У вашего мужа есть связь на стороне? Именно поэтому вы ссорились?

Ее лицо — неподвижное и зависшее, как ледник, но я ощущаю страх, исходящий от нее жесткими, твердыми волнами. Внутри она сражается с собой за то, сколько можно мне рассказать. — Его ассистентка в «Парамаунте». И она не первая.

— Сочувствую. Но мне нужно ее имя.

— Зачем? Вы же не думаете, что она имеет какое-то отношение...

— Сейчас нам нужно проследживать все ниточки.

— Дело в том... У Троя нелегкое время.

— Эмили.

— Да?

— Хватит об этом. Хватит придумывать ему оправдания.

— Простите. Я даже не подозревала, что занимаюсь этим.

— Я понимаю.

На столе Кэмерон лежит красная тетрадь на пружине, вся обложка разукрашена звездочками. Эмили открывает ее и вырывает чистый лист. Она пишет фамилию, складывает лист вдвое и протягивает мне.

— Возможно, мы узнаем неприятные вещи. Даже гадкие. Но я считаю, что лучше самая неприглядная правда, чем незнание.

Она выглядит уязвимой, полной сомнений.

— Надеюсь, вы правы.

Засовываю листок в блокнот и подхожу к большому прямоугольному окну в половину длины северной стены. Слева — подъездная дорожка и ворота. Справа — газон, втекающий в густой лес. Жалюзи из серовато-бежевой бумаги собраны в подъемную систему. Когда я легонько толкаю болтающиеся сбоку шнуры, мой взгляд что-то выхватывает. На нижней части сетки видны маленькие царапинки. Их легко пропустить, если высматриваешь что-то другое.

— Кэмерон когда-нибудь выбиралась из дома этим путем?

— Не думаю. — Эмили подходит и смотрит. Напряжение туманит ее красивое лицо. — Зачем ей это?

Когда я нажимаю большим пальцем на раму сетки, она тут же поддается. Эту сетку открывали часто.

— Что за этим лесом?

— Дорога. До нее, наверное, полмили.

— Когда люди шерифа прочесывали территорию, они привезли собак?

— Да. А в чем дело? Вы сбили меня с толку. Вы пытаетесь сказать, что Кэмерон просто сбежала?

— Не уверена, но это многое объяснило бы.

— Но куда ей идти? И зачем?

Я не отвечаю сразу. Жду, когда придут верные слова. Конечно, Эмили растерялась. Она не замечала боли своей дочери и, кажется, не понимает собственную боль. Она выросла, презирая собственного отца, но вышла замуж за его копию. Она жалела мать, но сама стала ею. Стоил ли чего-то в конечном счете ее побег в Голливуд? Да, она стала звездой, играя персонажа, которого обожали и с которым идентифицировали себя миллионы людей. Но не гонялась ли она на самом деле за иллюзорной свободой от того, что оставила в прошлом?

За годы работы детективом — и особенно в «Прожекторе» — я много узнала о витках насилия в семьях. Но витки молчания могут быть не менее опасны. Они повторяются из поколения в поколение с пугающим постоянством. Диета матери превращается в заикленность дочери на контроле деревьев-бонсай. Тайная, но явная неверность превращается в молчаливое согласие, а потом — в опустошенность. И все это вываливалось на Кэмерон. Пусть и с серебряной ложки, но Эмили кормила ее бессилием.

— Я не думаю, что вашу дочь похитили. — Резкие слова, но сейчас нет времени для чего-то иного.

— Нет, — произносит Эмили так тихо, что могла бы сказать «да». Эти два слова никогда не разлучаются надолго.

— Если Кэмерон сейчас кто-то держит, я думаю, она с ним знакома. Я думаю, она ушла по собственной воле.

Глава 19

— Ты как? — спрашивает Уилл, когда мы садимся в патрульную машину. Я протягиваю ему сложенный листок бумаги.

— Подружка Троя Кёртиса.

— Полагаю, я не удивлен.

— Я тоже, но хотелось бы лучшего. Для всех них.

Через несколько секунд мы проезжаем ворота, и глаз камеры бесшумно разворачивается, чтобы проследить за нами. Я думаю о Кэмерон в ее комнате, планирующей увернуться от этого глаза. О девушке с тайной внутри, цепляющейся за надежду, никому не высказанную, нигде не записанную.

— Что ты думаешь о Дрю Хейге? — спрашиваю я. — Расскажи мне о нем.

— Ему было девятнадцать, когда его обвинили в изнасиловании. Второй год колледжа. Заявил, что это было недоразумение и что девушка была пьяна. Не знаю как, но его родители спустили дело на тормозах. Не сомневаюсь, им это дорого обошлось.

— А сколько было девушке?

— Шестнадцать.

— И они замяли дело?.. Давай-ка поговорим с ним на этой неделе. Напа в это время года очень хорош.

Уилл улыбается.

— Согласен.

— Не знаю, причастен ли Дрю, но Кэмерон как-то в этом замешана. В таких случаях не бывает черного и белого. Иногда жертвы разыскивают насильников с той же интенсивностью, с которой насильники преследуют их.

— О чем ты говоришь?

Я ныряю в омут и рассказываю ему об окне в комнате Кэмерон. О том, что, возможно, хищник — кем бы он ни был — готовил ее, манипулировал ею. Что он мог играть на ее уязвимости.

— Самое липкое насилие, Уилл, часто бывает поразительно интимным. Они выстраивают отношения, доверие. Они выжидают.

— Ну не знаю... Если Кэмерон ушла из дома добровольно, она сознательно избегала камеры. Зачем? Все равно ее родители скоро

выяснят, что она исчезла.

— Ты исходишь из допущения, что она не собиралась возвращаться. А если она просто планировала ускользнуть на пару часов, но ситуация изменилась? От камеры легко увернуться, если пойти к дороге через лес. Ей нужно было только отключить сигнализацию. Пульт лежал у нее на тумбочке. Ей даже не требовалось напрягаться.

— Так ты говоришь, это была условленная встреча? Типа свидания?

— Может, и нет. Возможно, она просто рассчитывала на внимание.

— Внимание человека, который мог причинить ей вред? Ты не думаешь, что она должна была соображать получше?

— Нет. Вряд ли. — Я не жду от него такой же настроенности на уязвимость Кэмерон, как у меня. Уилл никогда не был брошенным ребенком. Никогда не сталкивался с миром в теле женщины, девушки. У него никогда не было причин перепутать любовь со страданием. Я же ощущаю эту спутанность как электрический разряд с той минуты, когда увидела листовку о пропаже. — Может, у нее с самого начала не было здорового радара.

Уилл неуверенно кивает, молчит. Потом спрашивает:

— Что ты думаешь про Эмили?

— Не знаю. Наверное, мне хочется, чтобы она была сильнее.

— Она справляется, как может.

Его слова ударяют и высекают искры, как кремень по камню. Конечно, он прав. Люди часто стараются изо всех сил. Иногда этого достаточно, но чаще — нет.

— Если б у Эмили хватило духа уйти от Троя, когда он впервые обманул ее, это могло все изменить.

— Могло. Мы этого никогда не узнаем.

— Как ты ее оцениваешь?

Он пожимает плечами.

— Когда эта семья переехала сюда четыре года назад, я думал, как будет здорово: настоящая кинозвезда ходит по нашим улицам... Но они держались особняком. Я не могу припомнить ни одного разговора с Эмили или Троем, даже мимоходом. И Кэмерон для меня просто лицо. Так не должно быть.

— Не должно, — приходится согласиться мне.

— Послушай. — Уилл откашливается. — Все эти вещи, которые ты говорила Кёртисам насчет приемной семьи, всяких штук с идентичностью и сценами... С тобой тоже так было? — Он делает паузу, ему явно неуютно. — Я помню тебя вполне счастливым ребенком, но может, просто не обращал внимания...

Я долго молчу, не зная, как ответить. Честно говоря, я поражена, что у него хватило духа спросить.

— Ты можешь сказать, что это не мое дело, — торопится добавить Уилл, наблюдая за мной.

— Не твое, — говорю я мягко, но уверенно, не отрывая взгляда от горизонта.

— Прости.

Мы огибаем обрыв, и впереди мелькает деревня. Белые крыши, белые заборы, белые верхушки. Тучи начинают уплывать. Где-то над утесами луч света разбивается о сухую траву и красит ее насыщенным золотом. Когда впервые приехала сюда, настороженная и циничная, все время ждущая неприятностей, я была уверена, что ничего хорошего ждать не приходится. Но я ошибалась.

— Я не притворялась, — наконец произношу.

— Хорошо. Я рад.

Золотистая трава колыхается, гнется.

— Каждый заслуживает собственного места.

Глава 20

Моя мать умерла в Рождество, хотя прошло много времени, прежде чем я смогла сложить вместе всю картину. Всем хотелось оградить меня, как будто от этого не становилось хуже. Молчание и догадки, попытки читать лица и взгляды, которые никогда не встречались с моим... Со временем я узнала, что она ушла в канун Рождества, когда мы с ребятами отправились в кровать, одолжив у подруги пятьдесят долларов, чтобы купить нам подарки. Но вместо подарков купила героин и умерла от передозировки. Ее нашли на парковке «Лонг Джон Силвер» в рождественскую ночь. Потом они приходили к нам, но мы, должно быть, уже спали. Они вообще нас не отыскивали бы, думала я еще годы спустя в свойственной детям манере. Если б я только не сожгла яйца...

Потом копы позвонили социальным службам и передали дела им. Я смотрела, как пожилая женщина в синем брючном костюме просеивает ящики, стараясь собрать вещи ребят. Она не позволила мне помочь, просто пихала их одежду в наволочки, от чего мне было зло и неловко. Я едва успела попрощаться, прежде чем она усадила детей в машину и повезла обратно к их маме, которая — я уже знала — едва могла позаботиться о самой себе.

Последний раз, когда я видела Эми, она засунула в рот почти все волосы, а по ее лицу были размазаны сопли. Они натянули ее голубые носки на Джейсона, как будто не имело значения, во что он одет. Я никогда не забуду, как они оба смотрели на меня, словно молча спрашивая, как я это допустила. Я задавала себе тот же вопрос.

* * *

Поскольку Ред все еще сидел в тюрьме и ни у него, ни у Робин не было поблизости родственников, никто не знал, что со мной делать. Меня отвезли в приют дожидаться первых приемных родителей. Старшей воспитательницей была молодая женщина, которая выглядела не старше мамы — на двадцать семь. Она сама шила себе одежду, сказала она, пока насыпала мне тарелку крекеров и отрезала от

большого круга сыра с синим штампом социальной службы ярко-оранжевый клин.

— Тебе пришлось нелегко, — сказала она, пока я ела. — Хочешь об этом поговорить?

Я не хотела. Она носила коричневую юбку с желтыми цветами, будто какая-то женщина фронта^[23], персонаж из книжки Лоры Инглз-Уайлдер^[24]. Она никогда не смогла бы понять мою жизнь. Но у меня в голове росло давление. Слова, которые нужно было выпустить наружу. Не о смерти матери, которую я едва начинала осознавать, не о тревоге за слишком маленьких брата и сестру, нуждавшихся в человеке, который будет обращать на них внимание и присматривать, чтобы они поели, но об одном-единственном моменте времени. Об одном щелчке регулятора плиты, пока мою голову грызли тревоги о Филлис, оказавшейся в конце концов абсолютно безвредной.

— Я ужасно злюсь на себя, — сказала я женщине в складчатой блузке и заплакала. До этой минуты мне приходилось сдерживать слезы.

— Что? Почему?

— Я была такой идиоткой, — сказала я с тем же выражением, с которым мама всегда говорила о папе. — Мне не следовало готовить. Это было так глупо...

Женщина — я помню, ее звали Сьюзан — грустно посмотрела на меня.

— Анна, ты еще маленькая девочка. Ты не могла заботиться о брате и сестре. Если тебе нужно на кого-то злиться, то злись на свою маму. Она оставила тебя одну. Это неправильно.

Очевидно, она желала мне добра, но не знала главного о нашей семье. Моя мама была не сильной. Если она слишком много спала, слишком много плакала или принимала наркотики, то исключительно из-за того, что папа не оставил ей достаточно денег и она не справлялась.

— Я отлично о них заботилась. Они правда хорошие ребята.

Сьюзан снова с жалостью посмотрела на меня и покачала головой.

— Мы найдем для тебя хороший дом.

Свет на кухне засиял мне прямо в глаза. Крошки кекера во рту стали сладким клеем. Она все прослушала.

— У меня *был* хороший дом.

Наступило молчание. Думаю, она боялась посмотреть на меня.
— Мне очень жаль.

Глава 21

Команда Уилла, двенадцать человек, работает без передышки со дня исчезновения Кэмерон. Прочесывает и расспрашивает, ходит от двери к двери по городу и его окрестностям с листовкой о пропаже. Каждый день они перекапывают базы данных, звонят инспекторам по УДО, надеясь отыскать имя и мотив. Я не сомневаюсь, что все они хорошие люди, но не хочу с ними знакомиться, не хочу погружаться в тонкости расследования больше, чем погрузилась сейчас. Уилл согласен. Он говорит, что я могу докладывать только ему и работать самостоятельно — до тех пор, пока держу его в курсе событий.

— Я хотела бы расспросить Стива Гонзалеса. Еще хочется побольше узнать о родной семье Кэмерон.

— Хорошо. А я отработаю подружку Троя Кёртиса и нарою что-нибудь на Дрю Хейга. Но сначала мы вместе поговорим с Греем Бенсоном...

— Я тоже так подумала.

* * *

Мы выезжаем чуть позже трех часов дня. Сегодня понедельник, 4 октября. Грей живет в двух кварталах от школы, на Гато-стрит, узкой улочке, которая идет вдоль кладбища Хиллкрест. Здесь негде поставить машину, но Уилл прижимается к густой стене лиан и эвкалиптов по левой стороне и глушит мотор. По лобовому стеклу рассыпаны бусины дождя.

Я знаю каждый закоулок Мендосино, но редко бывала на Гато-стрит. Здесь только четыре дома, считая дом Грея — простое крытое гонтом^[25] бунгало за низким забором, вдоль которого выстроены мусорные баки. Мы вылезаем и поднимаемся по пологому склону улицы, мимо грязных выбоин и заплат на асфальте, через слово «ШКОЛА», нарисованное на дороге уже потрескавшейся скользкой от дождя желтой краской. Воздух густой и сладкий. Так пахнет влажная кора.

Я пытаюсь представить Кэмерон, поставить себя на ее место. В вечер своего исчезновения она занималась после школы уроками вместе с Греем. И проходила мимо этих домов, когда шла ужинать. О чем она думала? Она уже знала, что ночью встретится со своим похитителем? Может, тогда он и предложил встретиться? Пообещал нечто ценное для нее? Но что?

— Вы проверили эти дома? Никто не видел подозрительную машину? — спрашиваю я Уилла.

Он кивает.

— Ничего.

— Если Кэмерон часто бывала здесь, следует внимательнее приглядеться к соседям. Как насчет мистера Бенсона?

— Насколько я понимаю, он тут ни при чем. Уехал в Новый Орлеан, когда Грей был еще маленьким.

— Возможно, это еще одна ниточка, связывающая Кэмерон и Грея. Когда ты лишаешься родителя — неважно из-за чего, — ты меняешься.

Калитка Бенсонов открыта и перекошена от времени, по столбику вьется клематис. Во дворе я вижу запущенный огород — овощи растут в длинных коробках, на проволочных рамах висят помидоры — и думаю, насколько простым и настоящим все это выглядело для Кэмерон, заключенной в стеклянный ящик, пока ее знаменитая мать ухаживает за своими бонсай и притворяется, что не знает о неверности мужа.

На стук Уилла отвечает Ди Энн Бенсон. Пухленькая и симпатичная, лет сорока пяти, с уложенными темно-рыжими волосами. Из кухни несется резкий запах соуса для спагетти.

— Шериф Флад. — Она держит в руке кухонное полотенце. — Я вас не ждала.

— Простите, что снова вас беспокою. Это детектив Харт. Грей дома? Обещаю, мы быстро.

Она кивает, ведет нас через прихожую, по узкой лестнице, покрытой затертым коричневым ковром. На стене криво висят ботанические иллюстрации, их рамки присыпаны пылью. Идя за женщиной, я замечаю ярлык, торчащий из ворота ее облегающего темно-синего свитера, и борюсь с порывом заправить его на место.

— Грей? — голос Ди Энн просачивается в комнату, потом она открывает дверь и отходит в сторону. В ее движениях беспокойство,

будто она знает, насколько настороженным и тревожным стал ее сын. Насколько уязвимым.

Грей наполовину утонул в коричневом кресле-мешке. Он закрывает альбом для зарисовок и поднимает взгляд. Рыжие волосы зачесаны вверх в духе ловеласов 50-х или Джона Тейлора^[26] из «Дюран Дюран» на постере, который приколот к двери изнутри. Постер с их первого тура: затуманенный взгляд, поднятый воротник и все прочее. Грей, правда, одет просто и повседневно — ярко-синяя толстовка с капюшоном, мягкие штаны цвета хаки и шерстяные тапочки с прорезиненной подошвой. Для меня он выглядит как человек, пойманный между тем, кем хочет быть, и тем, кем является.

— Я не вспомнил ничего нового. — Он вертит в руках альбом и не встречается с нами взглядом.

— Это не страшно, — отвечает Уилл, потом оборачивается к миссис Бенсон. — Мы буквально на десять минут.

— Меня зовут Анна Харт, — говорю я Грею. — Я одна из детективов, которые ищут Кэмерон.

— Я рассказал все, что смог вспомнить.

— Я знаю. А еще я знаю, насколько тяжело каждый день думать, что же с ней случилось. Уверена, что ты не можешь уснуть. Уверена, что ты даже не знаешь, что тебе делать с собой.

Он моргает.

— Я о'кей.

Присаживаюсь на пол, чтобы наши глаза были на одном уровне, и говорю:

— Мы только что были в доме Кэмерон. У ее родителей сложный период. Кэмерон говорила об этом с тобой?

— Немножко.

Мы с Уиллом переглядываемся. Пора прибегнуть к другой стратегии.

— Выйду наружу позвонить, — говорит мой напарник. — Вернусь через пару минут.

Когда он уходит, Грей настороженно смотрит на меня.

— Тебе нравится «Дюран Дюран». «*Ordinary World*» — прекрасная песня.

Я его удивила. Возможно, поэтому он отвечает.

— Это лучшая песня всех времен.

— Ага, только печальная. Она о Дэвиде Майлзе, знаешь?

Его зрачки расширяются.

— Саймон Ле Бон никогда этого не говорил.

— Ему и не нужно. Поэтому это такая хорошая песня. Он открывает не все, но если ты внимателен, то начинаешь слышать сказанное между строк.

По лицу Грея я вижу, что он следит за моей мыслью. В этом месте я решаюсь на бросок.

— Самое важное мы оберегаем сильнее прочего. Иногда не говорим никому, иногда только одному человеку. Тому, который лучше всех нас знает.

— Наверное, так. — Грей кладет альбом на пол, без него его руки выглядят бледными и пустыми.

— Родители Кэмерон говорят, она переживала тяжелый период. Ты знаешь, с чем это связано?

Долгая пауза, пока он борется с собой.

— Много стресса дома.

— Похоже на то. Слишком много трудностей для такой чувствительной девушки, как Кэмерон.

У него все еще настороженный взгляд, но он продолжает.

— Ей всегда было нелегко, что ее мать такая знаменитая актриса. И что папа часто в отъездах.

— Его разъезды не позволяли им сблизиться? Я имею в виду эмоционально.

— Не только. — Его зрачки дергаются, все тело чуть заметно вибрирует от внутреннего конфликта. — У него связь с кем-то на работе. Кэмерон злилась на него и беспокоилась о маме.

Я одобрительно киваю, притворяясь, что он меня не удивил.

— Как ты думаешь, он впервые ее обманывал? Или она впервые об этом узнала?

— Кэмерон говорит, он всегда таким был. Но сейчас еще хуже. Его подруга беременна и собирается оставить ребенка. Ее родители вам сказали? Может, мне не следует об этом говорить... Я не знаю.

Пытаюсь не среагировать слишком остро. Ребенок? Наверняка это было последней каплей для Кэмерон.

— Ты можешь сказать все, что хочешь. У тебя не будет неприятностей. Кэмерон — твой лучший друг. Вполне естественно, что

ты хранишь ее секреты, а она — твои. Именно так и поступают лучшие друзья.

— Шериф несколько раз приходил поговорить со мной. Я здорово растерялся.

— Конечно. Тебе хочется защитить Кэмерон. Но, Грей, возможно, ты знаешь какие-то вещи, которые помогут нам ее отыскать. Может, ты откроешься нам чуть больше?

Я ощущаю, как Грей напрягается в своем кресле-мешке, размышляя, может ли он мне доверять. Стоит ли рассказывать то, что он держит внутри.

— У Кэмерон было много всяких трудностей. Не только насчет родителей.

— Личных трудностей?

— Ага.

Дверь открывается, на пороге Уилл. Я сдуваюсь. Редко бывает, чтобы во время интервью субъект сказал что-то важное в первую, вторую или даже третью очередь. Ценная информация требует времени. Требуется терпения, чтобы докопаться до нее. И Грей был уже близок к тому, чтобы сказать мне правду.

— Хей, — говорит Уилл, садясь на кровать. — Что я пропустил?

Я смотрю на Грея, он едва заметно кивает.

— Мы только что говорили о родителях Кэмерон. О связи ее отца. Похоже, ситуация еще запутаннее, чем мы думали.

— Да?

Я снова смотрю на Грея, жду подтверждения, потом говорю:

— Подружка Троя беременна.

— Ого! Вот это серьезно.

— Пожалуйста, не рассказывайте ее родителям, что это я вам сказал.

— Мы обещаем тебе абсолютную анонимность, — заверяет Уилл.

— Об этом я и говорила, Грей. Именно так ты можешь помочь Кэмерон.

Грей надолго замолкает. Его руки лежат на бедрах. Наконец он говорит:

— Кэмерон начала вспоминать всякие штуки из прошлого. — Последнее слово застревает у него в горле. — С того времени, когда она была маленькой.

— Какие штуки? — мягко спрашиваю я.

— Вам нельзя рассказывать об этом ее родителям. — Грей закрывает глаза, потом открывает их, готовясь расплатиться за правду. Я чувствую его страх и тревогу. Мы просим его вытащить наружу самые мрачные тайны Кэмерон. — Вы должны пообещать мне.

Мы с Уиллом киваем.

— Она хотела начать принимать контрацептивы. Она не собиралась заниматься сексом или еще чем. Даже не думала об этом. Оказывается, это просто очень полезно для кожи.

— Так и есть, — говорю я. — Многие девушки принимают противозачаточные именно по этой причине.

— В общем, она попросила меня съездить с ней в бесплатную клинику. Мы поехали на автобусе в Форт-Брэгг после школы, пару недель назад. Вроде такая стильная взрослая штука...

— Продолжай, — подбадриваю я. — Вы поехали в бесплатную клинику.

— Верно, но врач не стала выписывать рецепт без полного осмотра. Когда Кэмерон вышла, она молчала. Вся закрылась. Я спрашивал, что случилось, но она не говорила, пока мы не проехали полпути назад на автобусе. Это было ужасно.

— Что ужасно? — спрашивает Уилл.

— Медсестра сказала, что у нее шрамы. — Его лицо застывает, потом сморщивается. Проходит минута, прежде чем Грей в силах продолжить. — Типа, у нее *там*, внутри.

Я чувствую, как меня выворачивает наизнанку.

— Она когда-нибудь упоминала при тебе своего дядю? Дрю Хейга? Грей мотает головой.

— По-моему, нет.

— А кого-то еще? Мужчину... Думай, Грей.

— Не было никаких мужчин. Кэмерон ни о ком мне не говорила. После того дня она снова замкнулась и больше не говорила со мной об этом.

Грей просто ребенок. Конечно, он чувствует себя беспомощным, но так чувствовала себя и Кэмерон. Иначе она оперлась бы на него, на своего лучшего друга. Она бы сказала ему, если б у нее нашлись слова.

— Ты поступил очень храбро, рассказав нам все это, — наконец говорю я. — Это может быть очень важно, Грей. Я думаю, какой-то

человек когда-то причинил Кэмерон вред. Этот человек мог снова появиться в ее жизни, или же она встретила кого-то нового, ставшего ей близким. Не вини себя за то, что не знаешь, как исправить ситуацию. На самом деле такого способа просто нет. Понимаешь?

Грей кивает. Я вижу, как ему тяжело простить себя.

— Ты дашь нам знать, если вспомнишь что-нибудь еще? Что угодно? — спрашивает Уилл.

Придвигаюсь к креслу, на коленях, протягиваю руку.

— Грей?

— Да?

— Ты ни в чем не виноват.

Глава 22

Мы с Уиллом возвращаемся к машине молча. Садимся в нее, но он долго не заводит двигатель. О мое стекло трется ветка эвкалипта; плотные зеленовато-серые листья кажутся набухшими, усеянными жемчужинами дождя.

Хэп всегда называл их «жвачными деревьями». Как-то он рассказал мне, что в одной только Австралии есть больше семисот разновидностей жвачных деревьев и что в жаркую погоду смесь из их испарений создает особый туман. Голубоватую дымку. Семьсот с лишним разновидностей! А вот человеческие жизни, похоже, обречены повторять заново одни и те же ужасные цепочки событий. Как будто история может идти только одним путем.

— Такие шрамы всегда подразумевают сексуальное насилие? — наконец спрашивает Уилл.

Я не удивлена ходу его мыслей. Даже после того, как он видел, насколько был расстроен Грей.

— Не всегда. Это запутанная тема. Многие источники говорят, что такого рода шрамы не позволяют сделать однозначный вывод. Другие считают, что большинство медиков либо не понимают, что видят, либо не хотят открывать эту дверь. Для меня главное — реакция Кэмерон.

— Ты о том, что она замкнулась?

— Да. Думаю, она очень глубоко зарыла эти события.

— Не знаю, о чем только думала та медсестра. Абсолютно безответственно вываливать такую бомбу на ребенка.

— Ну, тут все непросто. Практикующие медики видят много разного. Возможно, безответственным было бы не сказать.

— Тут есть какая-то правовая проблема? Клиника не должна была предупредить родителей Кэмерон?

— В Калифорнии такого рода огласка не требуется — по крайней мере, сейчас. Что нам следует делать с этой информацией? Может, просто придержать ее? Особенно пока мы не исключили Троя из списка подозреваемых... Какие результаты дал полиграф?

— Никаких расхождений. Результаты Эмили интереснее.

— Как это?

— Ты же знаешь, эти штуки довольно сомнительны. Я стараюсь не относиться к ним слишком серьезно, если у меня есть хоть что-то еще.

— Верно. — Что-то в его голосе заставляет меня встревожиться. — Так что случилось?

— Она не прошла.

Рация в машине визжит, пугая обоих. Уилл берет приемник, прижимает кнопку.

— Флад на связи.

— Шериф, это Леон. Мы только что получили звонок из Гуалалы. Похоже, там пропала девушка. Шеннан Руссо, семнадцать лет. Последний раз ее видели второго июня.

— Июня? А почему это вылезло только сейчас?

— Из-за остальных, я думаю. — У помощника шерифа неуверенный и слишком юный голос. Наверное, он не сильно старше, чем Уилл, когда тот впервые начал работать под началом своего отца.

— Я еду. — Уилл отключается и оторопело смотрит на меня.

— Дерьмо, — говорю я за нас обоих, желая, чтобы можно было нажать на кнопку и поставить все на паузу. Если вылезти из машины и уйти в лес, мне, возможно, удастся прочистить голову. Но Уилл все еще смотрит на меня. — Иногда это работает, как лавина. Подросток пускается в бега, и никто об этом не задумывается, пока на первых полосах не появляется кто-нибудь вроде Полли Клаас. И тогда семья решает, что пора паниковать.

— Может, так и есть. — Уилл готов мне поверить, хотя я не сказала ничего особенного. — Отправлю кого-нибудь поговорить с тамошним департаментом шерифа. Или поеду сам. Я неплохо знаком с Денни Расмуссеном.

— Хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— У тебя и так дел хватает. Потом встретимся и сверим записи. — Он заводит машину, и я откидываюсь на спинку сиденья, радуясь поблажке.

Последние часы вымотали меня сильнее, чем я готова признать. Разговор с Эмили, разговор с Греем, шрамы Кэмерон... Слишком много для любого человека, что уж говорить о пятнадцатилетней девушке.

Будто прочитав мои мысли, Уилл говорит:

— Бедная девочка. Можешь такое представить? Быть изнасилованной и не помнить об этом...

— Нет, — говорю я.
Но я могу. Такое часто встречается.

* * *

По пути в Гуалалу, пятьдесят миль на юг, Уилл высаживает меня на парковке у школы. Я захожу в здание — и сразу налетаю на прошлое. Становлюсь подростком, которым была, кажется, только секунду назад. Тот же запах мастики для полов, те же потрепанные ряды шкафчиков, шлакобетонные стены и зеленоватые лампы дневного света. Но неужели все это было таким маленьким?

Сейчас конец дня, и в здании почти пусто. На мышечной памяти нахожу кабинет администрации, где помощник директора направляет меня в английский класс Стива Гонзалеса. Я застаю его за выстраиванием стульев и представляюсь.

— Кэмерон, — говорит он и тяжело садится, будто я его толкнула. То, как он произносит ее имя, говорит мне, что расследование им не заинтересуется. Говорит, как он о ней беспокоится.

Круглоплечий, с мягким взглядом, Гонзалес носит широкие вельветовые штаны и дешевый рыжевато-коричневый блейзер, которому, похоже, уже много лет. В его черных волосах видны серебряные нити. Похоже, он работает здесь давно.

— Расскажите мне про ее работы. Какая Кэмерон ученица?

— Хорошая. Я занимался с ней только месяц, но она сразу обратила на себя внимание. У впечатлительных читателей особый взгляд. Вы всегда это чувствуете. Им нужны книги, чтобы хорошо себя чувствовать.

— Ее мать говорит, вы высоко отозвались о сочинениях Кэмерон.

— Она написала несколько стихотворений и показала их мне. Они не входили в задания.

— Могу я их увидеть?

— Я вернул стихи ей, но жалею, что не сделал копию. Может, они были бы чем-то полезны...

— На что они были похожи?

— Очень хорошие на самом деле, но мрачные. Для меня это был щепетильный момент. Предполагается, что я буду обсуждать

поэтическое ремесло, воображение или особо удачную строку, но тут меня встревожило содержание, и я не знал, следует ли мне об этом говорить. Юные авторы почти всегда пишут автобиографию, даже когда сами того не предполагают.

— То, что она решила показать что-то вам лично, о многом говорит. Должно быть, она знала, что может вам доверять. И что было дальше? У вас возникло чувство, что Кэмерон ждет от вас каких-то действий? Что она просит о помощи?

Темно-карие глаза Стива стекленеют.

— Господи, надеюсь, что нет... Я редактирую школьную газету и спросил, не хочет ли она опубликовать там эти стихи. Кэмерон сказала, что подумает. Потом сложила листы несколько раз. Я подумал, она застеснялась, что показала их. У меня было нехорошее чувство, когда Кэмерон ушла, но на следующий день она выглядела как обычно.

— Вы любите свою работу, мистер Гонзалес?

— Люблю, да. Хотя сейчас у меня трудности. — Он опускает взгляд на свои мягкие мясистые ладони. — Другие ученики напуганы. Они не могут сосредоточиться. Мои коллеги говорят то же самое.

Я хорошо понимаю, о чем он. Когда такое несчастье происходит совсем рядом, люди часто цепенеют, не способны сосредоточиться, впадают в депрессию, становятся нервными. У большинства взрослых нет инструментов, чтобы справиться с такими страхами, что уж говорить о детях. Я сочувствую Стиву, сочувствую им всем.

— Новости о Полли Клаас сильно ухудшили ситуацию. Должно быть, они чувствуют, что, раз это случилось снова, то может случиться с любым из них.

Он кивает.

— Что я могу сделать?

— Будьте терпеливым. Слушайте. Ободряйте их своим присутствием. Дайте им разобраться в своих чувствах. Дети быстро оправляются от невзгод. Со временем они исцелятся, но сейчас им нужна какая-то определенность. Надеюсь, скоро мы сможем ее обеспечить.

Он долго смотрит на меня.

— А вы любите свою работу, детектив Харт?

Вопрос застает меня врасплох. Когда-то у меня был простой ответ, но сейчас его нет.

— Мне всегда хотелось помогать людям. Но эта работа становится слишком тяжелой, особенно когда они в настоящей беде, а ты не знаешь, можешь ли им действительно помочь, как бы ни старался.

— Да, — говорит Гонзалес. — Так я себя и чувствую.

* * *

Перед уходом я прошу его показать мне шкафчик Кэмерон. Оказывается, он через ряд от моего бывшего. Люди Уилла забрали практически все. Остались только учебники, «Алгебра II», «Начала латыни», «Мировая история» и потрепанный томик «Джейн Эйр» в мягкой обложке.

— Мы только начали ей заниматься, — говорит Стив Гонзалес. Дальше по коридору уборщик возит кругами гроыхающий полотер; за ним остаются глянцевые следы в форме мишени. — Девушки вроде Кэмерон обожают Джен.

— Я тоже ее любила. У Джен есть все основания считать себя жертвой, но она не такая. Она тихая, она закрытая, но при этом настоящий боец.

Беру книгу, чтобы взять ее с собой, потом сдвигаю стопку учебников. В нижнем правом углу задней стенки шкафчика, там, где только ей будет хорошо видно, Кэмерон прикрепила открытку со стихотворением Райнера Марии Рильке, выписанным строка за строкой ее аккуратным и четким почерком.

Я слишком одинок на свете, но все же не настолько одинок,
чтоб каждую минуту освятить.
Я слишком мал на этом свете, но все же не настолько мал,
чтоб быть лишь вещью для тебя,
неясной и разумной.

Я хочу свободы воли и я хочу воли
совершать поступки;
во времена застоя,

когда что-то близится,
я хочу быть со сведущими
или один.

Я хочу отражать тебя целиком,
и никогда не ослепнуть, не состариться настолько,
чтоб стать неспособным вместить твой образ.
Я хочу распрямиться
и больше никогда не сгибаться,
ведь там, где я согнут, я лгу^[27].

Глава 23

Дожидаясь Уилла возле «Паттерсона», просматриваю «Джейн Эйр», чувствуя себя так, будто залезла в дневник Кэмерон или ступила на запретную землю. Книги могут быть поразительно личными, даже святыми. И эта книга, с измятыми страницами, загнутыми уголками, полная подчеркнутых фраз и карандашных пометок, — закодированная карта к ее душе. Я захватила и открытку со стихотворением Рильке. Копирую его в свой блокнот, обводя наиболее значащие предложения. *«Я слишком одинок на свете... когда что-то близится... хочу быть со сведущими...»*

Должно быть, эта поэма важна для Кэмерон, иначе она не стала бы переписывать ее от руки. Я предполагаю, что она узнала себя в этом стихотворении. Что каждое его слово пылающей стрелой указывало на то, кто она внутри и о чем заботится.

Когда я говорила Уиллу, что не могу представить, как Кэмерон подавляет воспоминания о насилии, я солгала. На самом деле это распространенная реакция, даже повальная. Пережитое насилие часто настолько сокрушающе и разрушительно, особенно для детей, что единственный способ пережить его — покинуть тело. Не сражаться или бежать, а полностью отстраниться. А если насильник — опекун, который должен нести безопасность и любовь, пережитое может быть намного драматичнее и масштабнее. Если мы не в силах вынести знание или чувство, то зачастую находим способ спрятать его внутри, и спрятать хорошо.

Сколько бы лет ни было Кэмерон, когда она подверглась насилию, был ли это единичный случай или несколько, ее разум скорее всего вмещался, чтобы защитить ее. Это не было сознательным решением. Это было ближе к основному, животному инстинкту, единственным способом избавиться от слишком жуткого, чтобы назвать его или прочувствовать. Она могла ничего не помнить до визита в клинику. До неожиданного происшествия, вызволившего воспоминания из тьмы забвения.

Мне тяжело даже задуматься, что чувствовала Кэмерон в тот день, лежа в гинекологическом кресле, уже беззащитная и уязвимая, пока медсестра натягивала латексные перчатки, не подозревая, что сейчас

взорвет тайную боль ценой в жизнь. Историю, которую поглотила память, но не тело. Все это время бывшую внутри, написанную рубцами и шрамами.

Даже если б воспоминания Кэмерон не выдавились на поверхность сейчас, причиненный вред просачивался бы наружу годами и рано или поздно нашел бы другой путь прорваться: в стыде или безнадежности, бессознательно притягивая ее к людям или ситуациям, похожим или близким к исходной боли. Я много раз видела, как история женщины, пережившей травму, находит способ напомнить о себе, а не наоборот.

Мне больно за нее, за эту девушку, которую я никогда не встречала, но знаю. Она пережила жестокость, предательство, страх и кражу своей души. Она пережила дымящийся, пылающий стыд и молчание, годы вынужденной амнезии. Но сможет ли она пережить то, что происходит сейчас, внутри и снаружи? Сможет ли она пережить воспоминания?

Взвинченная этими мыслями, я откладываю книгу и поэму на стойку бара и заказываю стопку виски. Выпиваю залпом, толкаю стакан вперед и показываю знаком, что хочу еще.

Барменша смотрит на меня, вскидывает подрисованные брови.

— Вы за рулем?

— Я в норме.

— Скажу вам так: отдайте мне ключи от машины — и можете выпить хоть чертову бутылку.

Я вдруг вскипаю.

— Просто налейте мне выпить. Вам какое дело?

— Кому-то же должно быть дело.

За ее бесстрастным ответом я вижу обоснованную заботу, но я о ней не просила. На долю секунды меня охватывает порыв швырнуть пустой стакан в зеркало у нее за спиной. Разбить его, что-нибудь сломать. Но вместо этого я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Сколько вам лет?

— Что? — Она фыркает. — Сто с чем-то дней. А вам?

— Тридцать пять. Тридцать пять и сто с чем-то дней.

— Теперь мы друзья? — женщина широко улыбается, но я чувствую, как она пытается сообразить, на что я способна и чего от нее хочу. — В декабре будет сорок.

— Вы давно здесь живете?

Она кивает.

— Вы жили здесь, когда убили Дженни Форд?

— Мы вместе ходили в школу. Она была на пару лет младше. Последнее время я часто о ней думаю.

— Из-за Кэмерон Кёртис? Я тоже.

Она все еще держит бутылку. Я вижу, как ее мозг работает над загадкой нашего разговора. Меня.

— Вы ходили в школу в Мендосино? Вы кажетесь мне знакомой.

— Вы окончили школу раньше, чем я перешла в старшие классы. Все это было давно. — Вытаскиваю из кармана двадцатку и кладу ее на стойку. — Я Анна. Простите, что так по-уродски завелась.

— Я Ванда. Ничего, видала и похуже. — Она забирает двадцатку и аккуратно засовывает ее в лифчик, как раз когда входит Уилл. — Помяни черта...

Мы с Вандой встречаемся взглядами и хохочем.

— Над чем смеетесь? — хочет узнать Уилл.

— Над твоей физиономией, — отвечает Ванда, подмигивает, и я тут же в нее влюбляюсь. Миру требуется армия таких Ванд — сильных, саркастичных, бесстрашных женщин, которые говорят, что думают, действуют прямо, без извинений и разрешений. Женщин, которые бушуют, а не вздрагивают.

— Смешно, — безжизненно говорит Уилл. — Налей мне, ладно?

Я подбираюсь в ожидании нового раунда лекции об ответственном вождении, но Ванда не так глупа. Она без лишних слов наливает ему пинту, ставит передо мной новую стопку и уходит в дальний конец стойки.

У Уилла был паршивый день. Он выпивает «Гиннесс» в две минуты, опустив плечи и сгорбившись над стойкой. Мне хочется обнять его, но я сдерживаюсь.

— Какие новости из Гуалалы?

— Чертовски тоскливые. Эта девица Шеннан по всем раскладам проблема с заглавной буквы. Постоянно срывалась в наркотики всех видов и в секс тоже. В шестом классе ее отстранили от занятий за минет в школьном туалете. По-видимому, за обеденные деньги какого-то мальчишки.

Я слышу в его голосе неприятие. Отвращение. Но поскольку я женщина, мой фильтр работает иначе. Я живу в женском теле. Я близко знакома с уязвимостью. Со всеми способами, которыми можно

прикрыться, чтобы не попасть под удар. С тем, как секс может превратиться в оружие. Изнутри и снаружи.

— Продолжай.

— Когда мы говорили с ее матерью, она даже не смогла вспомнить, сколько раз Шеннан сбегала. Обычно она возвращалась через пару недель, отощавшая и с пустыми карманами. В тот последний раз она отправила записку, что уходит по собственной воле и не хочет, чтобы ее разыскивали. Штамп на письме из Юкайи, десятого июня. Иногда Шеннан говорила, что собирается уехать в Сиэтл, так что мамочка решила, что туда она и отправилась.

— Тогда почему сейчас она заявила о пропаже?

— Ты ни за что не догадаешься. — Горечь в голосе ему не идет, но, учитывая контекст, она оправданна.

— О чем?

— Ей позвонила ясновидица. Местная, Тэлли Холландер. В общем, эта Тэлли нашла Карен Руссо в телефонном справочнике и позвонила сказать, что Шеннан мертва. Сама подумай, ну кто будет так делать?

Внезапно мне становится холодно. Если случилось именно это, тут нет никакой жестокости.

— Что именно она сказала?

— Что Шеннан убили. Похоже, у нее было видение леса. Она думает, тело Шеннан там.

— Какого леса?

— Думаю, это уже за пределами ее экстраординарных способностей. — Уилл с отвращением хмыкает. — Мне она тоже звонила, сразу после исчезновения Кэмерон, и говорила такие же туманные вещи.

— Правда?.. Уилл, эти люди бывают настоящими. Пару раз у меня был хороший опыт. Тогда они на самом деле очень нам помогли. Что она сказала насчет Кэмерон?

— Что ее схватили и держат в каком-то небольшом темном месте.

— Хм. И все?

— Ага. С таким же успехом она могла отправить нас искать ее на Марсе.

Мои мысли торопливо щелкают. Трудно решить, что дальше, когда известно так мало.

— У Шеннан была машина, да? Кто-нибудь проверил ее номер?

— Не знаю. Могу спросить Дэнни, но записка была совершенно ясной. Шеннан хотела уйти.

— Возможно, но она все еще несовершеннолетняя. Уилл, а если она попала в какую-то настоящую беду или ее к чему-то принудили? А если она действительно мертва и лежит в том лесу?

Он сердито смотрит на меня.

— Тэлли Холландер однозначно чокнутая. Ты же не настолько доверчива, правда?

— Эй-эй. Речь не обо мне, и ты это прекрасно знаешь. Если Шеннан жива, ей нужна наша помощь. Даже если мы уже опоздали, она все равно заслуживает, чтобы ее нашли. Мы не можем просто взять и бросить ее.

— Анна, эта девушка — не Кэмерон. Она беглянка, давным-давно испоганившая собственную жизнь. И ты слышала, что сказала ее мать. Шеннан не хочет, чтобы ее кто-нибудь искал. Все, конец.

— Как ты можешь такое говорить? У тебя же есть свои дети.

— И что это должно значить?

— Мы ответственны за эту девушку.

— Почему? И почему мы?

— Потому что каждый хочет, чтобы его нашли, понимает он это или нет.

После мы долго молчим. Этот тупик лежит между нами, как предмет, занимая место и воздух. Наконец Уилл замечает томик «Джейн Эйр» и удивленно поднимает брови.

— Как дела со Стивом Гонзалесом?

— Он мне понравился. Похоже, он честный мужик и хороший учитель и явно беспокоится о Кэмерон. Я не думаю, что он как-то связан с ее исчезновением, но для надежности можешь прогнать его через полиграф... — Стоп. Мои слова догоняют меня и со щелчком встают на место. В машине, прежде чем наш день был испорчен новостями о Шеннан, Уилл начал рассказывать что-то важное. — Полиграф Эмили. Где она провалилась?

Глава 24

Когда меня обучали технике допроса подозреваемых, я, как практически все полицейские в то время, изучала технику допросов Рейда. Джон Рейд был чикагским копом, который придумал свой метод, когда в 40-х и 50-х годах Верховный суд запретил добиваться признательных показаний избиениями, угрозами и запугиванием. Рейд любил науку. Он работал с полиграфом, был экспертом и думал, что копов тоже можно обучить определять ложь, пользуясь бессознательным тиком и жестами подозреваемых, повторяемыми словесными оборотами, реакциями на стресс. Посредством цепочки обостряемых вопросов и шагов дознаватель должен был обрести все больший контроль над ситуацией, в то время как полиграф регистрировал изменения пульса, кровяного давления, температуры тела и частоты дыхания.

Как и Уилл, я всегда относилась к полиграфу со здоровым скептицизмом, считая его полезным инструментом, но не тем, на что можно положиться, а тем более построить обвинение. Конечно, учащение пульса может говорить о чувстве вины или поступке. Но в расследованиях вроде нашего, где на кону жизнь ребенка, эмоции допрашиваемого всегда будут сильными, хаотичными и смешанными. Ненадежными. Кроме того, по моему опыту, виновные люди без труда обходят полиграф. Нарциссы, психопаты. Люди без совести.

— Уилл, так что случилось? Что ее зацепило?

По его взгляду видно, что ему хочется сменить тему, но в конце концов он смягчается.

— Вопрос «Вы когда-либо причиняли вред своей дочери?». Эмили ответила «нет», и ты знаешь, как это работает. Вопрос повторяется несколько раз в других формулировках. Каждый раз Эмили говорила «нет», и каждый раз у нее взлетал пульс.

— Это довольно показательно. Ты не согласен?

— Не знаю. Эти отклонения могут ничего не значить. Может, она слишком сильно шлепнула Кэмерон или заперла ее в комнате. Родители годами переживают такие поступки. — Уилл держит свою пинту между ладонями и прокатывает взад и вперед, будто так ему легче взвешивать слова, легче убедить меня. — Вероятно, дело в этом. В ее чувстве

ответственности. В том, что она не смогла защитить Кэмерон в собственном доме.

Я слушаю его и думаю, не поспешила ли с выводами. Или он упускает то, что лежит прямо перед нами? Родительская вина — колючая и бездонная штука, я очень хорошо это знаю. Но в доме Эмили что-то действительно случилось, и совсем не в ночь, когда исчезла Кэмерон. Эмили не защитила дочь, когда той требовалась защита, когда она была слишком мала, чтобы защищаться самой. Эта щель со временем ширилась и сейчас прорвала плотину. Во всем, что имеет значение, настоящее Кэмерон было создано ее прошлым.

— Уилл, нам нужно обсудить часть ситуации, связанную с насилием.

Он сдается.

— А ты не думала, что насилие произошло еще до удочерения Кэмерон? Если вообще было?

Я не обращаю внимания на его цинизм.

— Статистически начало сексуального насилия приходится на период от семи до тринадцати лет. Примерно в девяноста процентах случаев насильниками являются члены семьи. И жертвы. Тихие, эмоционально нестабильные, одинокие дети. Девушки вроде Кэмерон. — Я начинаю говорить с излишним пылом — признак, что нужно притормозить себя, придержать, — но почему-то даже мысль о самоконтроле кажется вне досягаемости. — Нам нужно открыто поговорить с Эмили и посмотреть, что выйдет. Мы поедem в эту клинику с ордером на медкарту Кэмерон и положим документы на стол перед Эмили.

Уилл потрясен.

— Господи, Анна, это жестоко. У нее дочь пропала. — Слово вспыхивает между нами, резкое и блестящее. — Ты не думаешь, что Эмили заслуживает передышку, капельку презумпции невиновности? И что с ее мужем? Почему он получил зачет? Может, это он причинил девочке вред?

Внезапно я ощущаю, насколько жарко в баре. Из кухни доносится запах жареной рыбы. Стойка бара липнет к рукам. Уилл бросил мне не риторический вызов. Он считает, что я перегнула палку. Возможно, он прав.

— Я не забыла о Трое. Но именно Эмили находилась с Кэмерон дома, именно она была ее опекуном и воспитательницей. Она перестала сниматься, чтобы ничто не отвлекало ее от материнских обязанностей. И именно она завалила тест на полиграфе. Уилл, я не думаю, что отношусь к ней слишком жестко. Я просто реалист. У нас нет времени для мягких перчаток. Если Эмили знала о насилии, ее чувство вины не просто засветилось на полиграфе, оно указало на нее. Возможно, она чувствует себя ответственной за это, потому что и вправду ответственна. Возможно, она закрыла глаза, когда их нужно было держать открытыми. Возможно, она придержала язык, когда должна была орать во всю глотку. — Мне кажется, что табуретка подо мной вибрирует от напряжения. Мой голос дрожит, полный жара. — Возможно, она защищала своего брата, Дрю, а не Кэмерон.

Уилл отстраняется от меня, выражение его лица меняется.

— Ты ужасно эмоциональна.

— Я в порядке, — огрызаюсь я, тут же переходя к обороне. — Просто знаю, что наткнулась на что-то. Смотри, я нашла эту поэму в шкафчике Кэмерон. Возможно, это важно.

Он берет открытку, которую я подвигаю к нему, и молча читает строки. Потом поднимает взгляд.

— Блин... Какая девушка в пятнадцать лет будет читать Рильке?

— Травмированная. «Я хочу быть со сведущими или один». Здесь все сказано. Разумеется, насилие бывает случайным, когда выпадает шанс и возможность. Но иногда оно очень специфично и синхронно, как будто существует скрытая связь, уязвимость, которую хищники чувствуют в определенных жертвах, даже когда видят их впервые. Когда внутри человека есть травма, она просачивается наружу, как радиоволны. Как будто темнейшая часть прошлого может говорить напрямую посредством тела, живя в его клетках. Ты понимаешь меня?

Уиллу неудобно, его лицо порозовело.

— Ты хочешь сказать, что это вина жертв? Что они каким-то образом делают себя целью?

— Нет, совсем не так. Наоборот. — Раздраженно забираю со стола открытку. Кажется, мне не подобрать нужных слов.

— Тогда как? Что на самом деле происходит?

— Однажды я работала с по-настоящему хорошим психологом-профайлером. Он использовал термин «бэт-сигнал», когда говорил о

том, как жертвы неосознанно объявляют себя. Все мы приходим в этом мир с чистым ярким светом, верно? Мы невинны и свежи, как гребаные небеса. Яркие и чистые.

— В это я верю, — говорит Уилл. Я слышу, что он схватывает мысль, и мне становится не так одиноко. — Все рождаются с чистым досье.

— Да. — Невидимые струны между нами вибрируют от эмоций. — Но потом с некоторыми детьми — с одним из десяти или скорее одним из четырех — случается что-то по-настоящему плохое, связанное с семьей или знакомыми, которым доверяла семья. Травма, невнимание, издевательства, манипуляции, принуждение, насилие. И у них нет ни инструментов, чтобы с этим справиться, ни слов, чтобы об этом рассказать. И поэтому они молчат. Вынуждены соучаствовать. Стыдятся. Вскоре ты покрываешься густым черным дегтем, и когда сквозь него сияет свет... — Я не договариваю, понимая, что Уилл наверняка сообразит — я рассказываю не просто о расследованиях, с которыми сталкивалась за годы работы. Мое знание получено из первых рук. Я сама это пережила.

— Бэт-сигнал, — серьезно произносит он.

— Да. Огромный, как луна над Готэм-Сити^[28]. И каждый психопат, социопат, садист, алкоголик, нарцисс, все эти куски дерьма видят сигнал и сбегаются к нему. А когда эти двое находят друг друга, они защелкиваются. Опознают друг друга на каком-то глубинном уровне. Как будто говорят на двух вариантах одного языка.

— Ого... Ладно. Господи. В этом больше смысла, чем хочется. — Уилл вытаскивает из-под своей пинты влажную салфетку и мнет ее в руках, качая головой. — Но откуда берется первое насилие, если все появляются с чистым листом? Почему одни дети становятся целью, а другие — нет?

— Кэмерон не было и четырех, когда ее жизнь перевернулась с ног на голову. — Мои мысли скачут сквозь десятилетия к моему собственному детству, детству Дженни и бесчисленных других, набирая кинетическую энергию. — Подумай, насколько она была маленькой для разворота жизни на сто восемьдесят градусов. Но достаточно взрослой, чтобы потерять ощущение себя, ощущение принадлежности к кому-то. Даже если Кэмерон не показалась Эмили и Трою одинокой и напуганной, эта растерянность и неопределенность

вынуждали ее слишком доверять другим. Ей хотелось любви. Хотелось чувствовать себя уверенно. — У меня сдавило горло, язык еле шевелится, но я заставляю себя дойти до конца. — И, словно этого мало, шрам от той ранней травмы отлично способен привлечь к ней внимание. Внимание другого хищника.

Уилл вздыхает.

— Гребаная ирония. Я хочу сказать, Эмили и Трой думали, что помогают нуждающемуся ребенку, а в результате причинили вред, который привел к такому концу.

Он действительно слушает.

— Ты спрашивал, почему я не хочу снять Эмили с крючка? Именно поэтому. Что, если случившееся с Кэмерон произошло после того, как ее спасли? Когда она должна была быть в безопасности и счастлива? — на последнем слове у меня срывается голос, руки на краю стойки дрожат.

Уилл замечает все это, и не только. Я прыгаю выше головы, и мы оба это понимаем. Однако он даже не подозревает, сколько разных сил подталкивают меня и почему я сейчас не могу притормозить — почему не могу и не позволю потерять Кэмерон. Любой ценой.

Он двигает табуретку, чтобы развернуться ко мне, на его лице озабоченность.

— Ты хорошо разбираешься в этих штуках, и у тебя большой опыт. Это я знаю. А еще я знаю, Анна, что твоя работа в Сан-Франциско протащила тебя через кучу вещей, которые никто не должен видеть. Может, поэтому ты и вернулась сюда.

У меня горит лицо, я не в силах встретиться с ним взглядом.

— Если все это будет для тебя слишком тяжело, ты должна мне сказать, ладно? Я здесь. Мы команда. — Он дотягивается до моей руки и сжимает ее, подчеркивая слова. — Да?

— Конечно. — Я с трудом сглатываю. — Но, Уилл, кто-то должен спасти эту девушку.

«И этим кем-то придется быть мне».

Глава 25

На следующее утро я еду в город на восходе солнца, чтобы встретиться с Уиллом в кафе «Хорошая жизнь» и прихватить кофе. Потом мы забираемся в его машину и едем на юг вдоль побережья, в Петалуму, огибая длинную серую полосу тумана, которая затирает океан и горизонт. Всё, кроме дороги.

— Есть какие-то новости о Руссо? — я проснулась, думая о ней, будто в моей голове мало одной пропавшей девушки. — Ты прогнал номер?

— Да. Ничего, кроме истекшей регистрации. Наверное, ее мать решила не обновлять номера. Зачем тратить зря деньги?

— А если разослать ориентировку на машину? Просто на всякий случай.

Он бросает на меня взгляд «снова-здорово».

— На основании заявления ясновидящей?

— Возможно, — отвечаю я, не желая отступить. — Пусть ты в них не веришь, но не все они чокнутые. В любом случае что нам стоит?

Он молчит.

— Даже если девушка была ходячей проблемой, это не значит, что она не стоит нашего времени. Нам сейчас не следует ничего упускать. Ставки слишком высоки.

Уилл дергает подбородком в полукивке. Я слежу за ним, надеясь на большее, и наконец он выдавликает:

— Ладно.

* * *

Через час мы въезжаем в Петалуму через оливковые рощи, пастбища, сельскую мозаику ферм и полей. Я уже забыла, насколько новоанглийской выглядит и ощущается эта часть Калифорнии.

— Это *Наш Город*, — говорю я Уиллу, пока мы катимся по бульвару, мимо исторических глинобитных зданий и винтажных фасадов. Похоже, здесь только один бар, и на его вывеске написано «Салун».

— Мы называли его Птицалума. — Уилл указывает на птицекомбинат. — Трудно поверить, что до Сан-Франциско всего сорок пять миль, а?

Слишком близко. Меня колет иррациональный страх, что вся моя боль и сожаления станут громче.

— Ужас, — натянуто отзываюсь я, не отрываясь от маленьких магазинчиков и узких тротуаров, сберегательной кассы с улыбающимся стикером в окне. Здесь всё на месте, нет даже растяп-пешеходов. — Такой городок ощущается настолько тихим и оторванным от внешнего мира, что начинаешь задумываться, не опасен ли он.

— Городок из сказки, да?

— Именно. Ложная безопасность. Ты перестаешь оглядываться, потому что картинка выглядит реальной. Что плохого может случиться, когда весь город окружен рвом, верно? Укрепления. Стража на воротах. Но дракон все равно появляется.

Уилл осматривается. Взгляд у него тяжелый.

— Знаешь, что мне напоминает это место?

— Ага. Мендосино.

* * *

Полицейский департамент Петалумы располагается к северу от центра. Мы паркуемся, регистрируемся и ждем у стойки. Появляется младший инспектор и ведет нас вглубь здания к цепочке кабинетов.

— Это сержант Баррези, — говорит он, останавливаясь у открытой двери.

Сержант — здоровяк с желтоватым лицом и зачесанными назад волосами. Когда он поднимается из-за стола, тут же вызывает в памяти множество старших офицеров, с которыми мне приходилось работать в разные годы, вплоть до бежевого костюма, такого новенького, что сияет. Наверное, для пресс-конференций. Готов он или нет, теперь он занимается связью с общественностью. Уже ясно, что это расследование будет резонансным. Возраст Полли и обстоятельства ее похищения сработали на массовые страхи и тревоги. Вся страна будет следить за поисками.

— Я думал, мы должны встретиться с Эдом Ван Лиром, — говорит Уилл.

— Он скоро будет. Мы ведем расследование вместе. Рассказывайте, что я могу для вас сделать.

— У нас в Мендосино пропала девушка, — встречаю я. — Кэмерон Кёртис. Уверена, вы слышали. Сейчас поступило сообщение о еще одной пропаже. Шеннан Руссо, семнадцать лет. Последний раз ее видели в начале июня. Мы просто пытаемся понять, нет ли тут связи.

— Мы сами толком не понимаем, где какие связи, — просто отвечает Баррези. — Преступление произошло в пятницу. Сейчас только утро вторника. У меня повсюду фэбээровцы из Вашингтона и Сан-Франциско, я еще ни разу не видел столько агентов в одном месте. Но это не значит, что я могу отыскать свою задницу.

Я понимаю, под каким он прессом, пытаюсь правильно вести расследование. За ним следят все. Меньше всего ему нужны новые загадки, но мне все равно нужно попробовать.

— Сержант, мы понимаем, насколько ценно ваше время. Мы просим только пару минут, чтобы вы изложили нам подробности.

— Ван Лир сказал, на месте преступления найден отпечаток? — давит Уилл.

— Слишком смазанный для компьютеров. Будь у нас подозреваемый, от него могла быть польза.

— Есть какие-то еще свидетели, кроме подружек Полли? — спрашиваю я.

— Квартирант в жилом гараже. К нему приходил приятель. Они смотрели телевизор при открытой двери, когда неопознанный подозреваемый прошел по подъездной дорожке и подошел к задней двери.

Уилл подается вперед, его вопрос — эхо моего незаданного.

— И они ничего не заподозрили?

— Похоже, мужик шел будто к себе домой. Задняя дверь была не заперта. Он подумал, что это какой-то друг семьи.

— Все равно, это было чертовски нагло, если ты понимаешь, что тебя заметили.

— На улице тоже были свидетели, — добавил Баррези. — Теплый вечер пятницы. Люди в парке. Куча пешеходов.

Представить себе картину, которую описывает сержант, довольно легко, если преступник — человек, которого не беспокоят ни свидетели, ни время дня, ни последствия или риски. Однажды слетев с катушек, он будет рваться к Полли любой ценой.

Такая безрассудная уверенность — одна из причин, по которым некоторые преступники способны похитить человека на виду у всех, даже посреди дня. В 1991 году в маленьком горном городке Мейерс в Калифорнии, недалеко от озера Тахо, к одиннадцатилетней Джейси Дьюгар, которая шла к автобусной остановке, подъехала машина. Несколько ее одноклассников видели, как Джейси оглушили шокером и затолкали в салон. Отчим девочки тоже был свидетелем похищения и бросился следом на горном велосипеде, но не угнался. Машина просто умчалась. Немедленно начались масштабные поиски, но Джейси исчезла.

Два года и три месяца спустя о ней по-прежнему ничего не известно, но она занимает мои мысли в кабинете Баррези, даже когда он переключается и начинает рассказывать о семье Полли.

Ив недавно разошлась со своим вторым мужем, отцом Энни, шестилетней сестры Полли. Может, расставание супругов было напряженным, или Марк Клаас был недоволен условиями соглашения о родительских правах? Баррези хватается за соломинку.

— Подозреваемый не стучал в дверь и не колебался, — говорит он. — Это может означать, что он был знаком с жертвой, имел доступ к дому и хорошо в нем ориентировался.

Я знаю статистику не хуже его: похитители-чужаки составляют меньше пяти процентов. Но у меня уже сложилось впечатление, что в этом случае статистика решила взбрыкнуть.

— Время покажет. Вы можете поделиться с нами чем-то еще?

— Можете съездить на место преступления, если от этого будет толк. Мы очистили периметр. Вы там ничего не испортите.

— Спасибо, — говорит Уилл. — А как остальные девочки? Подружки Полли?

— Они храбрые девчонки. Сотрудничают с нами с самого вечера пятницы. Мы поставили полицейских у их домов. Думаю, они пока не готовы возвращаться в школу.

— Я бы никогда не вернулась.

— Иногда нормальная жизнь помогает, — поясняет Баррези.

Я киваю, не желая спорить с сержантом в его кабинете. Но в голове у меня только одна мысль. Для этих девочек, как и для одноклассников Джейси Дьюгар, которые видели, как на нее напали прямо на улице, как для Грея Бенсона, чей лучший друг исчез в никуда, нормальная жизнь не входит в повестку дня. И возможно, это навсегда.

Глава 26

Дом Ив Николь находится в сонном и безмятежном жилом районе примерно в миле от центра города. Въезд в квартал перекрыт полицейской лентой, поэтому мы ставим машину неподалеку и идем через парк Уикерсхэм, под густыми вязами и платанами. Я могу представить, как обычно выглядит парк: дети визжат в покосившемся игровом городке, матери сплетничают на деревянных скамейках и рядом со столами для пикника. Но сегодня здесь ни единой души.

Лента вьется по заборчику, окружающему небольшое серо-голубое бунгало в центре квартала, милое и ухоженное, но в остальном непримечательное, с белыми наличниками и большим эркерным окном. На крыльце вянут цветы в горшках. Почтовый ящик забит проспектами супермаркета. На вид самый обычный дом маленького американского городка, только это неправда.

Нам не приходится стучать. Дверь открыта, снаружи стоят двое полицейских из полиции Петалумы. Уилл показывает свой жетон и ссылается на Баррези. Тот уже звонил предупредить о нас, так что никаких проблем нет. Похоже, Ив и ее дочь Энни пока остаются у друзей, живущих неподалеку. Человечное решение. Два криминалиста работают в комнате Полли — все еще или снова. Кухню превратили в полевой штаб группы ФБР, которую возглавляет Род Фрейзер.

— Рад тебя видеть, Анна, — говорит он, пожимая мне руку. Его ладонь теплая и крепкая. Он тяжелее, чем я помню, и линия волос отступает. Десять лет могут такое сделать. — Жаль, что обстоятельства не слишком радостные.

— Я тоже. — В нашей работе «радостный» — понятие относительное.

В кухне Ив Николь — ощущение странной подвешенности, разрыва нормального. На холодильнике висит школьный табель Полли, прямо под магнитиком с Бургервором, отпускная фотография Полли и Ив, скрученная по краям: обе в ярких платьях, щурятся на солнце с одинаковым неприкрытым счастьем, волосы Ив сдувает в лицо Полли. Каждый предмет в комнате испускает волны обнаженной личной жизни. На столе банка с печеньем «Орео», рядом набитый купонами

конверт. На холодильнике часы с котом, его хвост качается вправо-влево.

— Я приехал той ночью, вскоре после полуночи, — говорит Род.

— Девочки еще были здесь? — спрашивает Уилл. — Подружки Полли?

— Джиллиан Пелхэм и Кейт Маклин. Они наши главные свидетели. Мать спала и ничего не слышала. Энни, сестра Полли, тоже.

— Полагаю, к счастью, — говорит Уилл, а у меня болит сердце. Когда это чудовище пришло за ее дочерью, Ив спала. Была не в силах прийти Полли на выручку.

— Мать и Энни отправились спать в девять тридцать, — продолжает Род. — Девочки собирались развлекаться всю ночь, переодеваться, играть в настольные игры, делать друг другу макияж. Примерно в десять тридцать Полли пошла в гостиную за спальными мешками, и в коридоре стоял мужчина с ножом. У него была сумка с хирургической ниткой и капюшоном. Он все подготовил заранее.

— Где вы нашли отпечаток?

— Наверху двухъярусной кровати. Только часть, и сильно смазанную. Посмотрим, не удастся ли что-нибудь вытянуть.

— А почему мать ничего не слышала? — спрашивает Уилл.

— У нее сильно болела голова, и она рано пошла спать. Возможно, она все равно не смогла бы его остановить. Она худощавая женщина, а у него был нож, помните?

— Баррези упомянул, что преступник спросил девочек, которая из троих живет в этом доме, — вступаю я. — Это говорит о чужаке, верно?

— Необязательно. Я сталкивался с проблемными родительскими правами, когда один из родителей нанимал кого-то для похищения ребенка, чтобы похититель казался незнакомцем.

— Верно. Но в этой конкретной семье оба родителя, похоже, находятся в мирных отношениях. Шесть лет в браке, и ни судебных постановлений, ни действующих запретов. Никаких семейных конфликтов.

— Насколько нам известно, — поправляет меня Род. — Но он сказал девочкам: «Я делаю это ради денег». Тогда Полли предложила ему пятьдесят долларов из коробки в ее шкафу, но он не обратил на это внимания.

— Странно, — говорит Уилл. — Хотя, я полагаю, если он наемник, как вы говорите, возможно, он нервничал или растерялся. Боялся, что его схватят. Но почему он спросил, кто из девочек живет здесь? Если он знаком с семьей, то был бы уверен.

— Возможно, — допускаю я. — Или он действительно чужак. Социопат, который говорит то, что в данный момент приходит ему в голову.

Именно сюда склоняются мои мысли, хотя это смелая догадка. Лишь один процент похищений детей связан с настоящим хищником, но я не вижу здесь обычных маркеров семейной драмы. Кроме того, известные нам подробности вроде шелкового капюшона и хирургической нити выглядят слишком специфичными для реквизита.

Если б мужчине, который похитил Полли, действительно платили, как предполагает Род, он не стал бы рисковать сильнее необходимого. Он дождался бы глубокой ночи. Тщательно изучил бы место, удостоверился, что семья спит, а Полли одна. А вот люди другого типа, движимые только больным сознанием, не будут беспокоиться ни о времени, ни о свидетелях. Как только такой человек решает напасть на свою жертву, он не останавливается ни перед чем. Риск не имеет значения. Ничто не имеет значения, кроме жертвы.

— Ты можешь рассказать нам остальное? Что было дальше?

— Он связал их всех хирургической нитью и еще шнуром, который срезал с «Нинтендо»^[29]. Хотя все это время говорил, что не собирается причинить им вред.

— Большой мерзавец, — бормочет Уилл, и я с ним согласна.

— Он заткнул им рты, — продолжает Род, — натянул капюшоны на головы и сказал двоим оставшимся девочкам начинать считать. Потом утащил Полли. Девочки услышали, как скрипнула входная дверь, и поняли, что он ушел. Через несколько минут им удалось распутать узлы, и они разбудили Ив. Потом та позвонила 911.

— Как звучит запись разговора? — спрашивает Уилл. — Есть что-то необычное?

— Ничего интересного. Мать немножко заторможенная и растерянная, как будто не может до конца поверить, что случилось. Потом, по ходу разговора, она начала срывать. Сломалась.

Меня покалывает смутная тревога, будто рассказанная история слишком близка к моей собственной. Горе Ив и мое горе размываются,

сталкиваются.

— Ты слышал о Кэмерон Кёртис? — спрашиваю я, намерено меняя тему.

— Дочка актрисы?

— Верно. Пятнадцатилетняя девушка исчезла из своего дома после десяти вечера примерно неделю назад. Никаких следов взлома, никаких улик, ни явного мотива, ни причин, по которым она могла сбежать.

Род оборачивается ко мне, трет большим пальцем край чашки с кофе, которую держит в руке.

— А почему ты об этом вспомнила? Есть основания полагать, что это тот же парень?

Я все еще пытаюсь собраться с мыслями, когда вступает Уилл.

— Эта девушка никогда не сбежала из дома. И я не думаю, что мы можем игнорировать географию. Преступники часто привязаны к определенной территории.

— Конечно. Но характер преступления не совпадает, не говоря уже о типе жертвы. Двенадцать и пятнадцать выглядят совершенно по-разному, особенно для хищника. И вам следует подумать о зоне контроля. Куда девушка могла ходить. С кем она могла невольно столкнуться.

— Вы помните убийства автостопщиков около Санта-Росы в семьдесят втором и семьдесят третьем? — продолжает Уилл, как будто не слышит Рода. Или не хочет слышать. — Те нападения были частыми и характерными, пока убийца не залег на дно, и всегда в радиусе сотни миль от города.

— Это было давно. Для такого убийцы абсолютно нетипично возобновить нападения в том же районе после двадцати лет спячки.

— Наверное, да. — Уилл опирается на кухонный стол, но его мышцы напряжены. — Просто мне все время кажется, что есть какой-то прецедент, и мы не должны его игнорировать.

Фрейзер переводит взгляд с Уилла на меня, и я пытаюсь придумать, как осторожно высказать свое мнение. Меня все еще трясет от связи с Ив, но еще сильнее давит напор Уилла, его желание получить поддержку идеи серийного хищника. Ставки высоки, и в текущей ситуации он видит первый шанс получить какие-то внешние ресурсы. У Рода тоже есть основания доверять моим инстинктам. Если я скажу, что вижу связь между этими двумя преступлениями, возможно, это

убедит его рискнуть и отправить к нам кого-то из своих людей. Но я должна быть честна.

— Мне так не кажется, — наконец произношу я. — Я не думаю, что это тот же самый парень.

Фрейзер кивает, но я ощущаю растерянность и разочарование, которые излучает Уилл. Он плотно сжал губы, кончики ушей стали почти пурпурными.

— Кто-то схватил девушку, — огрызается он. — И мне нужна хоть какая-то помощь.

Род скрещивает руки на груди, ему явно неловко. У него широкая душа, он будет сочувствовать Уиллу и переживать за всю ситуацию, даже если не сможет помочь. Он не огрубел, не растратил сострадание.

— Не знаю, что я могу сделать, — в конце концов говорит Род. — Я уже на пределе своих возможностей.

Уилл часто дышит. Он сжимает ладонями виски, растирает, пытаюсь унять головную боль. Напряжение.

— Может, тогда вы хотя бы позвоните в Бюро и напомните им, что у нас тут еще одна пропавшая девушка. Возможно, две. Полиция Гуалалы только что объявила о поисках семнадцатилетней девушки, исчезнувшей в июне.

Фрейзер явно не в курсе.

— В Гуалале?

— Шеннан Руссо, — встречаю я. — У нас тут объявилась ясновидящая, которая говорит, что ее исчезновение как-то связано с исчезновением Кэмерон Кёртис.

Род поднимает брови.

— Сюда тоже звонила какая-то ясновидящая... Интересно, это одна и та же?

— У вас записана ее фамилия?

— У Баррези. Она сказала, что хочет получить доступ к квартире Марка Клааса в Саусалито; говорила, что чувствует вибрации Полли. — Взгляд Рода лишает ее всякого доверия и захлопывает эту дверь. Даже если я собираюсь поговорить с Тэлли Холландер, сейчас объявлять об этом не стоит.

— Род, ты же понимаешь, — наконец говорю я. — Мы не хотим запутывать вас, думая, что все связано, но боимся что-то упустить. Вот и пытаемся идти по границе между двумя крайностями.

Он кивает, руки опущены, ничего не говорит. Он слишком хорошо знает регион. Род — один из хороших парней, из лучших. Но это не значит, что он способен раскрыть свою тайну. Или нашу.

Глава 27

Как я и говорила Уиллу, мне знакомы женщины вроде Тэлли Холландер. Временами «Прожектор» пользовался их услугами. С некоторым успехом. А еще была Иден.

Она была «медиумом» — ее слово, — способным видеть будущее в снах и образах, которые возникали, когда у человека были неприятности: скрючился у ванны, неудачно поскользнувшись, или пытается сменить спущенное колесо на обочине дороги... Все они были реальными людьми, насколько я понимала, но в основном незнакомцами. Иден просто была чем-то вроде приемника изображения: вспышки телеграфированной паники, словно ее подсознание было чем-то вроде космической телефонной линии. Временами она вмешивалась или пыталась, когда события случались поблизости, с людьми, которых она могла опознать, и не слишком далеко в будущем или прошлом. Однако никогда не встречала себя в этих видениях и считала это большим облегчением.

— Я не хочу знать, что со мной случится, — однажды пояснила Иден. — И не знаю, кому такого захочется.

— А если ты сможешь остановить это будущее? Сделать что-то иначе?

Она слабо пожала плечами, склонившись над миской, в которой вмешивала темные кнопки изюма и пекан в бледное хлебное тесто.

— Это так не работает.

— Никто ничего не может изменить, да? Вроде судьбы?

— Нет, Анна, я не имела в виду судьбу. Я говорю о характере. Мы делаем то, что делаем, потому что мы те, кто мы есть.

Ее слова пронеслись сквозь меня, как полированные камешки.

— У тебя были сны обо мне?

Иден подняла взгляд. Я уловила краешек беспокойства, прежде чем она стряхнула его, словно вымела мусор из угла.

— Иногда.

Мне было страшно задать следующий вопрос. Он висел, тяжелый, пока я смотрела на нее.

— Анна, о чем ты хочешь спросить? — ее голос был нежным и терпеливым.

— Ни о чем. Просто... Как думаешь, я хороший человек?

Ленора внезапно издала странный звук со своего кресла, почти зарычала, и я вздрогнула. В такие моменты мне казалось, что эта птица слишком много знает, что она способна чувствовать вещи.

— Неважно, — отступила я.

Иден открыла духовку и поставила туда противень, потом села рядом со мной за кухонный стол, развязывая фартук, чтобы положить на колени. На пол, как пыль, полетели кусочки муки, но она их не замечала.

— Анна, ты думаешь о брате и сестре? Если хочешь, мы можем попытаться найти их. Должно быть, ты все еще сильно о них тревожишься.

Ленора хлопнула здоровым крылом и начала чистить клювом перья, расправляя их и укладывая. Мне это показалось рассчитанным поступком. Как будто она притворялась, что не слушает, но на самом деле начала внимательно следить за разговором.

— С ними же все хорошо, правда?

— Не знаю, — мягко сказала Иден. — Сколько им сейчас?

— Восемь и девять.

— А. Ну, есть только один способ выяснить это. Давай позвоним Линде. Может, у тебя даже получится их навестить. Я не сомневаюсь, такие встречи организывают.

У меня резко сдавило бок, прямо под ребрами.

— Я не думаю, что хочу их навестить. Не прямо сейчас. Но ты можешь спросить. Позвони миссис Стефенс. Я была бы рада знать, что у них все о'кей.

— Конечно, солнышко. — Она подобрала завязки фартука, скомкала его в руках, задумавшись. Потом заговорила: — Я ничего не знаю об этих детях, но могу сказать, они не винят тебя за то, что случилось.

— Откуда ты знаешь? — я не могла поднять взгляд.

— Потому что ты не виновата.

У меня горели щеки, сдавило горло. Больше всего мне хотелось не заплакать. Только не перед Ленорой, которая никогда этого не забудет.

— Ну... неважно.

— Нет, Анна, послушай меня. — Иден наклонилась и взяла меня за руку. — Это важно. Иногда взрослые не справляются. Я думаю,

твоей маме было очень больно. Я не знаю точно. То, что случилось с твоей семьей, могло произойти, потому что ей было очень больно или потому что мир взвалил на нее больше, чем она могла вынести. Или, черт, еще по куче причин. Но не из-за тебя, милая. Ты не сделала ничего плохого.

Я отчаянно хотела поверить ей, но это было трудно. Ее руки держали мои ладони, словно предлагали что-то понести ради меня. Если только я позволю.

— У тебя бывают видения о Хэпе? — если б я не сменила тему, то совсем развалилась бы.

Ее взгляд мягко обежал меня, наполненный любовью и принятием.

— Слишком часто. Вот это я изменила бы, если б могла.

— Но ты не можешь. — Мне хотелось, чтобы она знала, насколько внимательно я слушала ее с самого начала.

— Не могу.

— Но ты можешь испечь хлеб.

— Верно. — Иден сжала мои ладони раз, другой, потом выпустила. — Это может делать кто угодно.

Глава 28

Когда мы с Уиллом выходим на улицу, он кипит.

— Ты что, умерла бы, если б поддержала меня? Господи, Анна... Ты же знаешь, что на меня давят.

Я поднимаю руку, останавливая его.

— Знаю. Прости. Но при таком несовпадении образа действий преступников вовлекать в дело команду Рода просто неправильно.

Уилл издает раздраженный звук, его губы поджаты; но он слышал все то, что слышала я. Преступник забрал Полли из ее дома теплым вечером, когда на улице были люди, и под угрозой ножа при свидетелях. Он не может быть тем же человеком, который каким-то образом выманил Кэмерон из безопасного дома и, возможно, манипулировал ею еще до того. Она пошла по своей воле, как та фермерская девушка из сказки братьев Гримм, которая уходила все глубже и глубже в темный лес, привлеченная сверкающими безделушками на дороге. И подняла взгляд, только когда было слишком поздно, когда она заблудилась и перепугалась, оказавшись слишком далеко от дома.

— Уилл, мы разгадаем эту загадку. Но тебе придется доверять мне.

— Правда? — Его глаза пылают.

— Анна! Постой, — неожиданно зовет Род Фрейзер с крыльца Ив. Он жестами зовет меня назад.

Я прошу Уилла подождать и тороплюсь обратно.

— Что случилось?

— Я просто хотел сказать, как мне жаль.

— Не беспокойся об этом, — не задумываясь, отвечаю я. И тут до меня доходит. Он имеет в виду не наше расследование и не свое. Он имеет в виду *меня*. Похороны и расследование.

— Мне следовало послать карточку. — Род волнуется, переживает. — Мое сердце было с тобой.

— Все в порядке.

— Похоже, ты чувствуешь, что уже готова. Вернуться к работе.

— Почти. — Самое честное слово, которое я произнесла за день. — Спасибо, Род.

— Конечно. — Он откашливается. — Слушай. Кое-что я могу для вас сделать. У нас есть вертолет, который патрулирует день и ночь. Фотограф снимает все, что выглядит подозрительным или примечательным с воздуха. Им приходится покрывать очень большую территорию. Слишком много мест, где может оказаться девочка.

— Наши тоже.

— Вот что я подумал. Нас не сильно затруднит отправить «вертушку» выше и шире, до Гуалалы. Как ты говорила, мы не должны ничего упустить.

— Было бы здорово. — Протягиваю руку, но вместо этого импульсивно обнимаю его, прижавшись к широкой груди на секунду дольше, чем оправдано моментом. Скучая по Фрэнку Лири и моему напарнику. Скучая по Брендану, хотя тут все запутано. Но больше всего скучая по Хэпу. Никогда еще мне настолько его не хватало.

— Если Шеннан Руссо мертва, ее останки могут быть спрятаны где-то в лесу. Нам подкинули намек. И высматривайте ее машину. Я скажу тебе номер.

— Звучит неплохо.

Я спускаюсь с крыльца, чувствуя крошечный огонек надежды. Род предложил немного, но иногда приходится начинать с того малого, что есть. И надеяться на остальное.

Глава 29

— Вертолет может покрыть большую территорию, — пересказываю я Уиллу, пока мы идем к его машине. — Это компенсирует нехватку людей.

— Я бы предпочел иметь людей, — говорит он, не глядя на меня.

Парк Уикерсхэм по-прежнему зловеще тихий. Мы проходим мимо пустых качелей, прочерченных тенями.

— Я понимаю, что ты злишься. Давай это обсудим.

— Какой смысл?

Когда мы доходим до машины, Уилл усаживается за руль, всей позой отгораживаясь от меня.

— Ты слышал все, что сказал Род. Давай тратить нашу энергию на поиски Кэмерон.

— Анна, тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь ошибаться? Что связь действительно есть, а мы от нее отмахиваемся? Ты когда-нибудь совершала ошибку?

Я придерживаю язык, гляжу на скошенные тени на тротуарах.

— Не съездить ли нам в Напу повидать Дрю Хейга?

— Можно. — Его напряжение чуть меняется.

— Мы доберемся туда за час. Как думаешь?

— Не повредит.

...Мы уехали из центра города не больше часа назад, но когда возвращаемся в ту сторону, чтобы выбраться на шоссе, там уже что-то происходит. Кентакки-стрит, в квартале к западу от бульвара Петалума, плотно уставлена телефургонами — местными, региональными и национальными. «Дейтлайн», «Праймтайм лайв», «Их разыскивает Америка»^[30]...

— Наверное, пресс-конференция, — говорю я.

— Еще одна?

Со второго октября, со дня похищения Полли Клаас, внимание СМИ растет. Растут и усилия местных добровольцев, пояснил нам сержант Баррези перед тем, как мы направились к Роду Фрейзеру. Они не специалисты, просто обычные горожане, включившиеся в поиски по собственной инициативе, ходящие от двери к двери, распространяющие сведения о похищении. Как сказал Баррези, он был впечатлен и даже

восхищен масштабом отклика. Владелец местного бизнеса предоставил пустующее помещение магазина поисковому центру Полли Клаас, там уже наладили обзвоны людей и компаний. Кто-то поделил город и окружающую территорию на семнадцать квадратов, и больше шести сотен горожан ежедневно прочесывают поля, овраги и фермы вокруг Петалумы. Они не ждут, пока им скажут, что делать или чем они могут помочь. Они действуют.

Все рестораны и магазины уже повесили в своих витринах листовку о похищении Полли. Похоже, владелец маленькой типографии в центре города отпечатал тысячи копий листовок и призвал весь прочий бизнес, имеющий доступ к печати, последовать его примеру. Идет рассылка листовок по почте, в приемные покои больниц и полицейские департаменты, по всей Северной Калифорнии. Водители грузовиков и автобусов получают коробки листовок, чтобы раздавать их по пути, добавляя охвата поискам.

— Никогда еще такого не видела.

— Я тоже. Она уже четыре дня «ребенок Америки». Как это вышло?

— Весь город чувствует свою ответственность за нее. Редкий случай. Ты думаешь, они и вправду лично ее знают?

— Может, да, а может, нет. Они заботятся о ней. Вот что важно.

— Что мы можем из этого вынести?

Мы остановились на долгом светофоре, и он оборачивается ко мне.

— Что в слове «похищение» до хрена власти.

— Эмили должна выйти к людям с просьбой о помощи. Я знаю, она боится того, какой цирк устроят репортеры, но у нее есть голос, которого нет у большинства. Миллионы людей знают, кто она. Подумай, сколько помощи для Кэмерон можно получить.

— Мы не можем ее заставить. Она не готова.

— Это не ради *нее*. — Я слышу, каким резким становится мой голос. Сердце начинает дергаться, сбиваясь с ритма. — Мы теряем уйму времени. Нам нужно было с самого начала организовать поисковый центр и телефонную кампанию. Нам следовало печатать листовки, как бешеным, и раздавать их повсюду. Если б мы так сделали, Кэмерон, возможно, уже была бы дома.

— Ты хочешь сказать, что я облажался?

— Ничуть. Я виню семью. Это они просили тебя избегать огласки. Эмили не следовало прятаться.

Уилл тяжело вздыхает, разминает мышцы шеи, пытаясь снять напряжение.

— Может, ты и права на этот счет... Мне следовало доверять своим инстинктам. Но не наседай так сильно на Эмили, ладно? Она не безупречна, но она не враг. Просто мать.

— Знаю.

— Блин... Вся ее жизнь только что пошла под откос.

Мое дыхание застревает глубоко в груди, цепляется за знакомый зазубренный крюк. Но сейчас важна только Кэмерон.

— Пусть у нас нет ни свидетелей, ни места преступления, — наконец произношу я, — но мы оба знаем, что угроза жизни Кэмерон ничуть не меньше, чем Полли.

— Не каждый ребенок попадает на коробку молока^[31], — безжизненно говорит Уилл, его голос будто бы доносится издалека. — Некоторые просто исчезают.

Я слышу, как он держится за свою злость на Рода и мое вероломство, но внезапно мне становится все равно. Я тоже злюсь.

— Да, Уилл, так и есть. Но я не готова с этим смириться. А ты?

* * *

Мы целую вечность пробираемся через центр города. Движение замерло, хотя я не понимаю почему. Сейчас середина дня, для часа пик еще рано, если такая штука вообще бывает в городке вроде Петалумы. Мы практически ползем.

Потом я вижу почему.

— Уилл, останови машину.

Посреди бульвара Петалума, между двух столбов, только что растянули баннер. На тротуаре еще лежат длинные рабочие лестницы. Десятка полтора детей и их родителей, расплесканных по улице, смотрят вверх. В квартале перед нами загорается красный сигнал светофора, и мы смотрим, как женщина в джинсах и тренче вылезает из своего «Фольксвагена-жук». За ней следуют другие. Глушат моторы

прямо на проезжей части, глядят вверх на большие, яркие, округлые буквы: «ПОЖАЛУЙСТА, ВЕРНИТЕ ПОЛЛИ ДОМОЙ!»

— О, господи, — выдыхает Уилл. Он останавливает машину, и мы вылезаем наружу, становимся частью происходящего, стихийного сборища, безмолвной молитвы.

Это одноклассники Полли. Они нарисовали сердечки и цветы, птиц и облака — шесть футов в высоту и сорок пять в длину, растянутые поперек улицы. Неважно, что будет дальше, но они сделали невероятную вещь. Даже если скоро баннер забудут и он будет пылиться в закрытом поисковом центре Полли. Но сейчас, помимо пухлых сердечек, цветов и шариков, помимо бодрой надежды и умильности, это требование невинных. Школьники седьмого и восьмого классов написали письмо — высоко-высоко, ярко и громко — похитителю Полли.

Глава 30

Выехав из Петалумы, мы следуем указаниям, которые передал Уиллу по рации его помощник, Леон Дженц. Объезжаем реку Петалума по шоссе 116, потом срезаем путь, направляясь вглубь материка мимо пышных ферм и дальше, в винную страну. Эмили говорила, ее брат хорошо ведет дела, но когда мы проезжаем коммерческую, безвкусную часть города, пересекаем реку Напа и въезжаем на Сильверадо-трейл, становится очевидно, что дела у Дрю идут не просто хорошо, а отлично. Экстравагантные поместья сверкают, как драгоценности, рядом с известными винодельнями вроде «Стэг'с Лип» или «Мам»; их дегустационные террасы врезаны в холмы с видами на миллион долларов. Живописный — неподходящее слово. Это рай с непомерным ценником.

Уилл присвистывает, когда мы въезжаем в ворота «Провиженс», частных виноградников Дрю Хейга. Леон немного покопался и выяснил, что брат Эмили и ее невестка не разливают или продают собственное вино, а поставляют сам виноград по всей долине. Их продукцию, похоже, повсеместно уважают и даже ценят, но очевидно, что деньги этой семьи были заработаны еще до здешнего успеха. Изогнутая дорога ведет мимо подстриженных кипарисов к особняку в греческом стиле, с высокими колоннами, окружающими центральный двор. Похоже на «Тару»^[32] или на Парфенон^[33].

— Да вы шутите, — говорит Уилл и фыркает.

Фронтоны и капители здания, похоже, позаимствовали у античной Греции. Кремовая штукатурка тянется и тянется во все стороны, большая часть стен увита плющом. Рядом с большим мраморным входом дремлет пара дирхаундов^[34], едва замечающая наш приезд, словно они здесь исключительно для украшения, как и все остальное.

Мы звоним, нас впускает в дом ассистентка в костюме в полоску. На лацкане ее пиджака микрофон. Она выглядит смесью охранника с директором по маркетингу.

— Подождите, пожалуйста, здесь, — говорит женщина, приведя нас в библиотеку с ковровым полом. Вишневые шкафы блестят от пола до потолка, набитые книгами и каталогами, расставленными, похоже,

по цвету. В камине горит огонь, хотя сейчас только начало октября. Я чувствую жар через всю комнату и уже начинаю потеть.

После, кажется, безосновательно долгой паузы, появляется Лидия Хейг в простой желтой футболке и штанах, которые можно купить в местном магазине для фермеров. Я не верю своим глазам и вижу, что у Уилла, который представляет нас, та же проблема. Такого мы точно не ожидали.

— Сейчас сезон сбора винограда, — говорит Лидия, как будто это объясняет все: от растрепанных серебристых волос до отсутствия обуви. Ее белые спортивные носки хорошо выделяются на фоне толстого коврового покрытия. Поскольку она ничуть не смущена, видимо, так и есть. — К сожалению, мой муж будет занят весь день и вечер, до глубокой ночи. Большую часть белого мы собираем ночью, чтобы обеспечить стабильный уровень сахара.

«Ее племянница пропала, а она беседует об уровне сахара?»

— Кэмерон в беде, — сердито говорю я. — Вашему мужу придется оторваться от дел.

Я готова спорить, но Лидия только серьезно кивает, потом поднимает трубку внутреннего телефона.

— Дрю где-то на тракторе, — говорит она, повесив трубку, — но Дженис попробует добраться до него.

Дженис — ассистентка в полосатом костюме, предполагаю я.

Лидия указывает на кресла перед камином, мягкие и большие.

— Разумеется, мы очень беспокоимся о Кэмерон. Чем мы можем помочь?

Мы с Уиллом переглядываемся, потом садимся. Здесь трудно присматриваться — что к Лидии, что к этому дому. В глаза слишком бросается несоответствие между ее видом и дворцом, в котором она живет, между изначальной рассеянностью и теперешней уравновешенностью. В чем тут дело?

— Вы можете описать ваши отношения с племянницей? — спрашивает Уилл, как только все расселись. — Можно сказать, что вы с ней близки?

— Мы были намного ближе, когда она была младше. Наш сын, Эштон, на два года старше, так что они росли вместе — по крайней мере, на каникулах. Мы перебрались сюда пять лет назад.

— До того, как Эмили и Трой переехали в Мендосино, — дополняю я.

— Совершенно верно. Идея была в том, чтобы чаще видеться, но вышло не так, как нам хотелось. Мы здесь очень заняты, а Эштон большую часть года на востоке страны.

У нее ровный голос, но язык тела меняется, становится жестче. У меня такое чувство, будто она что-то недоговаривает.

— Когда вы в последний раз виделись с Кэмерон?

— Думаю, в июле, на дне рождения Эмили.

— Какой она выглядела?

— Кэмерон? Немного отстраненной, если честно. Как будто что-то пережила. С другой стороны, весь тот день оказался сплошной катастрофой.

Я изучаю Лидию, чувствуя, как на лбу у меня собираются капельки пота. Сейчас, когда я еще ближе к камину, огонь кажется еще более нелепым и смехотворным. Я откидываюсь на спинку кресла, промокаю испарину рукавом.

— Можно ли сказать, что у вас и вашего мужа много общего с Эмили и Троем?

Лидия поднимает брови.

— Не особенно. Они сделали некий выбор... — Она не договаривает фразу.

— Выбор? — уточняет Уилл.

— У Эмили не самая типичная жизнь, я понимаю. Я стараюсь не судить ее.

— Но?.. — поощряю я.

— Но мы никогда не понимали, почему она остается с Троем. Он совершенно не способен на верность, даже когда они только встречались. Такие мужчины не меняются, а Эмили могла выбрать кого угодно. Мы не понимали, в чем смысл.

Уилл ловит мой взгляд. Я достаточно рассказала ему о неверности Троя, но сейчас, когда я знаю историю семьи Эмили, ситуация намного яснее.

— А что с Кэмерон? — меняю фокус. — Как по-вашему, на ней отразилась напряженность отношений в семье?

— Возможно, — задумчиво произносит Лидия. — Но, честно говоря, она уже какое-то время менялась. По крайней мере, так мне

кажется.

— В какую сторону?

— Наверное, стала более чувствительной, легко расстраивалась. С ней стало труднее сблизиться.

— Замкнутая? — предлагаю я.

— Может, и так. — Она мрачнеет. — Когда Кэмерон появилась в семье, я думала, это будет хорошо для них, для всех. Эмили давно хотела ребенка. И ее все время подавляла карьера. Голливуд. — Лидия произносит это слово, как название вируса.

— И что потом?

— Подробностей я не знаю. В какой-то момент Кэмерон замкнулась и ушла в себя. Честно говоря, она не первый год меня тревожит. Хотя вряд ли это можно было высказать Эмили.

Я подаюсь вперед, неожиданно намного сильнее заинтересовавшись Лидией. Уилл, кажется, согласен.

— Как тревожит? — спрашивает он. — Чем?

— Я думала, она может что-то с собой сделать, порезаться или еще что... Девушки ее возраста иногда так себя ведут — режут руки или сознательно вредят себе...

— Вы когда-нибудь предлагали ей помощь?

— Пыталась. В июле Кэмерон выглядела так, будто вообще находится не здесь. Когда я спросила, она сказала, что все отлично, но позже мы выяснили, что она только что узнала о ребенке. Ассистентка Троя... Просто кошмар. Полагаю, вам об этом известно.

— Известно, — говорит Уилл. — Откуда Кэмерон узнала?

Лидия на мгновение раздраженно поджимает губы.

— Его подруга позвонила ему домой, и девочка сняла трубку. Можете такое представить?

Я не могу.

— Подруга Троя сказала Кэмерон, что беременна? Это жестоко.

— Жестоко, но эффективно. — Лидия качает головой. — На самом деле это непростительно. Кэмерон, вероятно, едва стояла на ногах, а у нас был званый обед в честь дня рождения. Крабовый салат и шоколадный кекс без добавления муки. Эмили не позволила никому оступиться — ни единого знака, что дела неладны. Но это же Эмили, верно? — она многозначительно вздыхает. — С тех пор мы с Дрю не разговариваем с Троем.

При звуках имени ее мужа я рывком возвращаюсь к реальности. За всеми разговорами о Кэмерон я едва не забыла, зачем мы приехали. Может, Уилл тоже. Или он просто выжидает удобного момента?

— Кэмерон исчезла двадцать первого. Чем вы с Дрю занимались в тот вечер?

— Мы только начали собирать пино^[35], — поясняет Лидия. — Мы были в виноградниках до двух или трех, я так думаю.

Она явно имеет в виду утро.

— Вместе?

— Да. С августа по октябрь у нас не бывает свободных рук. Никто не спит.

— И когда вы в тот вечер начали работать?

— Как только стемнело. Около семи.

От этих подробностей у меня екает сердце. Не только из-за надежного алиби, которым Лидия обеспечила Дрю, но и потому, что ее слова звучат вполне правдоподобно. Все это никак не сочетается с тем, что мне сейчас нужно, с хотя бы одним убедительным следом.

В конце концов из коридора доносится шум, и в библиотеку входит Дрю. Он снимает запыленную соломенную ковбойскую шляпу и кладет ее на край стола, потом пожимает нам руки. Его редущие мышинные волосы примяты шляпой. Лицо обветренное, на переносице крошки пыли. Он работает всерьез, а не играет в фермера, как я подозревала, и я скорее раздосадована, чем успокоена. Мне хочется, чтобы его вина пылала. Чтобы весь этот сценарий оказался подделкой.

Уилл начинает:

— Мистер Хейг, я шериф Флад из округа Мендосино, а это специальный агент Анна Харт. Мы приехали по поводу Кэмерон.

Дрю, не важничая, садится. Дженис приносит чай со льдом на серебряном подносе с завитками. Хозяин дома берет стакан и выпивает залпом.

— Жуткое дело, — говорит он, ставя стакан обратно; кубики льда брякают, как хрусталь. — А теперь еще одна девочка, в Петалуме...

— Ваша жена сказала, что в вечер исчезновения Кэмерон вы собирали урожай, — вступаю я. — Это верно?

— Да. Самое занятое время года. Иначе мы бы чем-нибудь помогли.

— Вы разговаривали с Эмили или Троем после пропажи их дочери?

— Вообще-то нет. Я... — Он разминает пальцы. — Даже не знаю, что сказать.

— По правде сказать, мы немного смущены, — добавляет Лидия. — В такое время напряженность и разногласия не должны влиять на поступки. Семье следует держаться вместе.

Дрю неловко кивает, а я осознаю, что смотрю на него. На влажные волосы и пропитанный потом ворот. И на руки, крупные и сильные. Выглядит ли он человеком, способным причинить вред пятнадцатилетней девушке? Или девочке помладше? Мой инстинкт подсказывает, что он вполне на такое способен независимо от алиби. Это просто ощущение, возможно, совершенно необоснованное. Но оно есть.

— Я бы хотел проверить вас обоих на полиграфе, — говорит Уилл. — Это стандартная процедура.

— Да? — Дрю выглядит удивленным. — Ну, раз вы так работаете... — Он смотрит на Лидию. — Прямо сейчас будет трудновато определиться с расписанием. У нас еще несколько недель уборки урожая.

— Мистер Хейг, у нас нет недель. — Я свирепо гляжу на него. — У вас наверняка достаточно работников, чтобы вы могли отлучиться на пару часов.

Я жду, что он сразу пойдет на попятную, но нет. Его голубые глаза смотрят твердо. Эмили досталась вся семейная красота, но у Дрю есть что-то другое. Даже при его фермерской одежде заметно, что он привык обладать властью. Авторитетом. И ему редко бросают вызов.

— Если у меня кто-нибудь работает, будьте уверены, что я собираюсь работать с ними. Это кодекс, в который мы здесь безоговорочно верим. Надеюсь, вы понимаете.

— Ваша рабочая этика достойна уважения, — говорит Уилл, выделяя последнее слово. — Но у нас сейчас нет времени идти навстречу. Я буду ждать вас в моем офисе завтра. — Он смотрит на Лидию. — Вас обоих. Одиннадцать утра вас устроит?

Дрю ошетиливается. Он зол.

— Конечно, — говорит Лидия, не глядя в его сторону.

Дженис появляется в дверях, и Дрю хватается свою шляпу. Когда он встает, то вжимается в мое личное пространство. Всего на секунду, но я чувствую, как от него исходит потрескивание физической силы. Мгновение — и ощущение исчезает, но у меня странное чувство, что его движение было намеренным. Что ему хочется надавить на меня, поиграть мускулами. Мои мышцы мигом прочитывают подтекст, напряжены и готовы к бою. Я не могу не думать о том обвинении в изнасиловании и о том, что насилие по отношению к женщине редко связано с сексом, но почти всегда — с доминированием. С тем, чтобы раздавить независимость женщины полным контролем, движимым ненавистью.

Когда он уходит, Лидия провожает нас до дверей.

— Мы смотрим новости из Петалумы. У меня даже есть пара друзей, которые сейчас работают волонтерами в поисковом центре Полли Клаас. Если запустить что-то подобное для Кэмерон — вопрос денег, мы будем рады внести свой вклад. Мы с Дрю уже это обсуждали.

Мы с Уиллом переглядываемся. Возможно, она чувствует себя виноватой или стыдится, что не помогает прямо сейчас. Или же это предложение — завуалированная попытка извинения, возмещение того, что сделал ее муж, или того, кто он есть. Некоторые жены сексуальных хищников являются молчаливыми соучастницами, тогда как другие — очень немногие — открыто содействуют, в какой-то степени являясь сутенерами, удовлетворяющими аппетиты мужа. А еще есть те, кто ничего не знают и не подозревают, даже когда насилие происходит под их собственной крышей. И дело не в невежестве или нехватке проницательности. Многие хищники обладают сверхъестественной способностью показывать другим только то, что они хотят. Некая раздвоенность — стена между диссонирующими частями их личности. Из нашего короткого визита невозможно понять, к какому сегменту относится Лидия.

— Хорошее предложение, — говорю я.

— Мы сможем подробнее обсудить это завтра, — добавляет Уилл. — Спасибо, что уделите нам время.

Глава 31

— Ну и что это была за хрень? — спрашивает Уилл, когда мы садимся в машину.

— Чтоб я знала... Хотя он мне не нравится.

— Я не знаю, что и думать. Клинт Иствуд посреди своей карьеры, в полный рост... Но такое чувство, будто он много времени провел на советах директоров, выкручивая другим руки, и часто подписывал жирные чеки.

— А это фигня насчет того, что если кто-то на его земле работает, он тоже работает? Он вообще настоящий?

Уилл пожимает плечами, заводит машину.

— В любом случае у него есть алиби.

К сожалению, с этим не поспоришь. Я последний раз смотрю на дом, на величественно непропорциональный парадный вход, где по-прежнему, будто приклеенные, сидят две борзые. Деятельность предприятия такого масштаба требует множества рук, но я никого не вижу. Может, все они на виноградниках или в других зданиях, давят или чем там они занимаются днем — но все равно картина странная, как огромный улей, безупречно построенный и полный меда, но без единого трутня.

— Я пока не хочу вычеркивать Дрю из-за того насилия, — говорю я. — Тогда он был не на тракторе.

— Разумно, — соглашается Уилл, пока мы едем по длинной ухоженной дорожке. — А о ней что ты думаешь?

— О Лидии? Не знаю. Она выдала пару очень пронизательных мыслей насчет Кэмерон. Но если она заботится о девушке, почему бы не поехать к Эмили и Трою после ее исчезновения? Казалось бы, Лидии следовало разбить лагерь у них в гостиной, как делают в таких случаях члены семьи. Не сходится.

— Даже во время сбора урожая, — выразительно произносит Уилл. — Им не нужны деньги.

— Именно. И если они разозлились на Троя, почему не приехали и не встали на защиту Эмили? Ты же слышал, как Лидия сказала, что Кэмерон изменилась... Ладно, Лидия тревожилась, о'кей. Но почему она держала эту тревогу при себе?

Уилл неразборчиво соглашается. Мы сворачиваем на главную дорогу, где по обе стороны тянутся виноградники — бесконечная симметрия красно-золотого света. Ленты разноцветной мишуры сверкают на проволоке, протянутой над виноградными лозами. Они должны отпугивать птиц, но по-своему красивы. Вот почему туристы приезжают в винную страну, не только ради хмелька от дегустации каберне совиньон, но и ради причастности к этому миру, где каждая поверхность отражает солнце.

Я пытаюсь устроиться поудобнее, но плечи все равно скованы и напряжены. Рация Уилла настроена на частоту его департамента. Один из помощников сообщает о семейной ссоре, код 10–15. Уилл подается вперед, напряженно вслушиваясь, пока другой помощник не забирает вызов. Только тогда я задаю вопрос, о котором уже давно думаю.

— Есть какие-то шансы получить ордер на доступ к документам об удочерении Кэмерон?

— Зачем? Что ты думаешь там найти?

— Сама не знаю. Все еще цепляюсь за вопрос, когда Кэмерон пострадала от насилия. Если это был Дрю, разговор с ее родной семьей может исключить из рассмотрения раннюю часть ее жизни. Или еще что. Вдруг ее нашел кто-то из ее прошлого... Всякое случается.

— Могу попробовать. А что ты думаешь о предложении Лидии насчет помощи с поисковым центром?

— Если она серьезно, бери ее деньги без проблем. Но даже самый жирный чек не поможет нам вовлечь в поиски город. Вот что на самом деле работает в Петалуме.

— Анна, мы это уже проехали. Я не могу конкурировать с «похищением под угрозой ножа». Наш случай не нажимает ни на какие тревожные кнопки. И Полли явно была особенной. Ты видела. Все те люди вложились от души. Такое не подделаешь и к такому не принудишь.

— Да, — вынуждена признать я. — Но может сработать, если мы дадим людям возможность познакомиться с той, кого мы ищем. Ты сам говорил, Кёртисы держались в стороне от людей. И это часть проблемы. Может, созвать собрание горожан и попросить поддержки, тупо и прямо? А сначала сделаем большое объявление для СМИ, чтобы они приехали. Скажем, что у нас есть срочные новости.

— А они есть? — даже в профиль — он не отрывает взгляда от дороги — Уилл выглядит раздраженным.

— Может, к тому времени появятся. А если нет, покажем им наше собрание. Целый город, пришедший ради Кэмерон. Мы всюду развесим ее фотографии, а ты выйдешь и повторишь ее имя, десять раз. Двадцать раз.

— Не все так просто.

— А что еще у нас есть?

Он не отвечает. На какое-то время все заслоняют виноградники, зеленые, золотистые и темно-сиреневые. Сумеречный свет похож на мягкого теплого зверя, который ложится на округлые желтые холмы и виргинские дубы^[36].

— Я могу обратиться к Грею, — пробую я еще раз, — и к Стиву Гонзалесу. Дети в старших классах переживают. Этот план может им помочь. Они почувствуют себя деятельными, воодушевятся. Нельзя бросить их в одиночку бороться с такой травмой. Ты сам знаешь, как плохо это может закончиться. Им нужно хоть что-то делать.

— Думаю, стоит попробовать. Хотя Трою с Эмили может не понравиться такая идея.

«Да пошли они на хер», — хочется сказать мне, но я говорю другое:

— Может, они передумают.

* * *

Уже темно, когда Уилл высаживает меня у «Хорошей жизни». После целого дня в машине у меня подгибаются ноги, а пояс джинсов отпечатался на все еще слишком мягком животе. Я решаю выгулять свою нервозность, а не просиживать на табуретке в «Паттерсоне» и в следующую секунду чувствую облегчение. Когда дохожу до конца Лэнсинг-стрит, поднимается ветер. Он скребет меня каждым своим просоленным порывом, счищая с моего тела этот день.

На краю утеса я смотрю вниз на пляж Биг-Ривер и сразу понимаю, что вот они, декорации моего кошмара с девушкой, бегущей через спутанные водоросли и плавник. Ночь темная, и дорожку не разглядеть, но я вижу несколько первых земляных ступенек, ведущих к ребристому

песку подо мной, и начинаю спускаться, игнорируя крошечные вспышки тревоги. Слишком уединенное место, если я упаду или еще хуже.

Однако не останавливаюсь. Я знаю эту тропку, или ее знают мои мышцы, помнят, где прыгнуть, где найти опору или ухватиться за заросли кустов, будто за горсть волос. Последние ступеньки размыло, но я проскакиваю опасное место на заднице, сильно оттолкнувшись руками, чтобы приземлиться тремя футами ниже на влажный песок. Он принимает меня с негромким влажным звуком, я удерживаю равновесие и на мгновение ощущаю триумф. Потом: «А как я отсюда выберусь?»

Когда глаза привыкают, я вижу, что пляж пуст. Отлив оставил длинную изломанную полосу водорослей, пахнущих влагой и гниением. Подхожу к воде. Песок как будто фосфоресцирует во мраке, мягко расступается под моими ботинками, когда я обхожу изогнутую белую корягу. В детстве они всегда напоминали мне человеческие кости, и сейчас приходится признать, что так и есть.

Впереди вспыхивает красный мачтовый огонек рыболовной лодки. Немного дальше ему отвечает другой, но так это выглядит отсюда. На самом деле между лодками не меньше мили. Возможно, они даже не видят друг друга. И не слышат, разве только по радио.

— Эй, у вас там все в порядке? — доносится с края утеса низкий мужской голос.

Я испуганно вздрагиваю. Мне виден только неуклюжий безликий силуэт с размытыми контурами. Трудно не чувствовать себя загнанной в угол. Я бессмысленно оглядываюсь по сторонам, потом кричу в ответ:

— Да, все в порядке.

— Похоже, вы там застряли.

— Нет, все нормально.

Он не отвечает, только неопределенно машет, его тень распадается и, к счастью, исчезает. Теперь я снова одна и чувствую себя безопаснее, но нужно еще придумать способ выбраться отсюда. Там, где я прыгнула, мне не подняться. Чувствуя себя по-дурацки из-за неприятной ситуации, хожу взад-вперед вдоль утеса, ища место получше, но ничего не вижу. Ни удобной опоры для ног, ни надежной ветки. Ветер усиливается, и я начинаю дрожать. Если придется провести ночь здесь, я могу замерзнуть насмерть.

— Эй! — опять раздается голос. Он вернулся.

«Дерьмо».

— Осторожно, я спускаю веревку.

Глава 32

Даже с веревкой карабкаться наверх непросто. Волокна грубые, как щепки; они врезаются в ладони, когда я дюйм за дюймом поднимаюсь по обрыву, отбивая себе локти и колени. Я уже потянула себе спину, и бедра начинают гореть. Почему это выглядит таким легким делом в фильмах? И кстати, кто этот парень? Дружелюбный сосед или прохожий? Или же настоящий злодей? И с какого хрена я дошла до такого, что абсолютный незнакомец удерживает мой вес, а у меня нет выбора, кроме как карабкаться дальше?

Когда я наконец добираюсь до верха, он протягивает руку и вытаскивает меня, запыхавшуюся и переполненную адреналином, на край обрыва и дальше, на дорожку. Это тот хиппи прямиком из «Лета любви», с которым я говорила в Ротари-парке. Улица за ним пуста, витрины магазинов глухие и темные.

— Я вас помню, — говорит он, сматывая веревку. — Знаете, там, внизу, не слишком безопасно.

Я оглядываюсь на дорожку, где мы стоим, взвешивая свои возможности, если дела пойдут плохо, потом снова смотрю на него, на лицо и позу, пытаюсь прочитать его. Он крупный парень, достаточно здоровый, чтобы без труда сломать девушке шею. И чтобы справиться со мной, если дойдет до этого.

— Все отлично. Я знаю, что делаю. Но спасибо.

— В прошлом месяце блуждающая волна^[37] унесла одного парня в океан. В Девилс-Панчбоул это случилось. Они появляются внезапно.

Он говорит странно и отрывисто, его предложения появляются резкими маленькими кусочками. Но при этом не приближается ко мне и не говорит ничего угрожающего.

— Буду иметь в виду.

— Я Клэй Лафордж. Мы с моей девушкой сидели в парке и увидели, как вы туда идете. А когда вы не вернулись, она отправила меня проверить.

— Ох. — Я с трудом верю его словам. Большинству людей плевать на любого, кто не связан непосредственно с их жизнью. — Это... очень любезно с ее стороны.

— Нам всем нужно приглядывать друг за другом, так она всегда говорит. Кстати, а что вы там внизу делали?

— Ничего. Наверное, просто думала... А этот человек утонул? Тот, которого унесло в Девилс-Панчбоул?

— Ясное дело. Туристы. Думают, они все знают.

Необычна не только его речь, но и то, что именно он говорит. Он похож на персонажа из сказки. Волшебника, торгующего метафорами, или отшельника, протягивающего три магических боба — или, в моем случае, веревку. Вся эта случайная встреча странная. Если только я не упустила чего-то очевидного. Но он не кажется опасным. На самом деле он даже может быть полезен. Он не турист, скорее местный. Он спит в парке, насколько я могу судить по палатке, которую видела в тот день, где может наблюдать за всеми, как он наблюдал за мной, — вроде телешоу, которое можно поменять или выключить, перевернувшись на другой бок.

— Кто-нибудь из офиса шерифа расспрашивал вас и вашу подругу о пропавшей девушке? Кэмерон Кёртис?

— Зачем? В этом городе мы больше всех похожи на нарушителей закона? — кажется, при этих словах он чуть подмигивает. Даже под фонарем света не хватает. Либо он развеселился, либо я его обидела.

— Вы бóльшую часть времени проводите на улице, — пытаюсь пояснить я. — Вы знаете в лицо всех, кто здесь живет. Я думаю, вы должны уловить, если что-то не так. Или кто-то.

Клэй задумчиво кивает.

— Ребята ходят через парк по пути на пляж, иногда курить. Каждый раз кто-нибудь из них просит купить ему пива или бутылку «Фор роузес». Но не эта девушка. Не уверен, что я ее там вообще видел. А если видел, она ничем не выделялась.

— Вы думаете, это безопасный город? Вы же живете в палатке, верно?

Мужчина пожимает плечами.

— Иногда снаружи безопаснее, чем внутри. Ты точно знаешь, с чем столкнешься.

Нечто подобное мог бы сказать Хэп.

— Вы давно здесь живете?

— Пару лет. Моя девушка всегда хотела жить у океана. Я сказал: «Конечно, давай попробуем». До этого мы жили в Денвере. Солнце там

сияет каждый чертов день, иногда прямо сквозь снег. Но Ленора сказала, что от высоты ее тошнит.

— Ленора? Женщина, которую я видела в тот день?

Он кивает.

— Она не слишком любит людей. Удивительно, что она заговорила с вами.

— У моей семьи когда-то был ручной ворон по имени Ленора.

— Что, в доме? — Клэй хмурится, качает головой. — Таких птиц нельзя приручать. Плохая примета.

— Ее спасли. У нее одно крыло не действовало. — Я сама не знаю, почему рассказываю эту историю или почему до сих пор вижу, как Ленора суетливо скачет за Иден, выпрашивая изюм, чернику или кусочки собачьего корма. Она могла разговаривать, но произносила только одну фразу, выхваченную из прежней жизни: «Не надо, не надо».

— Ленора пугала меня до смерти, — неожиданно говорю я. — Я думала, она может читать мои мысли.

— Так и есть, — не задумываясь отвечает Клэй. — Все птицы — телепаты.

Клэй странный, но он мне уже нравится, этот бродяга-хиппи, живущий под брезентом в Ротари-парке, но размышляющий о горах или Ватерлоо, — частью в этом мире, а частью в других.

— А где ваша Ленора?

— Вернулась в палатку. Нужно пойти сказать ей, что с вами все норм. Она вечно беспокоится.

— Знаете, Клэй, волны сейчас — не самое опасное. Кто бы ни схватил пропавшую девушку, он может ходить среди нас.

— Я бы не удивился. Маленький городок. Что угодно может случиться за соседней дверью, и вы никогда не узнаете.

Второй раз за несколько минут он напоминает мне Хэпа.

— К кому бы вы тогда присмотрелись? Как к подозреваемому?

Во тьме выражение его лица понять трудно. Но потом до меня доходит. Я принимаю его всерьез, и он польщен.

— Ко всем, я думаю. Вряд ли это похоже на кино. Типа «Пятница, тринадцатое»^[38]. Могу поспорить, снаружи он выглядит как мы. Все по-настоящему страшное кроется внутри, там, где его никто не видит.

Это хорошая мысль.

— Вам следовало стать детективом.

— Может, я под прикрытием, — с ухмылкой отвечает он. Потом оборачивается, высматривает что-то за пределами круга света от фонаря, на темной улице. — Вон она идет.

— Ленора?

— Нет, ваша собака.

Глава 33

Мне было шестнадцать, когда Иден заболела. Поначалу симптомы сбивали с толку: тошнота, головокружения, ночная потливость. Врач сказал, что это менопауза и со временем все пройдет.

— Черта с два это менопауза! — взорвался Хэп однажды за ужином, пока Иден ковырялась в своей тарелке. — Ты потеряла сорок фунтов!

Он редко повышал голос. Иден заметно встревожилась, занервничала и Ленора.

— Не надо, не надо, — предупредила она со своего стула.

Я знала, что вороны не глупее попугаев, но Ленора была не просто умна. Казалось, она легко различает наше настроение и чувствует страх. Я смотрела то на Хэпа, то на Иден, желая, чтобы хоть кто-то из нас обладал способностью разобраться, что происходит с ее телом. Чтобы хотя бы раз она могла появиться в собственных видениях.

— Я съезжу туда еще раз, — пообещала Иден. — Он мне что-нибудь выпишет.

— Я поеду с тобой, — заявил Хэп, ничуть не смягчившись. — Посмотрим, хватит ли у этого доктора храбрости еще раз всучить тебе это дерьмо, когда я буду в кабинете.

Но врач повторил свои слова.

* * *

Только через год мы узнали, что у Иден рак эндометрия. В ее последний хороший день мы поехали на Пойнт-Кабрилло и смотрели на китов. Привезли с собой складные стулья, горячий кофе и одеяла, укрыть ноги. В тот день было очень ветрено, и ветер выдувал миллионы ямок в поверхности залива.

— Если б я была водой, — сказала Иден, глядя вдаль, — я бы хотела быть этим океаном.

«Ты уже он, — хотелось сказать мне. — Ты — все, что ты видишь».

Казалось, эти часы растянулись на века. Мы насчитали шесть горбатых китов.

— Шесть — число духа, — сказала Иден.

Мы смотрели, как ветер ворошит заросли водорослей, вытягивает зеленые и золотые флаги. Потом был закат — и мерцание первой вечерней звезды. А потом поднялась луна, похожая на перламутровый осколок морского стекла, расколотый и целый сразу.

Через три недели Иден умерла во сне, под своим розовым афганским пледом. Маленькая, как ребенок, и одурманенная морфием. Когда Хэп пришел сказать мне, что она умерла, у него дергалось лицо. Я ни разу не видела, чтобы он плакал. И он не плакал тогда, просто как-то держался на грани, на краю того, что не мог вынести, но должен был. Однажды я ужасающе близко познакомлюсь с этим состоянием. Но в ту минуту я лишь оцепенело стояла, пока он вернулся в их спальню и закрылся там, чтобы побыть с ней. Никто не собирался торопить его со звонком коронеру. Он прощался с женщиной, которая была его жизнью тридцать с лишним лет. Он выйдет, когда будет готов.

* * *

Я не представляла, как смогу попрощаться. Я была не готова потерять Иден. Просто не могла. В каком-то трансе я ушла в лес, едва замечая, куда иду. Уйдя на мили от города, до самой Литтл-Лейк-роуд, добралась до заповедника Мендосино; почти сразу сошла с тропы, поднялась по крутому склону оврага и тут же спустилась, продираясь сквозь влажные папоротники и губчатый подлесок. Здесь виднелись следы пожара, деревья обгорели и почернели.

К тому времени когда я выбралась к роще мамонтовых деревьев, все мои мышцы болели, а одежда промокла от пота. Деревья, сотни футов в высоту, были неподвижны, как башни. Хэп как-то сказал мне, что такие старые и большие деревья делают один вдох в день. И если я хочу по-настоящему понять их или хотя бы одно дерево, мне нужно быть рядом именно в тот момент, когда они дышат.

— Правда?

— Конечно. Океан тоже дышит. Деревья. Всё.

Я рухнула в центре круга деревьев, зарылась в иголки, пыль и мох. Не молитва, но нечто близкое, о чем Иден говорила не раз и не два. Когда дела идут плохо и тебя трясет, любила она повторять, опустишь на колени там, где стоишь, и мир подхватит тебя.

У меня было слишком много матерей и недостаточно материнской заботы. Только с Иден я чувствовала себя настоящей дочерью. И теперь ее не стало. Я застыла и ждала прихода веры, какого-то знака, как жить без нее. Но ничего не пришло. Ничего, кроме волн озноба от остывающего пота и печали, которая, казалось, поселилась между деревьями, между стволами и ветками, между иголками и листьями, между молекулами. Она пробралась в меня и плотно свернулась под ребрами, как кулак, сделанный из серебряных нитей.

В конце концов я с трудом поднялась и пошла в сторону дома. Когда я пришла, уже давно стемнело, на крыльце не горел свет, и все окна были темными. Я вошла в кухню и включила свет, и Ленора дернулась. Она как-то забралась на стул Иден у стола и, когда я подошла ближе, рассердилась. Перья на шее встопорщились гневным воротником, словно она защищала это место.

— Хочешь есть?

Свирепое молчание.

Я все же нашла пакет с собачьим кормом и вытащила немного, чтобы насыпать на край стула, но, едва моя рука приблизилась, она взмахнула здоровым крылом, топорща перья, и едва не задела меня.

Я машинально ударила ее. Ее тело было намного тверже, чем я ожидала, плотное и неподатливое, будто вырезанное из дерева.

Ленора мгновенно ответила — ударила клювом в большой палец, раскрыв уже оба крыла, даже сломанное.

— Прекрати! — я снова подняла руку, понимая, что перешла черту. Никто не должен бить животных, никогда. Иден смотрела бы на нас в ужасе, но я ничего не могла с собой сделать. Не могла отступить.

— Не надо, — предупредила Ленора. Та же фраза, что и всегда, но наконец она обрела смысл. Она говорила со мной, говорила *о нас*. От ее холодного взгляда у меня сдавливало сердце.

Я рванулась к ней, схватила плотное тельце, застав ее врасплох. Ленора отчаянно вырывалась, дергаясь, сражаясь, пытаюсь освободиться, но я только крепче прижимала ее к груди. Распахнув переднюю дверь, выбросила ее во двор, а потом быстро захлопнула

дверь и заперла ее. Потом побежала к себе в комнату и, захлопнув дверь, повалилась лицом вниз на кровать, сотрясаясь от ненависти, вины, стыда и неизвестно чего еще.

«Ох, милая, — сказала бы мне Иден, — на кого ты так злишься?»

«На тебя». Но это тоже было неправильно. Все было неправильно. Мои глаза жгло. В сердце пылала пустота.

Через полчаса или около того — по правде сказать, я сама не знала — я встала и тихо прошла по дому к входной двери. Открыла дверь, ожидая увидеть Ленору на коврике или на дорожке, но она исчезла. Я в панике побежала искать ее. Но ее не было ни под изгородью, ни с другой стороны дома. Она не забилась ни в щель у гаража, ни между мусорных баков. Я схватила фонарь, большой, как термос, — Хэп держал его в прихожей, в шкафу, на случай ночных штормов, когда отключается электричество, — и направила его в чернильную ночь, шепча имя Леноры, хотя мне хотелось его выкрикивать. Я боялась разбудить Хэпа. А может, Иден — там, где она сейчас, в вышине рядом со звездами или под изрезанной береговой линией, терпеливая и ищущая, бесприютный луч света...

В конце концов я сдалась. Вернулась в кухню и рухнула на стул, где начался весь этот кошмар, рядом с забытой горсткой собачьего корма. Я совершила ужасный поступок, совершила сознательно, и не могла вернуть все назад просто потому, что мне было жаль. Сожаление не найдет Ленору. Сожаление — самая одинокая вещь на свете, поняла я, потому что оно просто возвращает тебя к себе.

Глава 34

Собака рысит к нам, и улыбка Клэя Лафорджа становится все шире, будто вселенная отпустила какую-то шутку. Может, так и есть.

— Люди вечно говорят, что у слонов отличная память, но я в любой день поставлю на собаку против слона.

— Я не могу заботиться о собаке.

Он продолжает загадочно улыбаться.

— Вы же знаете, на самом деле мы их не держим, верно? Они сами решают, остаться или нет. Впрочем, как и любые животные.

Я все еще думаю о Леноре Иден, и потому слова вырываются сами:

— Я допускала ошибки.

Он просто стоит, кивает, будто говорит: «Ну конечно, допускали». Потом щелкает пальцами, и внимание собаки тут же обращается на него.

— У меня такое чувство, что здесь вы не облажаетесь. Замечаете отметины на морде и рыжеватую шерсть? В ней есть кровь малинуа, бельгийской овчарки. Одна из самых умных пород, и с интуицией у них хорошо. Поэтому они так хороши в полицейском деле. Они работают вместе с человеком, составляют команду.

— Откуда вы все это знаете?

— Я как-то дрессировал собак. В другой жизни. Я бы сказал, ей четыре или пять лет. Она похудела от жизни на улице, но в остальном выглядит здоровой. Вам нужно будет скормить ей побольше белка, и не просто сухого корма. А для шерсти и зрения хорош лососевый жир.

— Клэй... — Я пытаюсь соскочить, нащупываю новые аргументы, но его внимание снова отдано собаке. Присев рядом с ней, он проводит уверенной, знающей рукой от макушки до хвоста и обратно, и собака не возражает.

— Ага, — негромко произносит Клэй, не поднимаясь. — В некоторых породах вшито знание того, что нам нужно. Она здоровая и крепкая. И сильная. Лучшего напарника не придумаешь.

«Мне не нужен напарник», — хочет заявить голосок внутри меня, но даже я понимаю, насколько это слабое возражение. И какая откровенная ложь.

— Поверить не могу, что беру собаку.

— Ага. — Клэй усмехается. — Жизнь — забавная штука.

Он идет с нами до самого Ротари-парка, где его девушка, Ленора, ждет на скамье для пикников в той же длинной толстовке с эмблемой «Сихокс»; заросли густых светлых волос падают на ее обветренный лоб.

— А, хорошо, — негромко говорит она. — Вы в порядке.

— Спасибо, что отправили Клэя приглядеть за мной.

— Я подумала, не попали ли вы в беду.

— Нет. Все хорошо. — Смотрю на них и чувствую, что необъяснимо благодарна им за их присутствие. Мы даже не знаем друг друга, и все же мы здесь.

— Как зовут вашу собаку? — спрашивает Клэй.

— Хороший вопрос. Жаль, что она не может мне сказать.

— Ха, она может. Только не по-английски.

* * *

Я успеваю в «Мендоса-маркет» за несколько минут до закрытия. Оставляю собаку снаружи у двери, и торопливо, но бесплодно ищу лососевый жир. У них есть только консервированные сардины и анчоусы. Я покупаю оба, плюс филе лосося, ярко-розовое на фоне белой оберточной бумаги, в которую его заворачивает продавец, и собачий корм, сухой и влажный.

Все это едет на ленте к кассе, когда я замечаю Калеба. У него в руках куча продуктов.

— Привет. — Он бросает взгляд на мои покупки. — У тебя есть собака?

Я почему-то теряюсь. Почти смущаюсь.

— Я ее подобрала. Наверное, я сошла с ума, да?

— Я всегда хотел собаку, но у отца была аллергия, — почти беспечно говорит он. Под небрежной фразой кроется тень эмоционального счета, галочка в колонке, где его обсчитала жизнь. Или не жизнь как таковая, а Джек Форд.

Когда мы выходим на улицу, начинается приветственный танец — Калев и собака здороваются друг с другом.

— Она симпатичная, — говорит он. — И умная на вид.

— Так мне и сказали.

Мы бредем к моему «бронко». Я выгружаю покупки, а собака запрыгивает на заднее сиденье, будто всегда знала свое место. Я все еще стою спиной к Калебу, когда он говорит:

— Я вчера столкнулся с Уиллом. Он сказал, ты помогаешь ему искать эту пропавшую девушку.

Я разворачиваюсь к нему, изрядно удивленная. Мы с Уиллом договаривались о моем инкогнито.

— Ничего официального, только немного поддержки.

— Ясно. Я думал, ты просто проезжала мимо...

— Я тоже. — Со стуком закрываю багажник. — Калев, у тебя правда все в порядке? Мне ты можешь сказать.

Его взгляд скользит по мне, нигде не останавливаясь. Потом он говорит:

— Анна, я правда не обсуждаю те дни. Их легче не обсуждать.

— Конечно. Я поняла. Слушай, не хочешь выпить или еще что? Я угощаю.

— Не-а, мне нужно домой. — В качестве оправдания он приподнимает сумки с продуктами. — В другой раз?

— Ага, конечно. Скоро увидимся.

* * *

По дороге домой я опускаю стекло и включаю радио. Машину заполняет «*Against the Wind*» Боба Сигера^[39], которая кажется убедительнее, когда на заднем сиденье машины растянулась собака, будто она всегда там лежала. Я допускаю, что нам предстоит долго приспособливаться друг к другу, но собака, по крайней мере, выглядит совершенно расслабленной и беззаботной.

В домике она выбирает себе место у печки и терпеливо ждет ужина. Я готовлю себе половину лосося, подрумянивая филе по паре минут с каждой стороны на раскаленной сковороде, где потрескивает масло. Мы едим вместе, потом она растягивается у моих ног, когда я сажусь с «Джейн Эйр» Кэмерон, ища подсказки в подчеркнутых предложениях и загнутых страницах.

«Мне так мало осталось в жизни. Вы должны быть со мной; К счастью, душа имеет своего глашатая... это глаза; Он заставил меня опять полюбить его, хотя сам, по-видимому, даже не замечал меня; Как вы думаете, Джейн, между нашими душами есть какое-то родство?»

Книга кажется загадкой, как и все, связанное с Кэмерон, но способна ли я ее разгадать? Есть ли ключ к ее дилемме и боли здесь, на страницах потрепанной книги в бумажной обложке, или я ищу не там и не то, хватаясь за соломинку?

Откладываю книгу, чувствуя, как жжет глаза, и смотрю на собаку. Кончик ее темного носа почти уперся в стену, бока ритмично поднимаются и опускаются, и, как бы она ни жила раньше, сейчас это ни в малейшей степени ее не беспокоит. Она спит так мирно, что вся комната кажется светлее и теплее.

Глава 35

— Мы займемся этим, — говорит Уилл следующим утром, перед приездом из Сакраменто техника с полиграфом для Лидии и Дрю Хейгов. — Ты сказала, что собираешься поговорить с Греем и Стивом Гонзалесом, чтобы они привлекли поддержку для центра поисков, да?

— Они весь день будут в школе. Я могу помочь тебе здесь.

— У нас здесь хватает рук. Отдохни немного, а потом свяжемся.

— Отдохни? — недоверчиво переспрашиваю я. — Когда у нас две пропавших девушки, а может, и три?

Его взгляд говорит, что мне нужно остановиться.

— Это всего на несколько часов. Я свяжусь с тобой позже. — Уилл разворачивается и уходит, оставив меня гадать, не наказание ли это за Петалуму и Рода Фрейзера. Может, он все еще сердится из-за нехватки ресурсов и живой силы, а может, тут что-то серьезнее: наши разногласия по поводу результатов полиграфа Эмили, или его слова в «Паттерсоне», что я слишком эмоционально вовлечена в расследование и это мне не на пользу... Какими бы ни были причины, он провел четкую линию, оставив меня на другой стороне.

Я снова залезаю в «бронко», стараясь сдержать раздражение.

— Ты хочешь отдохнуть? — спрашиваю собаку, когда она приподнимает голову с заднего сиденья.

Она дергает ушами, широко раскрывает глаза, прислушивается.

— Ага, я тоже.

* * *

Первым делом мы едем к отрезку дороги, который граничит с землей Кёртисов. После разговора с Эмили я не могу избавиться от теории, что Кэмерон сама отключила сигнализацию, выскользнула из дома через окно и пошла через лес на встречу с человеком, который ее ждал. С человеком, который пообещал ей что-то ценное — возможно, любовь или свободу от стрессов и потрясений у нее дома. Человеком, которого она ошибочно приняла за спасательный жилет, когда чувствовала, что тонет.

Этот отрезок дороги достаточно удален от города и проходит мимо большого незастроенного луга в несколько милях от Каспара, где обитает всего горстка жителей. Дома, которые я вижу, когда ставлю машину на обочине, укрыты за высокими заборами. Даже если похититель Кэмерон долго сидел в машине, ожидая ее появления, было уже поздно, темно, и вряд ли кто-нибудь его вообще заметил; что уж говорить о марке и модели машины...

Я вылезая вместе с собакой и все равно иду искать следы — вмятины, масляные пятна, отпечатки шин или подошв. Мы тщательно прочесываем обе стороны дороги, потом возвращаемся через луг и лес, продолжая выискивать что-то необычное. Он мог сразу скрутить ее и утащить в какое-то место поблизости. Он мог спрятать ее тело в папоротниках или прикопать. Я перебираю мрачные варианты, поскольку это моя работа. Ищу тело, понимая, что мы, возможно, никогда его не найдем. Но есть еще одна, иррациональная часть меня, которая не может отказаться от мысли, что Кэмерон все еще жива. Эти две части постоянно сражаются. Разум верит, что девушки больше нет. Сердце не может этого принять. Не желает.

Уже почти полдень, и я прекращаю поиски. Джинсы промокли до колен, ноги устали. Возвращаюсь к машине, сажусь за руль и просто сижу, размышляя, что делать дальше. И тут меня осеняет. Ясновидящая.

* * *

Тэлли Холландер отыскать нетрудно. Я нахожу ее в телефонном справочнике города, нахожу адрес — и через двадцать минут я уже в Комптче, съезжаю на дорожку, отмеченную большой раскрашенной вывеской, где написано: *«Изобильная ферма. Здесь продают шерсть и молоко альпак»*. Большинство ясновидящих и медиумов, с которыми я работала за годы, были неброскими, даже непривлекательными людьми. Но ферма альпак... Кто бы мог подумать, что они дают молоко?

У выгнутой дорожки стоит современный фермерский дом с широкой верандой, охватывающей две стены, и покатой гофрированной крышей. С одной стороны расположился трейлер с растянутым над входом красно-белым навесом. Там же торчит грифельная доска, на

которой мелом написаны клички животных и цены на разные товары, молоко, сыр и шерсть, мед, джем и свежие цветы. Мне начинает казаться, что такие женщины бывают только персонажами фильмов.

Я вылезаю из «бронко»; собака выпрыгивает следом, как верный спутник, кем она и является. На переднее крыльцо выходит женщина в длинном льняном платье, поверх которого повязан фартук, и войлочных башмаках с деревянной подошвой. Ее малиновые волосы подстрижены коротко: рваная стрижка с забавной асимметричной челкой.

— Могу я вам помочь? — спрашивает она.

— Надеюсь. Я Анна Харт, детектив, работаю с департаментом шерифа в Мендосино. У вас есть несколько минут?

— Конечно. — Она складывает руки на бедрах в открытой, солнечной манере. — И вы привели подругу... Давайте все зайдем в дом.

В кухне Тэлли уютный беспорядок и полумрак. Само помещение в форме буквы L, повторяющее веранду. На деревянной столешнице расставлены горшки с растениями вперемешку с книгами, которые явно не принадлежат одному читателю: книга о климатических изменениях стоит между Агатой Кристи и стихами Александра Пушкина.

Тэлли включает чайник и ставит керамическую миску с мандаринами на круглый кухонный стол, за которым сижу я, наблюдая за ее хлопотами, с собакой у ноги. Ей около пятидесяти, она симпатичная, с тонкими морщинками у рта и глаз, которые подсказывают, что она проводит много времени на улице, под солнцем. Ее манеры и одежда типичны скорее для художницы, чем ясновидящей, но мы в Северной Калифорнии. Здесь каждый — художник, гончар или ювелир, а то и всё разом.

— Вы наверняка знаете, что в этом районе пропали несколько девушек. Я услышала о вас недавно, в связи с Шеннан Руссо.

— Верно. — Она садится напротив, кладет руки на стол ладонями вверх. Жест необычный, но важнее, что я не замечаю в ней нервозности или неприязни, вызванных моим появлением. — Я звонила ее матери. Чувствовала, что должна позвонить.

— Шеннан пропала в июне. Почему вы позвонили сейчас?

— Я проснулась с ее именем в голове и стойким ощущением, что ее убили.

— Это для вас типично? Такого рода видения?

Тэлли задумчиво моргает.

— У меня всегда был такой дар, если вы об этом. Когда была моложе, я не понимала ни посланий, ни что я должна с ними делать. Не всегда понятно, как я могу помочь, но позже ощущения и картины стали очень яркими. Не только насчет Шеннан. Я пыталась связаться с шерифом Фладом, чтобы поговорить с ним о Кэмерон Кёртис, но он не захотел меня выслушать.

Я подаюсь к ней, вспоминая разговор, подслушанный в кафе в мой первый день в городе; двое мужчин тогда спорили именно об этом: мошенница Тэлли или нет. Наверное, они услышали о ней от Уилла или кого-то из его офиса. Но если она мошенница — а я это допускаю, — я не вижу, в чем ее интерес.

— Вы думаете, Кэмерон еще жива?

— Да, но это ненадолго, если вы его не остановите. — Тэлли спокойно смотрит на меня. — Во вселенной много тайн. Я не претендую на понимание всего, что проходит через меня, но стараюсь этого не бояться.

— Что сказала Карен, когда вы позвонили?

— Она плакала. Считала, что это она во всем виновата. Она прогнала Шеннан.

— Правда? У шерифа Флада сложилось представление, что Карен давным-давно открестилась от Шеннан.

— Возможно, это защитный механизм. Когда Шеннан была маленькой, вокруг было много мужчин, много нестабильности. Жестокости. Карен есть о чем сожалеть.

— Это вам рассказала Карен?

— Анна, люди многое мне рассказывают. Похоже, им это нужно. Я думаю, это помогает им облегчить свою ношу.

— Так она вам поверила?

Глаза Тэлли чисты, как музейное стекло. Она не моргает и не колеблется.

— Да. Теперь она сможет оплакать дочь и обрести спокойствие. Каждый этого заслуживает.

Собака шевелится. Я придвигаю ногу ближе к ее телу, теплому и крепкому, но все равно чувствую себя неудобно, словно Тэлли говорит о моей жизни, а не о Карен.

— В этом видении были еще какие-то подробности?

— Шеннан носила кроличью куртку, приталенную, на молнии. Очень мягкую.

— Эта куртка что-то означает? Она была в этой куртке, когда умерла? Или в кармане есть какие-то улики?

— Возможно. Анна, я только проводник. *Вы* — детектив. Если кто-то и сможет раскрыть эти загадки, то это *вы*. — Ее голос меняется, становится резче. — Вы верите в другую сторону? В жизнь после смерти?

У меня напрягаются мышцы между лопатками. Куда бы она ни вела, я туда не хочу.

— Что еще вы можете мне сказать о Кэмерон Кёртис?

— У меня было видение о ней сразу после того, как она пропала. — Тэлли не обескуражена такой резкой сменой темы. — Когда это было?.. Десять или двенадцать дней назад. Она была одна, в каком-то тесном замкнутом пространстве. Seriously пострадавшая, но определенно живая.

«Живая» — могущественное слово, даже если его источник не слишком надежен.

— Где-то поблизости? Вы что-нибудь узнали?

— Вряд ли. — Она изучает свою чашку, мшисто-зеленый изгиб керамики между пальцами. — Вы мне не доверяете. Ничего страшного, вот только где-то в душе вы все-таки верите или хотите поверить. В глубине сердца вы надеетесь, что я помогу вам отыскать Кэмерон.

От такого неожиданного сближения мне становится неловко. Что она вообще может знать о моем сердце?

— Вы когда-нибудь занимались такими вещами профессионально? Работали с правоохранительными органами?

Тэлли кивает.

— Когда я жила в Орегоне, недалеко от Портленда. Я здесь всего год с небольшим. Я позабыла, как работает маленький городок, как нервно люди относятся к не слишком рациональным вещам. Но верю, что с любой формой прозрения приходит ответственность. Думаю, Анна, я смогу помочь вам найти ее.

— Мне? А почему вы не вернетесь к Уиллу Фладу? Возможно, на этот раз он вас выслушает.

— Он не станет, и вы это знаете. — Женщина поднимает чайное блюдце, потом ставит его обратно. — Знаете, все мы — просто энергия.

Я, вы, этот стол, этот город. И все движется с определенной частотой. Когда мы уходим из этой жизни, наша сущность остается, продолжает двигаться.

Беззаботность ее словаря раздражает. А может, дело не только в этом...

— К чему вы ведете?

Она без усилий отмахивается от моей враждебности.

— На этой стороне есть события, которые фундаментально меняют нас, вроде потерь и травм. Просто задумайтесь над этим. Известно, что травма меняет мозг. Так почему бы ей не влиять на нашу энергию? Конечно, она влияет. Анна, вы сейчас именно тот человек, которому можно помочь.

— О чем вы говорите? Почему?

— У вас была причина, чтобы выбрать такое дело своей жизни. Ваши потери притянули вас к помощи тем детям и юным девушкам. Я думаю, вы это уже знаете, но не можете увидеть то, что вижу я.

От ее слов у меня становится тесно в груди. Я не хочу знать, но все же хочу.

— Что?

— Призраки детей, которым вы помогли. Они висят на вас, как звезды. Они вокруг вас, всюду, даже сейчас.

Как звезды? Образ кажется почти карикатурой. Украшенной блестками потерь. Отчаяния.

— Чего вы от меня хотите?

— Вы пришли ко мне, если помните. — Тэлли замолкает, смотрит на свои потрескавшиеся, покрасневшие руки. Руки работающего человека. — Анна, я просто посланник. Я не знаю, кто похитил Кэмерон, но ощущаю исходящие от него тьму и хаос. На самом деле он не хочет ее убивать, но не знает, сможет ли удержаться. Он пытается сражаться с собственными демонами, но они слишком сильны. Я не думаю, что Шеннан была его первой жертвой. И Кэмерон будет не последней, если его не остановить.

Я ненавижу каждое ее слово, даже если еще не определилась, верить ей или нет.

— А мы можем его остановить?

— Я думаю, да.

Собака подергивается у моих ног. Ей снится бег или охота. Ее теплое тело поднимается и опадает с маленькой свистящей паузой посередине.

Тэлли тоже опускает на нее взгляд, ее лицо смягчается.

— Как сверчок, правда?

«Правда», — успеваю подумать я, прежде чем собираюсь с мыслями.

— Тэлли, у нас выходит время. С каждым днем шансов на то, что мы найдем Кэмерон живой, становится меньше.

— Узнайте больше о Шеннан. Возможно, это приблизит вас к цели.

— Мои инстинкты подсказывают то же самое. У нас есть воздушная разведка, они ищут ее машину. Но речь идет о тысячах квадратных миль лесов. Как иголка в стоге сена...

— Хотя некоторые люди находят эти иголки, правда? Я думаю, это как-то сработает. В конце концов, вас притянуло сюда. Во вселенной не бывает случайностей.

— Кто вы? — снова спрашиваю я, в ушах у меня звенит.

— Я же сказала. Просто посланник.

Глава 36

— Расскажешь? — говорит Уилл, когда мы в тот же день встречаемся у «Паттерсона». Он пристально смотрит на Сверчка. Она не говорит по-английски, как и предсказывал Клэй, но с помощью Тэлли все же смогла сказать мне свое имя.

— Моя новая напарница.

Эти слова приносят мне быструю, но настоящую улыбку.

— Ты хоть отдохнула сегодня?

— Немножко, — лгу я.

Оказывается, Ванда любит собак и не позволяет мне оставить Сверчка снаружи, пока мы едим, хотя повар ругается и трясет кулаком. Ванда отмахивается от него и приносит нам ланч с блюдом дня — рыбные сэндвичи и салат с уксусной заправкой. Потом Уилл пересказывает мне свое утро с Хейгами.

— Его полиграф не выявил ничего подозрительного. У Лидии тоже ничего. Я просил Леона подробнее покопаться в прошлом. Он поговорил кое с кем в «Провиженс» и с парой соседей. Похоже, алиби Дрю подтверждается. Он работал со своими людьми, куча свидетелей. Плюс выяснилось, что обвинение в изнасиловании не настолько черно-белое. Девушке было семнадцать, а не шестнадцать, вдобавок у нее были приводы в полицию. За пару месяцев до того она подкатывала к человеку, работавшему под прикрытием, с предложением «свидания». А после той истории Дрю, похоже, отмыл все дерьмо. Ты сама видела. Он теперь император Напа-Вэлли. Образцовый гражданин.

— Я видела. — Избавиться от скептицизма в голосе не получается. — Все равно было еще что-то, когда мы с ним встречались. Не знаю... У меня такое чувство, что он не любит женщин. Что он их опасается.

— На чем это основано?

— Просто ощущение.

Уилл ждет, не скажу ли я что-то еще, но мне больше нечего сказать.

— Ну, зато Трой, по всей видимости, слишком любит женщин.

— Ты имеешь в виду его ассистентку? Подружку?

— *Бывшую* ассистентку. Индиана Сильверстейн. Ей двадцать два года, и она не желает разговаривать. Я узнал подробности от другой женщины, которая раньше была его офисным помощником в «Парамаунте», но потребовала перевода два года назад, через полгода работы с Троем.

— Дай угадаю. Он подбивал к ней клинья.

— И многое обещал. Насколько я понял, основной состав тамошней административной команды — молодые надежды, которые пытаются сделать так, чтобы их заметили.

— Вот свинья... Но хотя бы одна из них ему не поддавалась. Она что-нибудь еще сказала о своей замене?

— Только то, что Индиана собирается оставить ребенка.

— Мы можем выяснить, пытался ли он ей заплатить?

— Только с ордером, а для него у нас нет оснований. По крайней мере, *пока* нет. Но может, не стоит отбрасывать вариант, что у него реально есть к ней чувства?

Я тыкаю вилкой салат у себя в тарелке.

— Да ладно. В жизни не поверю.

— Может, я тоже. И что? Если Трой чертов бабник, это еще не значит, что он способен причинить вред Кэмерон.

— Это все еще может быть Дрю Хейг. Если у него есть алиби на эти двадцать четыре часа, это ничего не говорит о прошлом. Ты можешь еще раз привлечь его для допроса и расширить рамки?

— О'кей. — Уилл скручивает салфетку, будто это жгут. — Но даже если Дрю совершил насилие над Кэмерон много лет назад, его алиби закрывает ночь, когда она исчезла. Это означает, что есть еще кто-то. Возможно, друг семьи, сосед или учитель... Например, какой-то знакомый по Лос-Анджелесу, еще до переезда сюда?

— Возможно. — Внутри я киплю. У нас не хватает следов, а времени еще меньше. И я так надеялась, что мои подозрения подтвердятся... А что теперь? *Кто* теперь? — мне нужно подумать.

— Ну, пока ты размышляешь, вот тебе еще на подумать. Вчера в пятнадцать ноль две в квартире Марка Клааса в Саусалито звонит телефон. Марк отвечает, и маленькая девочка говорит: «Папа, это я».

— Что?

— Звонок длится меньше минуты. Она говорит, что в гостинице, но не знает, где именно. Что ее схватил какой-то мужчина, что она

боится и проголодалась. Потом — отбой.

— Клаас верит, что это действительно Полли?

— Говорит, что может поклясться. Но есть нюанс. Эту линию не прослушивали.

— Вот дерьмо... Как это вышло?

— Девочка живет с матерью. Они поставили прослушку там, на номере Ив Николь. Видимо, дальше этого никто не думал.

— Если это была Полли, почему она позвонила папе, а не маме? — я не могу не задать этот вопрос. — Ведь большую часть времени она живет с мамой.

Уилл пожимает плечами.

— Может, у нее была только местная линия? Она в Сан-Франциско? В любом случае сейчас мы не знаем. Пока она не позвонит еще раз.

Мои мысли перескакивают на Рода Фрейзера. Такая ошибка — не просто корм для СМИ. Она потенциально губительна для его карьеры. А еще есть человеческие последствия. Самобичевание, которое будет жестче и громче любой внешней реакции.

— Бедняга Род. Господи...

— Знаю. Можешь себе представить, чтобы кто-то такое упустил? Когда СМИ об этом пронюхают, весь город взбесится. Может, и хорошо, что у нас тут нет такого цирка.

— Ты берешь на себя риски, когда играешь по-крупному.

По телевизору, висящему над баром, показывают футбольный матч из Аргентины, но снизу бежит строка с новостями о поисках Полли. Ее имя и лицо уже известны по всему миру, однако, если не считать того звонка, никто не видел и не слышал о ней уже целую неделю. От этого я только сильнее тревожусь о нашем собственном расследовании.

— Есть какое-то движение насчет городского собрания?

— Я зарезервировал на субботу общественный центр и оставил запрос на круглосуточное использование здания в качестве центра поисков. «Маяк Мендосино» согласился напечатать листовки о пропаже Кэмерон для массовой почтовой рассылки.

— Суббота — хороший день. У нас будет больше людей, может, еще зайдут какие-нибудь туристы... Зал будет казаться набитым. — Я оглядываюсь на столы вокруг нас, ища подтверждения. Это те самые люди, которых мы хотим привлечь на нашу сторону. — Я собираюсь

поговорить с Греем, как только мы здесь закончим, а потом с Эмили. Нам нужно, чтобы фотографии были повсюду, для камер. Фотографии трогают людей. Если они увидят снимки Кэмерон, она станет для них более реальной. Те объявления о пропаже практически невидимы.

— Я понял, — говорит Уилл. — Хочется, чтобы мы могли использовать слова посильнее, когда начнем печатать новые. Мы не можем сказать «похищена», чтобы не вводить людей в заблуждение.

— И это на грани недобросовестности. Как насчет «подозревается злой умысел»? Это накроет хорошую среднюю зону и принесет чуть больше внимания. Сегодня уже шестое. Две недели, а у нас никаких успехов. Мне не нравится, какие вырисовываются шансы.

Уилл серьезно кивает. Ванда приносит тарелку для Сверчка. На ней котлеты для бургеров, разобранные на удобные куски.

— Тсс, — говорит она, поглядывая в сторону кухонного окошка, потом бежит за нашим счетом.

Я понимаю, что это может закончиться спором, но говорю:

— Уилл, а зачем ты сказал Калебу, что я работаю над этим делом? Я думала, мы договорились, что это только между нами.

— Что?.. Но это же Калев, а не какой-то журналист.

— И все же?..

— Прости. Просто выскочило из головы, когда мы разговаривали. Наверное, я подумал, ему будет от этого легче.

— В каком смысле?

— Что мы вдвоем работаем над этим расследованием. Что мы не дадим трагедии с Дженни повториться.

Он говорит то, что уже приходило мне в голову. Для любого слишком тяжело пережить такое хотя бы один раз, не говоря уже о двух. И не только для Калеба. Большинство из тех, кто старше двадцати пяти, были здесь, когда убили Дженни. И потому на этот раз история должна закончиться иначе — ради нас всех.

Глава 37

Часом позже я протискиваюсь по узкой и ухабистой Гато-стрит в своем «бронко», чтобы встретить Грея на пути из школы домой. Его плечи сгорблены под лямками рюкзака, рыжие волосы собраны лаком в пирамиду или какой-то флаг протеста.

— Я надеюсь, было о'кей, что я рассказал вам в тот день, — говорит он, как только я паркуюсь и подхожу к нему.

— Все о'кей. Твоя помощь много для нас значит. — Мы стоим посреди улицы, но это неважно. Движения нет, нет никаких звуков, даже птичьих песен — как будто весь мир встал на паузу. — Девушки, которые пережили тяжелое время, как Кэмерон, часто с трудом сближаются с людьми. Но вы вдвоем доказали, что это не всегда правда. У вас особые отношения. И поэтому, когда мы вернем ее домой, она справится. Такие особые отношения могут изменить исход. Они могут изменить все.

По взгляду Грея я вижу, что он благодарен за определенность. Не *если*, а *когда*. А еще мои слова о доверии глубоко проникают в него. Возможно, ему эта близость нужна так же сильно, как и ей.

— Ты не думал, кто еще мог быть связан с Кэмерон? Любой человек, о котором она упоминала. Любой, с кем ты ее мог видеть и подумать, что тут что-то не так.

— Я пытался, но не могу ничего вспомнить. Мы все время были вместе, почти каждый день. И мы все рассказывали друг другу. Если бы она кого-то встретила, думаю, я бы знал.

— О'кей. Продолжай вспоминать. А пока я хочу попросить тебя об услуге. В субботу вечером будет городское собрание в общественном центре. Мы будем говорить о Кэмерон. Я хочу, чтобы ты сделал какой-то коллаж о ее жизни, чтобы люди знали, кто она на самом деле. Ты самый близкий ей человек. Ты сможешь?

— Попробую. — На его лице неуверенность, но я знаю, что ради нее он готов на все.

— Отлично. Подумай обо всем, что делает ее *ею*. Что она любит. Что для нее важно. Сделай список ее любимых занятий, найди несколько ее хороших фотографий и сделай копии. Не нужно профессиональной работы. Важно, чтобы это шло от души.

— Я знаю только про пару лет. Мы начали проводить с ней много времени лишь с восьмого класса.

— Два года — долгий срок, когда ты по-настоящему близок с человеком.

Мы идем к его двери. Он кивает, все еще обдумывая мою просьбу. Чтобы сделать все правильно, ему придется нырнуть вглубь болезненных чувств. И дальше будет только хуже. Больнее.

— Кто раньше был ее лучшей подругой?

— Кейтлин Манси, в шестом и седьмом классе. Но она мерзкая.

— Может, и так, но, я уверена, она все равно поможет. У нее тоже есть частичка Кэмерон. Убеди ее показать тебе.

— И как мне это сделать? — Грей останавливается и оттягивает лямки рюкзака, словно тот внезапно потяжелел. Все это и так слишком тяжело. — А если я облажаюсь?

Я опознаю признаки паники. Он не первый раз напоминает мне саму себя. Когда ставки слишком высоки, я тоже слишком много тревожусь. Как сейчас.

— Ты справишься, — мягко говорю я. — Ты ее любишь. Все это крутится вокруг любви.

* * *

Следующая остановка — у Кёртисов. Мне нужно как-то заручиться их поддержкой. Трой, оказывается, уехал на день. Срочное совещание в «Парамаунте», объясняет Эмили, когда впускает меня и предлагает чай. Я раздражена, но не удивляюсь. Критическая ситуация дома, вероятно, слишком трудна для него. Вдобавок его жизнь на какое-то время взорвалась. Его рук дело, да, но вполне понятно, что ему хочется быть в другом месте, пока обломки всё еще падают.

— У вас есть какие-то новости? — спрашивает Эмили с противоположной стороны бледного мраморного острова посреди кухни. Вокруг нее сверкают хром и стекло.

— Поступило сообщение об исчезновении еще одной девушки, в Гуалале. Мы пока не знаем, имеет ли это какое-то отношение к Кэмерон. Никто не видел ту девушку с июня.

Кажется, будто Эмили, не пошевелившись, обмякла.

— Все время ждать и не знать... Не представляю, смогу ли я это выдержать.

— Старайтесь жить день за днем, шаг за шагом, если сможете. Иногда помогает какая-то отдушина. Вы можете говорить с Кэмерон или писать ей записки. Пусть она вас слышит.

Когда она поднимает взгляд, в глазах у нее стоят слезы.

— Хорошо.

— Мы ездили в Напу поговорить с Дрю и Лидией.

Я слышу, как у нее перехватывает дыхание.

— Вы ездили туда?

— Мы проверили обоих на полиграфе. Стандартная процедура. — Я не раскрываю свои карты. — Кроме того, я беседовала со Стивом Гонзалесом. Мы не считаем, что он связан с какой-либо неподобающей деятельностью. Он немного поделился впечатлением о работах Кэмерон. Похоже, она показала ему очень мрачное произведение. Он беспокоится, не было ли оно автобиографическим.

— Она на самом деле была несчастна? — голос у Эмили слабый и обиженный. — Мне нужно было уделять ей больше внимания.

— Мы готовим городское собрание, чтобы привлечь помощь. В субботу вечером. Вам с Троем следует участвовать. Публичное заявление привлечет больше глаз к проблеме и намного больше людей к поискам. Эмили, нам *необходимо* участие людей. И не только местных.

— Вы хотите сказать, обратиться к СМИ... — Ее голос прерывается. — Мы с Троем это обсуждали и думаем, что сейчас это будет ошибкой. Для нас. Можете представить, какого рода репортажи они выпустят? Они будут эксплуатировать сенсацию. Эти люди — чудовища.

— В своей работе мне доводилось видеть грязную сторону публичности. Не стану утверждать, что у них всегда благородные мотивы, но наши могут стать такими. Мы способны контролировать послание.

— Вы не сможете. В том-то и дело. — У Эмили слабый голос, физически и буквально, словно ее скосили, когда нужно, чтобы она росла, тянулась. Мне хочется встряхнуть ее. Показать, что в мире есть намного худшие чудовища, чем журналисты. И одно из них схватило ее дочь.

Я делаю глубокий вдох и пробую зайти с другой стороны.

— Сейчас Кэмерон — просто имя на объявлении о пропаже, на которое никто не обращает внимания. Но если люди будут тронуты, они начнут действовать. Они придут на помощь, будут звонить по телефону, предлагать свое время и деньги.

— Мы уже предложили деньги. Мы сразу это сделали.

— Я знаю, и поверьте, им найдется хорошее применение, пока продолжаются поиски. Но я по-прежнему считаю, что ваше присутствие пробудит общество. Эмили, я понимаю, почему вам так не хочется быть частью города. Известность сделала вас настороженной. Вам непривычна мысль открыться людям как личность, а не как персонаж. Но это важно.

Эмили отводит взгляд, когда я заканчиваю фразу. Кажется, она закручивается в спираль изнутри. День в широком окне подернут дымкой, солнце скрыто низкими рыхлыми облаками. Молчание между нами становится собственной погодной системой, областью высокого давления.

— Что бы вы ни думали, я люблю дочь. Она для меня важнее всего в мире.

— Я вам верю. — Мне хочется верить. Я вижу, какие усилия она прикладывает, просто чтобы сидеть прямо. Столько всего от нее ускользнуло... Ей многое следовало бы сделать по-другому. Она будет делать по-другому, если только сможет вернуть домой Кэмерон. Все мы заключаем такие сделки, предлагаем что-то, что угодно, за еще один шанс.

— Детектив, у вас есть дети?

Вопрос простой. Но я не могу на него ответить.

Глава 38

Мой начальник в «Прожекторе», Фрэнк Лири, похож на Карла Малдена из «Улиц Сан-Франциско»^[40]: с носом-картошкой, невероятными серыми бровями-гусеницами и кривой улыбкой, в которой нет ничего от Хэпа и все же напоминает о нем. Он занимается этой работой уже тридцать лет, и просто чудо, насколько он до сих пор вменяем.

Он и его жена, Кэрол, живут в Норт-Бич, том же районе, где вырос Джо Ди Маджо^[41]. У них чуть осевший викторианский дом с широкой задней верандой и грилем размером с маленький автомобиль. По воскресеньям Фрэнк готовит для своих трех замужних дочерей и их мужей, восьми внуков, соседей и любого, кто случится рядом голодным. Я была там в одно из воскресений через пару недель после того, как начала ходить к Королле.

— Как идет терапия? — спросил он, поставив ударение на «а».

— Отлично, — ответила я, открывая новую бутылку «Хайнекена». — Но это правда не мое. Фрэнк, а как вышло, что ты не ходишь к психотерапевту?

Он хмыкнул, потом обвел щипцами для гриля двор. Свое королевство. Желтые розы и большой гараж, набитый инструментами. Покатый газон, на котором четверо его внучек барахтались на огромном куске синего брезента. Девочки, от пяти до семи, в ярких купальниках, визжали и кувыркались, пока Кэрол брызгала на них из садового шланга.

— Вот моя терапия.

Я улыбнулась, зная, что он совершенно серьезен. Но этого объяснения было недостаточно. Я видела, как одна из девочек отбилась от стайки и, по известной только ей причине, стала носиться по газону; ее тело мелькало ярким пятном.

— Ты должен сильно за них переживать.

Он опустил крышку гриля и обернулся ко мне, сложив руки на фартуке с надписью «Поцелуй повара».

— Бывают дни хуже, бывают лучше. Когда я слишком глубоко закапываюсь в расследование, мне хочется, чтобы все они переехали сюда, как в бункер. В бомбоубежище. Но они живут своей жизнью, и

так и должно быть. Бывает, у меня дыхание перехватывает, когда они уезжают. Будто чертов слон на грудь уселся.

— А потом?

— А потом это ощущение проходит, я чищу гриль и складываю игрушки. Ложусь спать, целую перед сном жену, а утром в понедельник иду на работу. Если ты кого-то любишь, всегда есть риск. Его нельзя избежать.

Я кивнула и приложила к пиву, такому холодному, что заболело горло. Последнее время Брендан стал настаивать, чтобы я забеременела, и мне было трудно оправдать свои колебания. Еще в начале наших отношений я рассказала ему, как умерла моя мама и что я выросла в приемной семье. Но кое-что все-таки скрыла. Как облажалась с Эми и Джейсоном. Как потеряла их. Понимала, это нерационально, но на каком-то уровне чувствовала себя так, словно у меня уже был шанс на детей, но я напортачила, всерьез.

Я по-прежнему время от времени проверяла, как дела у Эми и Джейсона, чего тоже не рассказывала Брендану. Едва ли не первым, что я сделала, став копом, был поиск по базам данных. Попытка понять по разрозненным адресам, местам работы и штрафам за превышение скорости, смогли ли они преодолеть свое детство. Действительно ли они в порядке.

Последний раз, когда я проверяла, около года назад, Джейсон был поденщиком, жил в Дэли-сити с сомнительной подружкой, у которой был длинный список приводов, в основном по мелочи. У него не было судимостей или арестов, не считая магазинных краж, нарушений ПДД и одного вождения в состоянии опьянения, но он часто посещал метадоновую клинику, и эта подробность стала для меня ударом под дых.

Эми все еще жила в Рединге и была второй раз замужем. Я попросила коллегу со связями в этом районе копнуть чуть глубже, незаметно, без объяснений моей заинтересованности в том, почему я хочу знать, сколько у нее детей, от разных ли они отцов, в каком районе она живет, давно ли работает менеджером в «Бургер Кинге» и выглядит ли счастливой.

Я могла бы сама поехать туда — если б у меня хватило храбрости, конечно, — и постучать в ее дверь. Тысячу раз представляла себе это воссоединение, но ни разу не смогла забраться дальше того момента в

сценарии, когда она захлопывает перед моим носом дверь, потому что я подвела ее. Самое большее, на что я отважилась в реальной жизни, это просидеть в своей машине, наблюдая, как Джейсон снимает кровельную плитку с крыши какого-то потертого гаража вместе с парой других парней без рубашек. Потом он выхлестал бутылку, сидя на переднем сиденье своего пыльного двухтонного «ЭльКамино»^[42], а я смотрела и думала о его чертовом плюшевом гепарде, о том, как он не мог заснуть, не прижав Фредди к лицу. Я никогда не понимала, как он дышит в такой позе, но, когда Джейсон врубил «Бисти бойз» и отвалил от кромки тротуара, осознала, что думаю, как он сейчас дышит без него. Без меня.

* * *

Но меня обескураживало не только то, как я подвела Эми и Джейсона. Еще была моя ДНК. Мать не дожила до тридцати. Отца застрелили в 1989 году в бытовой ссоре, связанной с женщиной, что звучало как третьеразрядный эпизод из «Свежих новостей». Если и этого было недостаточно, я жила у десятка приемных родителей, которые заставили меня задуматься, бывают ли вообще взрослые, способные действовать заодно. Я не встречала такого, пока не попала в Мендосино, где впервые увидела взрослых, которые не просто «как-то перебиваются вместе». У Хэпа и Иден был стабильный брак. Еще одно открытие для меня. Они говорили то, что думали. Они терпеливо относились к моим вспышкам и перепадам настроения. Они задавали вопросы и интересовались моими ответами. Они дали мне настоящее детство, когда я давно перестала верить в существование такой штуки. От меня требовалось только быть собой.

Все это — доводы в пользу обоих вариантов решения, которое мне нужно принять, — выглядело слишком запутанным, чтобы попытаться донести до Брендана. У него не было никаких двойственных чувств насчет семьи. Он вырос в необъятном ирландском семействе, с пятью братьями и сестрами, шумными и веселыми, всегда в курсе дел друг друга. Когда я видела их всех с детьми, то почти могла это представить — беспорядочную, счастливую семейную жизнь, которая может быть у нас, может, если все пойдет, как надо.

— Ты бы сделал что-то иначе? — спросила я Фрэнка, пока он переворачивал щипцами приятно шипящие перцы и лук.

— Пошел бы учиться на стоматолога? — он ухмыльнулся. — Не-а. Мне нравится моя жизнь.

— Как ты понимаешь, когда готов?

Фрэнк фыркнул, будто я задала самый забавный вопрос в его жизни.

— Никто не бывает готов, девочка. Ты просто прыгаешь.

Глава 39

Нарисованное мелкими солнцем, вокруг которого расставлены смешные большеголовые фигурки-палочки. Хамелеон на облаке с подписью «Мама, я по тебе скучаю!». Итоги диктанта во втором классе, «100 %» обведено красным, со звездочками за дополнительные слова, «параллель» и «искренность». Сиреневая ящерица-погремушка, вся в блестках, с выпученными пластиковыми глазами. Игрушечный чайный набор в форме земляники. Все это в одной большой пластиковой коробке на чердаке — фрагменты девочки, детства. Один роликовый конек с потертыми колесиками. Свернутая пара радужных подвязок вроде тех, которые носил Робин Уильямс в «Морк и Минди»^[43]. Четыре синие фигурки «Моих маленьких пони»^[44] с коллекцией розовых расчесочек для их грив и хвостов. У меня никогда не было такой коробки, но я понимаю, что смотрю на сокровища. Все эти предметы каким-то образом складываются в Кэмерон. Мне нужно отыскать ее, чтобы она могла вернуться к той, кем она была. К той, кто она есть.

Здесь есть и фотографии. На одной — там ей лет пять — Кэмерон стоит на пляже в Малибу (наверно), держа в руке розовую перламутровую раковину. Ее ноги наполовину зарыты в песок. Несколько фотографий из младшей школы: Кэмерон с девочкой примерно того же возраста, но светлокожей, чьи светлые волосы, стянутые в конский хвост, контрастируют с блестящей черной гривой Кэмерон. На некоторых у обеих девочек похожая прическа, словно они ищут способы стать ближе. Ближе к одной личности. Так выглядит юная дружба. Вы смешиваетесь, и это волшебное чувство. Как будто вы никогда не разделитесь.

— Это Кейтлин, — говорит Эмили от двери, в руках кружки со свежим чаем; усики пара вздымаются, словно пламя. — Они были лучшими подругами с момента переезда сюда и до конца седьмого класса.

Я снова смотрю на фотографию. На широкую улыбку и блестящие брекеты Кейтлин. На ней сережки, розовые эмалевые сердечки.

— А потом поссорились?

— Наверное. Кэмерон не рассказывала об этом. Я беспокоилась о ней, если честно. Она выглядела очень грустной. Говорила мне, что

никто не садился рядом с ней за ланчем. Кажется, у нее вообще не было друзей, а потом появился Грей. Слава богу...

— Белые вороны находят друг друга.

Кажется, она опешила.

— Что значит «белые вороны»?

— Это не критика. Некоторые подростки чувствуют себя лишними. Не потому, что с ними что-то неладно, — просто в них есть какая-то особенность, отделяющая их от остальных. И они пока не осознали эту особенность.

— Не осознали? О чем вы говорите?

Эмили ощутимо растеряна, и я решаю ступить легче, оставив в стороне мои подозрения насчет Грея.

— Ну, в случае Кэмерон речь может идти об идентичности. У нее за спиной осталась другая жизнь, как перевернутая страница книги. Возможно, она начала задумываться об этом. О том, куда она вписывается.

— Она вписывается сюда, — вызывающе говорит Эмили. — Ее место рядом с нами.

— Разумеется. Я хочу только сказать, что когда у детей случается что-то плохое, они часто думают, что сами были причиной этого. Что это их вина.

На Эмили светло-бежевый кашемировый свитер и мягкие замшевые мокасины, ее рыжеватые волосы забраны назад черепаховой заколкой. Все в ней нейтрально и утонченно, отполировано до безупречности. Но ее взгляд туманится.

— Мы старались каждый день показывать ей, как сильно ее любим.

— Верю. Однако кто-то ее предал. Такое трудно пережить, даже для взрослого.

— Возможно. Но у меня были родители, которые оставались в браке, и могу вам сказать, это тоже была не прогулка в парке. И родители Троя были не сильно лучше. Он из Западной Виргинии. Он любит говорить, что вырос с волками, но я поменялась бы с ним, не задумываясь. Его родители были простыми людьми. Они мало что имели, но это не позорно.

Слово повисает на мгновение.

— Эмили, а что позорно?

— Что?

— Что вам хотелось бы изменить в вашей собственной семье?

Я слежу, как ее плечи напрягаются, потом оседают. Какая-то огромная тяжесть либо опустилась туда, либо отпустила ее.

— Все.

Нетрудно проследовать за тенью в ее взгляде до самого Огайо. До долгих вьюжных зим и короткого жаркого лета, до помпезных приемов в загородном клубе. Но конечно, я только гадаю. Только Эмили действительно знает, насколько велико это «все», что оно вмещает и где до сих пор цепляется.

— Одну вещь.

— Наверное, учтивость. Благовоспитанность. Отутюженные льняные салфетки к каждой еде. У отца было выражение: «Отправь свой конверт»; это значило, что салфетка должна лежать на коленях. «Отправь свой конверт, Эмили». — Ее голос вибрирует от сдерживаемых эмоций, когда она изображает отца. Ярость, наверное, и много большее.

Мой разум прыгает слишком далеко, и все же я должна спросить:

— Он когда-нибудь вас бил?

— Нет. — Похоже, она не удивлена, что я открываю эту дверь. Возможно, ей даже легче. В некий момент, когда человек слишком устал держать это в себе, ему хочется изложить свою историю. — Ему и не требовалось.

— Расскажите мне чуть подробнее о вашем отце.

— Тут нечего рассказывать. Он все время работал, а выходные проводил в клубе. Когда он слишком много пил, то подзывал меня к бару и демонстрировал своим друзьям. Не лучшее время.

— Вы когда-нибудь просили его перестать?

Ее подбородок яростно дергается.

— Меня не учили признавать свои чувства, не говоря уже о *таких* выступлениях. Это диалог из кино, а не реальной жизни.

— Возможно, поэтому вы и стали актрисой. Чтобы у вас было место для настоящих слов.

Она качает головой. Ее глаза сверкают.

— Все детективы разговаривают как психологи?

Тут она меня поймала.

— Многие — да. Люди интересны.

— Почему мы говорим обо мне, а не о Кэмерон?

Это правильный вопрос. Но ответ слишком сложен, и мне требуется несколько секунд, чтобы взвесить, много ли я могу ей сказать.

— Семья раскрывает секреты. Я усвоила это в ходе своей работы. Чем больше ты говоришь с людьми, тем лучше видишь, как через поколения проходят одни и те же сценарии. Все соответствует друг другу, даже когда оно так не выглядит.

— А приемные семьи? Как они укладываются в вашу теорию?

— Я вижу это так. Ваши биологические родители передают вам свои гены, вашу телесную карту. Но те, кто вас воспитывают, делают вас теми, кто вы есть, к лучшему это или к худшему. Семейную динамику отыгрывают, она в вас не встроена, хотя когда-нибудь ученые, возможно, докажут обратное.

— Наши проблемы с Троем... Хотела бы я удержать это подальше от нее.

— Допускаю, что это помогло бы. А может, Кэмерон требовалось противоположное. Обсуждать проблемы, а не скрывать их. Кто знает... Когда она вернется домой, вы сможете ее спросить.

Лицо Эмили искажено, глаза сияют.

— Если б только я могла провести с ней еще один день...

Мы с Эмили разные женщины с абсолютно разным прошлым, но мне нужно видеть нить между нами. Видеть, что мы сражаемся на одной войне.

Я долго винила ее за то, что она не уберегла Кэмерон, не защитила ее, когда та не могла защитить себя. Но к чему все это сводится? Для чего все эти страдания, если не для того, чтобы показать, как мы похожи и не одиноки? Откуда явится милосердие, если не от нас?

Часть III
Время и дева

Глава 40

Уилл держит слово, и вскоре у нас есть ордер на доступ к документам об удочерении Кэмерон. Он предлагает отправить Леона Дженца в «Католический семейный приют», но я не могу допустить, чтобы туда поехал кто-то другой. Не хочу видеть факс или копии. Что бы я ни нашла, это личное, и меня это устраивает. Возможно, «слишком вовлеченная» — правильный путь к Кэмерон. Возможно, в ту минуту, когда я решила вернуться в Мендосино, все это уже было предопределено. Вообще все, в том порядке, в котором оно разворачивается.

...Дорога до Сакраменто занимает четыре часа. Достаточно долго, чтобы я порадовалась, насколько Сверчок образцовая путешественница. Останавливаюсь около Клирлэйк, чтобы она сделала свои дела, а потом мы едем дальше по шоссе 5, мимо шахматной доски подсушенных ферм и полей, разделенной толстыми белыми линиями олеандра. Когда мы доезжаем до заплатанного асфальта парковки, мне не хочется оставлять Сверчка в машине, но она не официальная служебная собака. Пока нет. Поэтому я ставлю машину в тени и приоткрываю окно, чтобы у нее было достаточно свежего воздуха.

— Вернусь через полчаса. — Она настораживает уши, прислушивается. А потом я слышу себя и недоверчиво улыбаюсь. Всего сорок восемь часов, и я уже верю, что собаки могут следить за временем?

Внутри «Католический семейный приют» выглядит как обычное учреждение. Монахинь намного меньше, чем я ожидала. В основном я прохожу мимо уныло одетых сотрудниц в синтетических юбках и туфлях на плоской подошве, а еще мимо множества канцелярских шкафов. Поднявшись наверх, говорю с секретаршей, которая направляет меня к другой, а потом — в тесный кабинет штатного юриста, женщины в брючном костюме с шапочкой иссиня-черных волос; она задает всего пару вопросов, а потом протягивает копии документов и просит расписаться. Ее безжизненный взгляд говорит мне, что она слишком много работает и слишком мало получает. Кэмерон для нее ничего не значит, но что тут удивительного? Металлические шкафы у нее за спиной набиты папками, в каждой —

сложная история, целая жизнь. Благодарю ее и возвращаюсь к лифтам в коридоре. А потом до меня доходит, что все документы Кэмерон у меня, и только у меня. Как будто я только что ограбила банк.

Нажимаю на кнопку первого этажа, захожу в кабину. Голова немного кружится от внезапной близости к тайне, от предвкушения. Как только двери закрываются, отделив меня от остального мира, я открываю папку и вижу младенческий адрес Кэмерон. Юкайя. Эмили с Троем жили в Малибу, когда удочерили ее. В 1989-м, через четыре года, когда их дочери было одиннадцать, они переехали в Мендосино, в стеклянный дом на утесе. И если провести линию от этого утеса почти строго на восток, от побережья, до Юкайи будет всего тридцать миль. При анонимном удочерении обе семьи даже не задумались об этом. Но какие-то силы все равно притянули их друг к другу. Тридцать миль между жизнью Кэмерон до и после? Безумие. Или судьба, могла бы сказать Иден...

Выйдя в вестибюль, нахожу платный телефон и, задержавшись перед ним, ищу четвертаки, чтобы позвонить Уиллу. Но потом останавливаюсь. У меня прямо здесь, в руках, фамилии и адрес биологических родителей Кэмерон. Я совсем близко к тому, чтобы узнать больше о ее ранней жизни. Возможно, рядом со мной главный кусочек головоломки ее исчезновения, скрытый в ее первой семье.

Несколько секунд балансирую на грани, раздираемая противоположными чувствами. Уилл захочет участвовать в разговоре, но что-то во мне не желает его участия. Не желает делиться, не желает ждать, пока он доберется, или просто не желает плясать под чужую дудку. Я даже не хочу спрашивать его разрешения. Поехать одной — авантюрный, недалновидный поступок. А вдруг я что-то упущу? Вдруг все испорчу?

Прячу четвертаки в карман и снова открываю папку. К первому листу прикреплена фотография двоих детей в выходных костюмах на фоне синих вихрей. Такие фото можно сделать в торговом центре в фотостудии «Сирс». Мальчик наверняка брат Кэмерон. На фотографии ему около десяти, с накрахмаленным белым воротником, черными волосами и кривоватым передним зубом. Но я не могу оторваться от трехлетней Кэмерон. Карие глаза-блюдца под темными густыми бровями. Лицо округлое, смелое и такое красивое, что дух захватывает. Гордо поднятый подбородок, как будто она бросает вызов не только

фотографу, но целому дню и каждому человеку в нем. Волосы забраны белой пластиковой заколкой-бабочкой. Белое хлопковое платье с оборками и широкая, открытая улыбка. Ее свет прямо здесь, чистый и яркий, как гребаное солнце. Никаких признаков жертвы. Никакого бэт-сигнала. Просто маленькая девочка, Лиза Мэри Гилберт, рожденная 20 марта 1978 года, в первый день весеннего равноденствия.

Глава 41

Мы со Сверчком быстро едем по прямому отрезку шоссе 101, опустив все стекла, и добираемся до Юкайи вскоре после четырех. Хэп всегда называл Юкайю «скотным городом», слишком маленьким для культуры и слишком большим, чтобы обладать обаянием или замысловатостью. Я никогда не поправляла его и не рассказывала, что помнила из тамошней жизни, из двух коротких размещений, каждое не больше года. Мои воспоминания были обтрепанными, даже тогда. Всего лишь обрывки картинок. Учительница в первом классе, ее чулки телесного цвета, она пьет диет-колу за своим столом. Мать в тонкой желтой ночной рубашке на диване с персиковым шнапсом, который она пьет весь день из кофейной чашки. Февральский день, когда какие-то дети в автобусе глумились и кричали, что от моего брата пахнет ссаками. Он на самом деле не был моим братом, и пахло от меня, но я только забила поглубже в сиденье с книжкой и сделала вид, что меня нет.

...Съезжаю с магистрали к цепочке фастфудных ресторанов, обналачке чеков, торговому центру «Уолмарт» и фабрике по переработке груш «Уильямс», не узнавая, по счастью, ничего. Часть города за Форд-роуд, где Кэмерон провела свои первые годы, расположена между магистралью и выставочной площадью. Проезжаю Вайнвуд-парк, ломоть засушенной травы, окруженный приземистыми одноэтажными домами, выдавшими лучшие дни. Парк выглядит пересошим и заброшенным, на детской площадке торчат пирамида для лазанья из старых шин и проржавевшие качели.

Кэмерон могла играть здесь, когда еще была Лизой, как мы играли в осушенном бассейне и думали, насколько это здорово. Она наверняка не замечала всех этих признаков упадка, поскольку заметить их можно, только если ты выбрался отсюда и глядишь снаружи.

Я держу в руках адрес, но понятия не имею, живет ли кто-нибудь из семьи Гилбертов до сих пор здесь, в 3581 по Ивовой. Соседние улицы названы похоже — Мимозовая, Акациевая, Фиговая — пасторальные слова, которые с грохотом натыкаются на облупившуюся, заброшенную садовую мебель, разбросанную во дворах, на обвисшие бельевые веревки, протянутые между гаражами. Ставлю машину в

грязном проезде; в паре сотен ярдов коротко стриженный мальчик в футболке с Халком с грохотом нарезает круги на трехколесном велосипеде. Он таращится на меня так, словно я заблудилась. Возможно, так и есть.

Вылезаю из «бронко», засовываю в карман ключи и подхожу к длинному низкому дому, со Сверчком у ноги. У дома ржавого цвета обшивка с серебристой алюминиевой отделкой, которая отбрасывает копыя света. На крыше торчит покосившаяся телеантенна. Я не успеваю подойти к трем дощатым ступенькам, как входная дверь распаивается и передо мной, как волнолом, появляется приземистый широкоплечий мужчина. Я чувствую, как Сверчок напрягается, и кладу руку на ее ошейник.

— Помочь чем? — спрашивает он, хотя на самом деле говорит: «Убирайся». Его правый глаз с красной каемкой ниже левого, и это придает мужчине скорбный вид. В остальном он сплошь кузнечный молот — мощные бицепсы, небритый двойной подбородок и широкая челюсть. Сжав зубы, он оценивает меня.

— Я ищу Рубена или Джеки Гилберт. У них нет никаких неприятностей или чего-то такого. Мне просто нужна информация.

— Они здесь больше не живут. — Мужчина явно определил во мне профессионала, даже не видя жетона. Он кашляет и ждет, когда я отступлю.

— Вы их родственник?

— Та семья переехала. Не знаю куда.

— Я занимаюсь поисками пропавшего человека в Мендосино, пятнадцатилетней девушки по имени Кэмерон Кёртис.

— Никогда о ней не слышал.

— Мистер Гилберт, она в серьезной беде. — Имя выскакивает, и я отпускаю его, забрасываю удочку.

Его тело вздымается, когда он делает глубокий вздох.

— Валите на хрен отсюда. Ничего не знаю ни о каких пропавших девчонках.

Я вздрагиваю, не успев собраться. Он здоровый мужик и может крепко меня отделать, если решится на такое. Может, приехать в одиночку было паршивой идеей?

— Послушайте, я не хочу вам докучать, мне просто нужно заполнить несколько пустых мест.

— Я не разговариваю с копами.

— Я не коп, я детектив, и в любом случае у вас нет никаких неприятностей. Речь идет о Кэмерон. Вы не смотрите новости?

Он сильно кашляет, расправляет плечи.

— Нет.

— Возможно, она была связана с этим местом, много лет назад...

Никакой реакции.

— В этом районе пропали несколько девушек, но я приехала только из-за Кэмерон. Пожалуйста, не могли бы мы зайти в дом и немного поговорить?

Его подбородок опускается, здоровый глаз выпучивается.

— Я уже сказал. Я ни хрена не знаю о ни о каких пропавших девчонках. А теперь валите с моей дороги в ад. У меня работа. — Мужчина смотрит сверху вниз, демонстрируя готовность пройти сквозь меня, и мне остается только отступить в сторону.

Я стою во дворике и смотрю, как он забирается в темно-бордовый «Форд Таурус». Меня подташнивает, потому что я все испортила. Кэмерон жила здесь. Где-то рядом недостающие кусочки, которые могут показать ее целиком. А что теперь? Можно попытаться обойти соседей и молиться, чтобы кто-нибудь здесь вспомнил ее или рассказал мне что-то полезное о Гилбертах. Но я не испытываю особого оптимизма на этот счет.

«Таурус» добавляет газа, сворачивает с Ивовой на Фиговую, едва не задев стойку с почтовыми ящиками, а потом возвращается мальчишка на своем трехколеснике, заходя на новый круг. Его взгляд прикован к Сверчку. Дети всегда фокусируют внимание на собаках.

Я машу ему, но его взгляд холоден. Потом взгляд проскальзывает мимо меня, и мальчик оживает. За мной бесшумно открылась дверь.

— Привет, Кайл, — произносит голос.

— Привет, Гектор, — отвечает мальчишка. — Можно, я зайду ненадолго? Мамы нет дома.

Я смотрю то на одного, то на другого, слишком удивленная, чтобы говорить.

— Через минутку, ладно? Мне надо поговорить с этой тетей.

Глава 42

Знакомое потертое ковровое покрытие тянется через гостиную до маленькой кухни, ветхой и когда-то ярко-зеленой. Вся мебель — стол, стулья и диван с темным пятном на спинке. Сверчок садится рядом со мной; Гектор стоит, подбоченившись, изучает меня, изучающую его. Ему двадцать один или двадцать два, у него мускулистые предплечья, татуировки уходят под рукава полинявшей синей рабочей рубашки. На шее тоже татуировка. Группа переплетенных затушеванных пузырьков, похожих на шкуру питона. Темные джинсы с отворотами спускаются на грубые черные ботинки со стальными носками.

Он суровый парень, однако я не ощущаю угрозы. Инстинкты подсказывают, что он хотя бы выслушает мои вопросы. Возраст и цвет кожи дают хорошие шансы, что он — мальчик с фотографии или еще один брат Кэмерон. Вдобавок он открыл дверь.

— Гектор, меня зовут Анна Харт. Я пытаюсь отыскать пропавшую в Мендосино девушку.

По его темным глазам пробегает тень.

— Что с ней случилось?

— Мы точно не знаем. Она исчезла из дома вечером двадцать первого сентября, и с тех пор о ней никто не слышал. Меня тревожит, что кто-то мог ее похитить.

— Я слышал о той, другой девчонке из Петалумы. Ваша не встряла во что-то такое?

— Не знаю. Хотела бы я знать.

— Слышал, вы говорили, ей пятнадцать? У меня есть сестра, ей должно сейчас быть столько же.

Я затаила дыхание, надеясь, что он продолжит. И он продолжает.

— Мне было одиннадцать, когда они нас разлучили.

— Девушку, которую я ищу, удочерили в восемьдесят втором году. Гектор, как звали вашу сестру?

— Лиза.

У меня в горле что-то скручивается, потом меня затопляет облегчение. Надежда.

— Вы можете рассказать подробнее?

Он тяжело садится на диван, тянется к полу за пачкой «Кэмела» рядом с синей стеклянной пепельницей и закуривает.

— Должно быть, мои знали, что социальные службы собираются нас забрать, но и слова не сказали. Бывает же такая гребаная херня.

Я сажусь на стул напротив него, Сверчок улавливает сигнал и ложится рядом. Я вижу, как напряжены лицо и руки Гектора.

— И что было дальше?

— Я всего не знаю. Папаша вязался с кучей всякого дерьма. Типа наркоты. Несколько раз приходили копы, а потом кто-то из соседей сделал анонимный звонок насчет «неисполнения обязанностей». — Он практически выплевывает последнюю часть.

— Я разговаривала с вашим отцом?

— Этот кусок дерьма? Это мой дядя Карл. Папаша давно отправился в Сан-Квентин^[45]. До сих пор сидит там, насколько я знаю.

— Почему Карл не захотел со мной говорить?

Гектор шумно выдыхает через нос. Я задала нелепый вопрос.

— Ну, вы же со мной разговариваете.

— Мне скрывать нечего. И еще у меня такое чувство, что вы здесь по важному делу. У вас бывает такое ощущение?

«Да. Прямо сейчас, здесь».

— А ваша мать, где она?

Гектор пожимает плечами, хмурится.

— Давно свалила из города с каким-то утырком. Удивительно, если она до сих пор жива. Она еще тогда здорово напрягалась, чтобы кончиться.

— Почему вас с сестрой разлучили?

— Даже не знаю. Я прихожу домой из школы, а Лизы нет. Социальные работнички сидят... — Он так сильно скребет плечо, будто та боль все еще здесь, в его руке, жалит или ноет. Мне знакомо это побуждение. И его бесконечная тщетность. Тебе никогда не дотянуться до места, которое болит.

— Так вас тоже усыновили?

— Не-а. Наверное, я был слишком взрослый. Меня отправили в детдом, но я сбежал. — У него еще полсигареты, но он тянется за пачкой и стискивает ее для поддержки. Целлофан шуршит в его ладони. — Я сбежал раз пять или шесть, потом отправился в сиротскую общагу, когда никто не захотел меня взять. В восемнадцать вернулся

сюда, но родителей не было. Карл не особо меня любит, но он вообще всех ненавидит. Вы сами видели.

— Мне очень жаль. — Мои слова звучат сейчас так же пусто, как звучали, когда их повторяли мне чужие люди, пока я росла. Язык иногда подводит, но мне по-настоящему жаль Гектора. Он достаточно взрослый, чтобы все помнить. Боевые раны детства. Потерю сестры, растерянность, вытеснение. Боль. Он — я, а Лиза — его Эми или Джейсон. Оба. Но сейчас близятся новые потери. Новая трагедия.

— Они должны были мне сказать, что не могут о ней позаботиться. Я бы сам справился. Мы бы что-нибудь придумали. По крайней мере, были бы вместе. — Его зрачки расширяются, мерцают от эмоций. — Они привезли ее домой из больницы, и это был лучший день моей жизни. Раньше был только я и весь этот шизанутый народ. А потом? Я заботился о ней.

Мне хочется плакать. Но я только киваю.

— Мы спали, как щенки, на матрасе на полу. Я обнимал ее вот так. — Гектор поднимает руки, чтобы показать мне. — Мы всегда были вместе. Кто-нибудь только глянет на эту девочку, и я уже рядом. Понимаете?

Я понимаю. Дикарская верность в его голосе уносит меня в то самое Рождество с Джейсоном и Эми. К тем часам и дням, будто заключенным в пузырь, где ничто не могло нас коснуться.

— Ты ее защищал.

Гектор сильно затягивается «Кэмелом»; бумага шипит, пока он борется с прошлым.

— Я старался. Наши родители были реально не в себе, но ведь все такие, да?

«Не все», — хочется сказать мне, но я понимаю, что у него нет причин мне поверить.

— Каким она была ребенком? Тихим?

— Лиза? — У него рубленый смех, резкий и неожиданный. — Эта девчонка все время тараторила или плясала. Она пела в ванне, носилась по улицам. Садилась у почтового ящика и играла. Играла с камушками, представляете? И пела.

Внезапно я вижу ее, эту девочку. Он призвал ее, и от этого я чувствую себя выпотрошенной. Как это вышло, что за одну жизнь у нее украли две?

— Вы можете вспомнить какое-то событие до того, как вас разлучили? Происшествие, которое могло изменить поведение Лизы? С ней бывало, что она вдруг затихала, начинала плакать или внезапно пугалась?

— А что? О чем вы думаете?

— Не знаю. Я хочу, чтобы вы на это взглянули. — Вытаскиваю из кармана листовку об исчезновении Кэмерон, разворачиваю и показываю ему.

— Вот дерьмо, — шепчет он и откладывает сигарету. — Это должна быть она. — Подносит листовку ближе, качает головой взад-вперед; глаза его блестят. — Поверить не могу. Она такая красивая, такая взрослая... Вы должны ее найти.

— Я делаю все, что могу. Что вы еще замечаете?

Гектор долго изучает листок.

— Это ее глаза. Глаза Лизы. Но она выглядит здесь очень грустной. Верно?

— Я тоже так думаю, Гектор, и хочу выяснить почему. Жизнь — штука нелегкая. Мы с вами это знаем, но я не могу представить, как эта девочка сидит у почтового ящика и поет камушкам.

Чувствую, как Гектор пропускает через себя мои слова. Он крепче сжимает листок, ногти у основания белеют, словно ему хочется втиснуться внутрь и коснуться ее. Помочь ей.

— Моя Лиза была бойцом, — наконец произносит он. — Блин, эта девчонка была упрямницей. Попробуй отобрать у нее игрушку или снять с качелей раньше времени, и будешь иметь дело с тигром. Она складывала кулачки вот так. — Гектор поднимает руку, строит гримасу, и я понимаю, что сейчас он ее видит, так близко, что можно коснуться. — Свирепая.

— Так что же случилось? Именно это я хочу знать. Поэтому я приехала сюда. Выяснить, не смогу ли разобраться. У вас сохранились какие-нибудь детские фотографии?

Он мотает головой.

— Ничего такого, извините. — Снова глядит на листок и говорит: — Могу я оставить его себе?

— Конечно. И я напишу вам свой номер. — Переворачиваю листовку, пишу номер офиса Уилла и свое имя. — Если надумаете что-то полезное, дайте мне знать. И я могу держать вас в курсе, если хотите.

— Ага. — Гектор вытаскивает из кармана мятый чек, царапает на нем свой номер, протягивает мне. — Если я хоть чем-то могу помочь, дайте мне знать, лады? У вас же есть люди, которые ее ищут, верно?

— Есть.

— Хорошо.

Он провожает меня до двери, Сверчок идет следом. На косяке, примерно на уровне глаз, черное смазанное пятно размером с ладонь. Дверная ручка пластиковая. Это место кажется настолько тесным, обшарпанным и безнадежным, что меня подмывает забрать Гектора с собой, бросить его на заднее сиденье машины со Сверчком и бежать без оглядки. Но он давно перестал быть ребенком. И в любом случае не просит, чтобы его спасали.

Глава 43

Я возвращаюсь в Мендосино поздним вечером. Проезжаю мимо офиса шерифа, надеясь, что Уилл еще на работе, и застаю его в машине. Он собирается домой. Опускает стекло, когда я ставлю «бронко» рядом. Я не успеваю выдать «привет», когда Уилл говорит:

— Где тебя носит? Я уже несколько часов тебя ищу.

— Я говорила тебе, что собираюсь в Сакраменто.

— Даже с учетом всей бюрократии я думал, что услышу тебя не позже двух. В чем проблема?

— Не хочешь выпить? — иду на попятную. — Я объясню.

Его лицо не смягчается.

— Пойдем в офис. Тяжелый день выдался... Мне есть что тебе рассказать.

Я иду за Уиллом — Сверчок бежит за мной — в пустую переговорную со слабенькими лампами дневного света. Уилл плюхается на ближайший стул.

— Ну?

— Наверное, я просто увлеклась. — Сажусь напротив с чувством, будто меня отправили в кабинет директора школы. — Когда я открыла документы, то увидела, что адрес родной семьи Кэмерон — в Юкайе. Жутковато, да? Практически нулевая вероятность.

— Так ты поехала в Юкайю? Семья еще живет там?

— Родителей можно исключить, но я встретила с дядей и братом Кэмерон, Гектором. Просто сердце разрывается от того, как этих детей разлучили социальные службы. Гектор даже не знал, куда забрали сестру. Его ошеломили этой новостью, а потом отправили в детдом. Хорошо заметно, насколько сильно это на нем отразилось.

Лицо Уилла остается невыразительным и неподвижным.

— Ты расспрашивала этого парня или проводила групповую терапию?

Я чувствую укол стыда.

— Почему ты так враждебно настроен?

— Ты не знаешь? — Уилл снимает шляпу и подчеркнуто кладет ее между нами. — Тебя не было весь день, ты не отмечалась, принимала

решения о расследовании без предварительного утверждения, а сейчас возвращаешься ни с чем, кроме сценария для телесериала.

Я сглатываю новый стыд. Его слова еще сильнее выводят меня из равновесия.

— Прости. Мне следовало связаться с офисом. Но у меня было чувство, что я должна поехать туда одна.

— Анна, мой департамент не работает на чувствах. И к данному расследованию это тоже относится. Там следовало быть мне или одному из моих помощников. Тогда мы хотя бы смотрели на ситуацию с двух точек зрения. Откуда нам знать, что этот Гектор — не подозреваемый?

— Нет. Я знаю.

— Откуда ты знаешь? Ты проверила его криминальное досье? А его дяди? Ты записала номера их машин? Их псевдонимы? Наличие алиби на вечер двадцать первого сентября?

«Нет» — ответ на все его вопросы, но он упускает суть.

— Уилл, ты слишком много сидишь за столом. Инстинкты в таких расследованиях — полдела, не меньше. И да, у Гектора вполне могут быть приводы после того, как округ распорядился его детством. Но он заботится о сестре и никогда не сделал бы ничего ей во вред, даже имея доступ к Кэмерон, которого у него нет.

— Анна, погоди. Я спрошу еще раз. Как ты пришла к таким выводам? Сначала ты была уверена, что это Дрю Хейг надругался над Кэмерон, — и мы получаем пустышку. Потом ты говоришь, что не нужно подозревать Стива Гонзалеса, основываясь исключительно на каком-то ощущении. К счастью, хоть тут тебе повезло.

Мне становится жарко.

— Ты решил как следует прочистить мне мозги? Если ты не доверяешь моим суждениям, что я вообще здесь делаю?

— Постой. Давай на минутку снизим градус. Анна, я просто делаю свою работу. Пытаюсь хотя бы. Ты — мощнейший ресурс, и я очень рад, что ты здесь. Но вопросы, которые я задаю тебе, я вправе задавать. О'кей?

Я смотрю на свои руки.

— Мне следовало позвонить тебе из Сакраменто. Признаю. Но я ноги свои заложу, что Гектор Гилберт не причинял вреда Кэмерон Кёртис.

— Я уверен, что ты права. Давай только следовать протоколу. Проверим его прошлое, узнаем, с чем имеем дело. И нам нужно привезти его сюда для полиграфа. Обычная стандартная процедура. То же с его дядей и со Стивом Гонзалесом. Нам нужно прикрыть тылы.

— В смысле, прикрыть свою задницу.

— Анна, — звенит его предупреждение.

— Прости. — Я вращаю плечами, пытаюсь избавиться от узлов в мышцах. — Трудный день.

— Ага, здесь тоже... А сейчас я хочу, чтобы ты кое-что со мной посмотрела. Ты многое пропустила.

Глава 44

В углу переговорки, на металлической тележке с колесиками, стоят телевизор и видеомэгнитофон. Уилл подходит к ним, включает и нажимает на кнопку «play». Это запись сегодняшнего выпуска «Их разыскивает Америка». Симпатичная блондинистая журналистка, которую я не узнаю, беседует с Кейт Маклин и Джиллиан Пелхэм. Может, она даже не журналистка. Это шоу не назовешь настоящей новостной программой.

Когда начинается беседа, камера показывает крупным планом двух девочек, сидящих рядышком на узком студийном диване. Они выглядят храбрыми, уверенными и очень-очень юными. Такие они на самом деле.

— Сначала мы подумали, что это розыгрыш, — говорит Кейт Маклин. У нее каштановые волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор, нос-кнопка и широко расставленные карие глаза. — Полли иногда устраивала такие штуки. Она была хорошей актрисой.

Я невольно отмечаю, что она говорит в прошедшем времени, и это ощущается как укол иглы.

— Мы уже здорово подурачились, — добавляет Джиллиан Пекхэм, закладывая за ухо прядь русых волос. — Говорили про Хеллоуин и старались друг друга напугать. Мы накрасили Полли белым, она подвела глаза, как у призрака, и зачернила губы.

— А что было дальше? — подбадривает их журналистка.

— Она пошла за спальными мешками для нас, — продолжает Джиллиан. — А когда вернулась, там был мужчина с ножом и сумкой. Он стоял за ней в дверях. Он был старый. Он не выглядел страшным или что-то такое, ну, сначала. Поэтому я подумала, что Полли, наверное, шутит.

— Это выглядело не по-настоящему, — быстро добавляет Кейт. — Так я подумала. И он был такой спокойный, не кричал. Он сказал, ему нужны деньги, и Полли показала ему свою шкатулку. Там было пятьдесят долларов. Тогда он стал вести себя по-другому. Голос у него стал грубее, и он сказал нам не кричать, а не то перережет нам глотки.

— Потом он начал связывать Полли, и она заплакала, — говорит Джиллиан. — Он взял с кровати подушки и положил их нам на головы.

А потом связал нас. Я сказала, что веревки слишком тугие, и он ослабил их немножко и сказал, что сожалеет.

— Потом он сказал, что если мы досчитаем до тысячи, то Полли вернется, — заканчивает за нее Кейт.

— Но этого не случилось? — мягко подсказывает журналистка.

— Нет, — отвечает Кейт. — Мы услышали, как хлопнула дверь, и тогда начали распутывать веревки, которыми он нас связал. Джиллиан добрела до мамы Полли и попыталась ее разбудить.

— Мы обе по-настоящему перепугались, — говорит Джиллиан.

— Конечно, перепугались. Вашу подругу только что похитили. Я думаю, вы очень храбрые. И вся Америка сейчас ищет похитителя Полли по тем приметам, которые вы смогли сообщить полиции. Миллионы людей смотрят эту передачу. Все стараются отыскать Полли. Каждый хочет, чтобы она вернулась домой. — Лицо журналистки — картина печальной надежды, взгляд подчеркнуто мягок. — Что вы можете рассказать Америке о Полли? Что отличает вашу подругу?

— Она очень веселая, — говорит Кейт, улыбнувшись на долю секунды. — Ее любимый цвет — сиреневый, и каждый день после школы она ест гренки с корицей.

— Она хочет быть актрисой, — добавляет Джиллиан. — Она без ума от Мела Гибсона. У нее в комнате висит плакат с черно-белыми кошками и далматинцем, там написано: «Не повторяй, выделяйся!» Это она. Полли ни на кого не похожа.

После беседы по экрану проплывает обычный номер для звонков «если вам что-то известно». Потом экран чернеет. Запись кончилась. Я оборачиваюсь к Уиллу. Я отупела, у меня отходняк после нашего разговора, но шестеренки все равно начинают крутиться.

— Это именно то, что нам нужно было устроить на городском собрании *вчера*, — говорю я. — Гренки с корицей. Практически никто в городе ничего не знает о Кэмерон. Нельзя заботиться о том, что ты не можешь представить.

— Да, разумеется. Но слушай дальше. Ты знаешь актрису Вайнону Райдер? Похоже, она завтра прилетает в Петалуму на самолете Харрисона Форда. Я разговаривал с Фрейзером. Судя по всему, она собрала пожертвования с кучки суперзвезд для частного вознаграждения, если Полли найдут. Анна, это два миллиона долларов.

— Что? Это безумие! Даже если они смогли собрать столько денег, с чего тратить их на Полли? И вообще, почему Райдер так заинтересована?

— Часть ее детства прошла в Петалуме. У них с Эмили даже был один преподаватель актерского мастерства. Похоже, она следила за новостями и решила, что пора действовать. Она позвонила сегодня. Вот и говори теперь про шумиху в СМИ...

— Тогда мы возвращаемся к Эмили. У нее есть два миллиона долларов.

— Анна, деньги тут не главное, ты сама это знаешь. Проблема в том, что у нас нет доказательств. ФБР считает, что Кэмерон сбежала. С такой историей не выбить время в «Их разыскивает Америка». Я даже не знаю, есть ли у нас теперь шанс на местные СМИ, даже с помощью Эмили. Все будут снимать приезд Райдер.

— Думаю, мы все равно попытаемся. Мы не можем контролировать интересы СМИ, но можем как следует засветиться, верно?

— Попробуем. В любом случае это еще не всё.

— Полли звонила еще раз?

— Нет. Фрейзер практически уверен, что это был розыгрыш. Но в игру вступила Кремниевая долина. Какие-то умники-компьютерщики смотрели новости и родили светлую идею отсканировать листовку о пропаже Полли и загнать ее в компьютер. Куча сетевых компаний выделила оборудование. Они рассылают факсом тысячи листовок по всему миру и еще интернет используют. Кто-то сказал мне, что объявление уже видели десять миллионов человек в пяти странах.

— Ничего себе! Вот это число.

— Знаю. Дивный новый мир, правда? Можешь представить, если б у нас было что-то в этом роде десять лет назад или двадцать? — его взгляд полыхает. Дженни...

В один миг передо мной начинает мерцать ее лицо. Ее смех. Ее походка. Ее голос на утесах, мелькает во тьме, а потом исчезает. Со времен ее исчезновения и задолго до него размытые фотографии пропавших детей и подростков появлялись на плакатах, расклеенных на телефонных столбах или почтовых отделениях. Что изменилось бы, если б в 1973 году существовал интернет? Если б отчетливые изображения Дженни рассылали бы повсюду в мгновение ока?

Возможно, ничего, а может, все. Возможно, изменилась бы вся направленность наших жизней.

— Мы можем сделать что-то подобное для Кэмерон? И для Шеннан?

— Я уже сделал пару звонков.

— Что ты думаешь, если я съезжу поговорить с матерью Шеннан Руссо?

— Зачем?

— Понять, нет ли какой-то связи между этими двумя девушками.

— Лично для меня они выглядят похожими примерно как день и ночь. Если ты не увидела связи с Полли, почему ищешь ее здесь?

— Обещай, что не станешь смеяться.

У него уклончивый взгляд.

— Я встречалась с Тэлли Холландер.

— С ясновидящей?.. Дружище, вот теперь я всерьез начинаю о тебе беспокоиться.

— Да ладно, Уилл. Потерпи меня секунду. Тэлли кое-что сказала насчет Шеннан и ее детства, и я думаю, у этих девушек общая эмоциональная ДНК. Я просто хочу проверить. — Мои руки сжимают стол, холодный, ровный и настоящий. — Я говорю не о каких-то видениях. Когда Тэлли звонила Карен, та раскрылась и поделилась с ней разными вещами: какое хаотичное детство было у Шеннан, как появлялись и исчезали мужчины, сколько рядом с ней было жестокости. Я знаю, она была крепче гвоздей, когда говорила с тобой, но, если мне удастся ее разговорить, мы сможем узнать намного больше о том, как Шеннан столкнулась с каким-то психопатом.

Уилл вздыхает; я вижу, как он устал. У нас обоих заканчивается бензин.

— Ладно.

— Ладно?

— Шансов мало, но, если честно, сейчас важны все хлебные крошки.

— Верно. Важны.

Глава 45

Ранним утром следующего дня я еду в Гуалалу, на работу к Карен Руссо, в старенький салон под названием «Ничего, кроме волос». Когда я вхожу, она опирается на стойку у входа. Симпатичная, хотя слегка очерстевшая брюнетка в темном рабочем халате, из-под которого выглядывают джинсы-клевш и туфли на высокой пробковой танкетке. На вид ей лет тридцать пять — значит, она родила Шеннан в восемнадцать или девятнадцать.

Как только я представляюсь, взгляд Карен становится тусклым. Ей уже хватило копов и репортеров. Может, мне стоило взять с собой Тэлли?

— Я тут работаю, ясно? — бросает она.

— Всего пятнадцать минут на кофе...

— Мне нечего рассказать.

— Не страшно. Я буду ждать в ресторанчике напротив. У меня всего пара вопросов.

* * *

Через сорок пять минут она наконец появляется. Во мне уже три чашки. Кофе водянистый, но пальцы все равно влажные, а оптимизм почти испарился.

— У меня запись на одиннадцать, — говорит Карен. — Постоянный клиент. Я не могу опаздывать.

— Понятно. Я просто хочу как можно яснее представить себе вашу дочь. Что вы можете рассказать мне о привычках Шеннан? В смысле до ее исчезновения?

— Она скучала и часто попадала в неприятности.

— Она была в старших классах, когда исчезла, верно?

— Ее никогда не заботила школа, и я бросила пытаться запихнуть ее туда. Честно, я много чего бросила. Знаю, звучит паршиво. Шеннан не хотела мать. Она вообще не хотела, чтобы о ней кто-нибудь заботился.

Возможно, жесткость Карен действительно защита, как предполагала Тэлли, но впечатляюще солидная.

— Должно быть, нелегко, когда она отстраняется от вас.

Карен прищуривается; на ресницах столько черной туши, что они кажутся синими.

— У меня было полно времени привыкнуть.

— Расскажите мне о последнем дне, когда вы видели дочь. — Я перелистываю свои заметки. — Второе июня. Она в тот день пошла в школу?

— Ваши догадки не хуже моих. Она встала с кровати и оделась, но могла пойти куда угодно. У нее была куча друзей, которые не были друзьями. Ну, вы поняли.

— Мужчин? Вы говорите, что ваша дочь занималась проституцией?

— Возможно. — Она достает из кармана куртки узорный футляр для сигарет, подносит зажигалку к кончику «Мальборо лайт», затягивается, потом привычным жестом разгоняет дым. — Не знаю, как она зарабатывала деньги. Я ее не выручала, сразу скажу. Я знала, что она пила все, что дают, нюхала и кололась. Я перестала спрашивать.

— Эти друзья... Она упоминала чье-нибудь имя?

— Я такого не помню. Правда, хотя бы у одного были деньги. Как-то Шеннан принесла домой новую камеру «Никон». И кто-то дал ей куртку, симпатичную.

Это привлекает мое внимание.

— Вы можете ее описать?

— Она была короткая и коричневая, из какого-то натурального меха. Может, не настоящая, но выглядела как натуральный мех и дорого. Шеннан точно не купила ее где-то здесь.

— В тот день она была в этой куртке?

— Может, была. Не помню.

Ясно, что больше ничего полезного я из нее не вытащу. Если и можно каким-то трюком убедить ее говорить открыто, я такого не знаю.

— А что вы думаете о ясновидящей, которая вам звонила?

— А что я могу подумать? — Карен строит возмущенное лицо и снова затягивается; дым расходится веером, словно ядовитый щит. — Шеннан всегда делала, что хотела. Если ее кто-то убил, возможно, она об этом просила.

Резкость ее слов на несколько секунд оглушает меня. Я знакома с женщинами вроде Карен, жесткими и замкнутыми. Но еще я понимаю, что любой, кто обзавелся такой раковиной, сделал это неспроста. У нее были причины защищать себя. И до сих пор есть.

— Миз^[46] Руссо, я действительно хочу помочь найти Шеннан, но буду с вами честна. В первую очередь я занята поисками Кэмерон Кёртис. Вы о ней слышали.

— Ну да, дочка кинозвезды... Я много лет смотрела этот сериал. Никогда бы не подумала, что у меня будет нечто общее с Хейди Бэрроуз.

— У нас очень мало информации о Кэмерон, но в детстве у нее было много проблем. И жестокости тоже. Мы думаем, это как-то связано с тем, что ее выбрали целью. — Я многозначительно смотрю на нее. — Поэтому я и задаю вам вопросы о детстве Шеннан. Возможно, это один и тот же парень. Я ищу связь.

Кажется, ее это не затронуло, по крайней мере, внешне. Она смотрит на часы и говорит:

— Я уже рассказала, что могла.

— У нас еще есть несколько минут. А где отец Шеннан? Он как-то связан с ее жизнью?

— Это дерьмо? — Карен оскаливается. — Он свалил, когда она еще не пошла в школу. Не видела от него ни цента с тех самых пор.

— Трудно в одиночку воспитывать ребенка...

Она пробегает по мне взглядом — похоже, думает, честна ли я с ней или что-то скрываю.

— Да уж.

— Вы всегда были только вдвоем?

— По-всякому. У меня были приятели за эти годы. Может, не стоило с ними связываться при ребенке...

— С приятелями вообще или с этими конкретными парнями?

Карен едко смотрит на меня.

— И что это значит? Сомневаетесь в моем выборе мужчин?

— Я не знаю вашу жизнь.

Она смотрит в стену, на закрученные узоры золотистого пластика. Золотисто-оранжевый, из 70-х, когда все было либо золотым, либо ядовито-зеленым.

— Ладно. Могу сказать, что я все время делаю не лучший выбор. Ну, это общая беда, верно?

К сожалению, она права. Не для всех, но для большинства.

— У вас есть фотография Шеннан?

— Только старые. — Женщина откладывает сигарету, роется в сумочке и выуживает кармашек для фотографий, которые иногда продают вместе с бумажниками. Пластик пожелтел и обтрепался по углам, но набит школьными фотографиями с туманно-голубым фоном. Шеннан, щербатая пятилетка, возглавляет парад.

Я беру у нее фотографии, перебираю, и мне становится все грустнее и грустнее. Может, эта девушка была сплошным скандалом, но начинала она совсем иначе. Она родилась милой, чистой, оригинальной. Как и все остальные.

— Очень симпатичная... А кем она хотела стать, когда вырастет? В смысле когда была маленькой. Какие-нибудь грандиозные фантазии?

— Диснеевские принцессы считаются? — Карен поджимает губы, и морщинки, бегущие от верхней, становятся глубже. — У нее были самые блестящие волосы. Я заплетала их в косу, в «рыбий хвост». Непростое дело. Уходило не меньше часа, но она сидела ровно и не шевелилась.

Я встречаюсь с ней взглядом, стараясь не моргнуть, не испортить момент. Это ее самые открытые, самые человеческие слова.

— Могу поспорить, она выглядела очень красивой.

— Ага, выглядела. Красота не была проблемой.

Глава 46

Иногда фрагменты прошлого всплывали, как обрывки бумаги, заставляя меня врасплох. Воспоминания, которые я считала забытыми. Моя мать спит на кушетке, на боку, поджав колени, как ребенок; лицо наполовину прикрыто вязаным шерстяным пледом. День, который казался фантазией, когда мне было шесть или семь, а дети — малышами, и мы по очереди брали на руки чьего-то домашнего кролика, сидя на газоне. Когда пришел мой черед, я трогала его уши, теплые на ощупь, чувствовала, как колотится сердце кролика, как напрягаются его мышцы, как ему хочется сбежать, но он сидит.

Через несколько дней к нашему дому подъехали три полицейские машины, и копы вошли в нашу квартиру с ордером на отца. Они забрали его в наручниках, пока мать кричала на них. Она швырнула пепельницу, которая отскочила от стены. Сбросила на пол лампу, разбив лампочку. Я смотрела на все из темного коридора; двери спальни были закрыты, дети прятались в шкафу, куда я отправила их, сказав сидеть тихо. Напряженное, удушающее ощущение, висящее в воздухе вокруг меня и в моем теле. После этого папа стал для нас чужаком. А через пару лет мать ушла занять пятьдесят баксов и больше не вернулась.

Но были и другие воспоминания, мягкие, как кусочки паутины. Воспоминания о Хэпе, Иден и Мендосино, о том, как в десять я обнаружила, что могу присесть в высокой траве на утесе над Португальским пляжем и стать травой. Я могла стать заходящим солнцем, размазывать свет по всему, чего касаюсь, как дикий мед. Я была Тихим океаном с его холодным синим взглядом, вороной на кипарисе, хлопающей крыльями и обсуждающей с собой устройство мира. Все время, сколько я могла припомнить, у меня были причины исчезать. Я стала экспертом по невидимости, но тут было что-то еще. Сейчас я была частью вещей, вплетенной в место. Я больше не возвышалась над ним, но заботилась.

Общественный центр стоит на углу Школьной и Сосновой улиц, рядом с бейсбольным полем, пожелтевшим, как и всё в это время года. Я встречаюсь с Греем и его матерью в субботу сразу после полудня, чтобы подготовить информационный стенд, который поможет тем, кто не знает Кэмерон, познакомиться с ней как личностью, а остальным — почтить ее. Городской совет только что одобрил запрос Уилла на бессрочное использование центра. Пока не готова вывеска, на дверях висит лист бумаги с надписью красными печатными буквами: «Центр спасения Кэмерон Кёртис».

— Красный — любимый цвет Кэмерон, — поясняет Грей. Они с Ди Энн сделали эту временную вывеску и, насколько я вижу, провели в здесь уже несколько часов. Стенд наполовину заполнен фотографиями, открытками и рисунками. В одном углу Грей прикрепил обложку альбома Мадонны «*The Immaculate Collection*», который был саундтреком их дружбы последние два года. Он уже обошел всех учителей Кэмерон, у некоторых сохранились копии ее работ и стихов. Одно стихотворение, из пятого класса, называется «Листья гингко»:

Сплющенные шары. Парашюты.
Каждый лист как что-то горящее.
Мечта вспорхнула. Я стою
Под желтым деревом и думаю
Про вчера. Думает ли вчера
Обо мне?

Читаю строки и чувствую, как у меня перехватывает горло. Это не просто хорошие стихи; в них видна уязвимость, которую я побоялась бы обнажить в ее возрасте, особенно в части прошлого. Я была тогда не настолько храброй. Возможно, сейчас тоже — по крайней мере, не таким способом.

— Она особенная, правда? — говорит сзади Грей.

— Да, она особенная.

С помощью Грея и Ди Энн я добавляю на стенд вещи, которые принесла с разрешения Эмили: рисунок хамелеона — «Мама, я по тебе скучаю», — пляжную фотографию из Малибу с розовой раковиной и еще несколько, включая фото Кэмерон с Кейтлин Манси, каждая в одном роликовом коньке; волосы обеих забраны в одинаковый высокий

хвостик, но спускаются с разных сторон, как будто девочки дополняют друг друга.

— Боже, какие они славные, — говорит Ди Энн, когда прикрепляет фотографию. — Я не помню Кэм в этом возрасте.

«Кэм».

— Я говорил с Кейтлин Манси, как вы просили, — добавляет Грей. — Она вовсе не была мерзкой. Она плакала.

— Кэмерон много значила и для нее, — отвечаю я.

— Она дала мне это. — Грей держит видеокассету. — Тут где-нибудь можно ее посмотреть?

Мы роемся в задней комнате и находим кладезь оборудования: проекторы для диапозитивов, древний катушечник, кассетный магнитофон «Бетамакс», а потом — бинго — видеоплеер. Подключаем его и собираемся втроем перед старым телевизором в маленькой кухне. Рядом, на подоконнике, под перекошенными жалюзи, лежит серый слой старых коконов мотыльков. Раковина набита потрескавшейся посудой. Потом телевизор гудит, оживает, и все это уже неважно. Комната исчезает.

Кэмерон и Кейтлин поют в микрофон «*Under the Sea*» из «Русалочки», целиком отдавшись песне. Хвосты развеваются в полную силу, у Кэмерон волосы спускаются до пояса. У девочек полусформированный, предподростковый вид — возраст еще не добрался до лиц. У них ямочки, брекеты. Они ослепительны.

— Они великолепны, — говорю я Грею, переполненная эмоциями.

— Не знаю, хотела бы она, чтобы мы показывали это перед кучей народа...

— Почему нет?

— Это было давно. И, я не знаю... Она здесь такая невинная.

— Невинность — это дар. Посмотри, как они прекрасны. Какую бы боль она ни испытала, какую бы жестокость ни пережила, здесь этого не видно. Она избавилась от этого, пусть даже на минуту. Дети способны быстро оправляться от бед. Я всегда этим восхищалась.

— Я никогда об этом не задумывался с такой стороны.

Запись заканчивается, механизм щелкает, потом жужжит. Грей нажимает на повтор, Ди Энн обнимает его за плечи, прижимая к себе, и мы смотрим еще раз. Солнце пробивает жалюзи, хлещет светом по стене над телевизором. Потом звучит песня:

Взгляни-ка на мир подводный —
Веселье и благодать.
Чудесный он и свободный.
О чем же еще мечтать?

Глава 47

Мы с Уиллом договорились встретиться в четверть седьмого, чтобы поработать над его речью, но к этому времени уже начинают собираться люди. Кто-то поставил у дальней стены длинный стол и разложил на нем еду. Ужин в складчину, мультиварка, полная фрикаделек, сыр, крекеры, кучки рулетов, пластиковые столовые приборы, бумажные салфетки, розовый лимонад и башня из стаканчиков. На мгновение мне становится тошно, но потом я вспоминаю, что в маленьких городках любое массовое сборище подразумевает еду. Вдобавок совместная еда всегда сближает людей, позволяет занять руки.

Вскоре стулья начинают заполняться. Ванда раздавала флаеры и хорошо поработала. Наконец-то город собирается. Приходит каждый, потому что пришло время, время собраться и признать правду, а потом справляться с тем, что есть, там, где все мы сейчас находимся.

Я вижу Стива Гонзалеса, пришедшего с невысокой симпатичной женщиной, должно быть, женой. Он обнимает ее за плечи, кивает мне, а потом идет сесть рядом с группой молодых ребят, явно старшеклассников. Через несколько минут появляется Клей Лафорд с Ленорой. Оба немного стесняются — или так мне кажется, — проскальзывают в задний ряд. Входит Лидия Хейг, незаметно машет мне. Потом я замечаю, как входит высокая эффектная женщина. В ее вьющихся черных волосах выделяется серебристая прядь. Рядом с ней, каждый со своей стороны, идут мальчик и девочка. Я слежу за реакцией Уилла. Это его семья. Бет с детьми.

— Подойди к ним.

— Чуть позже.

Моя догадка о том, что они разошлись, верна, понимаю я. Мне становится ужасно жаль их всех. Дочь Уилла в линялых джинсах, порванных на колене. Сына с теми же густыми темно-рыжими волосами, тем же сильным подбородком и серыми глазами. И его жену, с которой я незнакома, но все равно чувствую близость с ней. В такие времена они должны быть вместе. Все люди должны быть вместе во время кризисов.

* * *

Когда Уиллу пора говорить, в зале только два репортера, и оба без операторов. Он правильно предполагал, что все новостные каналы отсюда до Сан-Франциско будут снимать не нас, а приезд Вайноны Райдер в Петалуму. По офису Уилла весь день ходят слухи, как Райдер вышла с поисковыми группами и несколько часов звала Полли в мегафон.

Но я не собираюсь тонуть в разочаровании. Что бы ни происходило там ради Полли, здесь и сейчас происходит другое. Сюда пришел город. В зале вдвое больше людей, чем я надеялась собрать. Здесь Тэлли. Рядом с ней в моторизованном инвалидном кресле сидит незнакомый мне мужчина. «Паттерсон» закрылся, и все работники пришли сюда. Некоторые даже не переоделись. Продавцы, которых я встречала на рынке, парень, заливавший бензин в мою машину на заправке у Литтл-Ривер, женщина, двадцать пять лет заправляющая почтовым отделением. И Шерилин Ливит, которая отвечает на звонки в офисе шерифа, со своим лохматым приятелем-музыкантом Стюартом, играющим фолк в паре очень приличных отелей. Грей и его мама, Кейтлин Манси и ее отец Билл, который управляет «Маяком», и даже Калев — и от этого мне хочется плакать, потому что я знаю, в какую цену это ему обошлось, какие ворошатся воспоминания, и так слишком близкие к поверхности.

Когда зал затихает, Уилл встает перед стендом в честь Кэмерон, где его ждет микрофон, и поднимает новую листовку со словами «Подозревается злой умысел», красными, как пощечина.

— Я знаком с большинством из вас и знаю, на что вы способны. Знаю ваши сердца. Двадцать первого сентября Кэмерон Кёртис пропала из своего дома посреди ночи. У нас есть основания полагать, что ее к этому принудили. С тех пор поступили сообщения о пропаже еще двух девочек, как вы, несомненно, слышали. Обе в пределах сотни миль от нас. Невозможно сказать, есть ли тут какая-то связь с исчезновением Кэмерон, но я скажу вам другое. Мы сейчас нужны всем этим девочкам. Каждый в этом зале, во всем округе, вверх и вниз по побережью. Я прошу вас помочь в поисках. Вы работаете. Я это понимаю. У вас есть своя жизнь, но вы можете раз в неделю выйти на поиски с организованной группой. Вы можете запечатывать конверты с

листочками у себя на кухне. Отвечать на телефонные звонки, обходить дома, говорить с людьми. Некоторые из вас знакомы с Кэмерон, но большинство — нет. Ее мама и папа живут уединенно и редко появляются на людях. Однако даже если вы впервые видите Кэмерон на этих листовках, я хочу, чтобы вы хорошенько посмотрели. — Он оборачивается к стенду. — Кто-то причинил вред этой девушке. Мы не знаем, кто, но сейчас это наша беда. Она ребенок и заслуживает лучшего. Давайте сделаем так, чтобы она это получила, о'кей? Давайте вернем ее домой.

Пока гремят аплодисменты, Трой Кёртис встает и выходит к микрофону. Я едва его узнаю. С момента нашей последней встречи он постарел на десять лет. Бледный и скованный, он берет микрофон. Впервые я не вижу в нем никакого высокомерия.

— Кэмерон — особенная девочка, — сдавленным голосом говорит он. — Она появилась у нас, когда ей было четыре года. Невозможно поверить, что кому-то захочется причинить ей вред. Любое преступление против ребенка, тем более такое — это злодеяние. Против любого ребенка. Она невинная девочка. Пожалуйста, помогите мне ее найти. Я знаю, она должна быть жива. Я это чувствую.

Переполненный эмоциями, Трой передает микрофон Уиллу и возвращается к своему стулу, а люди уже начинают поднимать руки и задавать вопросы. Я оглядываю зал, ища Эмили, но она с мужем не пришла. Она все-таки не готова.

* * *

Когда зал начинает пустеть, уже поздно. Я стою у двери, собираясь выйти и посмотреть, как там Сверчок, когда мимо проходит Калев. Я беру его за руку, чувствуя, насколько он скован. Его плечи кажутся каменными, но это понятно. Он держит в себе столько воспоминаний, столько боли...

— Рада, что ты пришел.

— Едва не передумал... Похоже, тебя все-таки втянули в это расследование, а?

— Оно слишком важное. Увидимся в ближайшее время?

— Буду рад.

Когда он уходит, появляется Тэлли.

— Мой муж, Сэм, — говорит она; ее лицо теплое и открытое.

Мужчина в коляске младше ее. Ему лет тридцать пять или сорок, и он индеец, с длинными черными волосами, заплетенными в аккуратный хвост, и теплым взглядом темных глаз. Приехав к ней в Комптч, я предположила, что она одинока. Я ошибалась.

— Это детектив, о которой я тебе рассказывала, — поясняет она Сэму.

— Спасибо за ваш труд, — говорит он. — Я могу помочь отвечать на звонки или что-то такое, но я подумал, что могу открыть свою студию йоги для всех, кто захочет просто зайти и немного помолчать. Подышать. Для ребят из класса Кэмерон. Для всех.

— Это очень благородно. Спасибо.

— Я оказался в коляске после несчастного случая, и это изменило мою жизнь. Теперь я много работаю с ветеранами, со спинномозговыми травмами, с людьми, у которых есть проблемы со связью разум — тело.

— Я не знаю, что это такое.

Он прищуривает один глаз, смотрит с мягкой насмешкой.

— Разум. Связь. Тело. Какая часть вас запутала?

— Сэм. — Тэлли смеется. — Веди себя прилично.

— Все нормально. Он забавный.

— Вот так он и заманивает. Он бывает очень убедителен.

— Загляните ко мне на занятия, — перебивает жену Сэм.

— Видите? — Тэлли снова смеется музыкальным перезвоном.

— Мне настолько очевидно нужна помощь? — интересуюсь я.

— Думаю, вам понравятся люди, с которыми я работаю. Они прошли через серьезные испытания, и удивительно, насколько они негибачемы. Они просто продолжают это делать.

— Что?

— Бороться.

Глава 48

Уже на полпути к машине меня догоняет Уилл и спрашивает, не хочу ли я заехать к нему домой выпить. Я никогда не была у него дома и немного теряюсь, когда он выезжает из городка и направляется на юг по прибрежной дороге, не останавливаясь, пока через пятнадцать минут не добирается до Элка. В своей ранней лесозаготовительной истории эта деревушка стремительно росла, но сейчас в домах, сгрудившихся вокруг универсама и столовой «У Куини», куда Хэп и Иден иногда возили меня завтракать по выходным, живут меньше пяти сотен человек.

Уилл ставит машину рядом с магазином. Беленые ступеньки ведут к узкой двери с номером квартиры.

— Я даже не знала, что тут кто-то живет.

— Я здесь не так давно. Должен предупредить, что я уже какое-то время не убирался.

Поднимаюсь по ступенькам и смотрю Уиллу между лопаток. Минута ощущается слишком интимной или, возможно, как раз *достаточно* интимной. Смотря как монетка ляжет. Сейчас она крутится, вращается, как юла, не принося ответа. Уилл открывает дверь и включает свет. Эта квартира простая и голая. Холостяцкой запущенности не видно. С другой стороны, он не холостяк.

— Когда ты съехал? — спрашиваю я, оглядываясь. Диван, кофейный столик, обеденный стол с одним пустым стулом, второй завален папками.

— Пару месяцев назад. Бет подумала, так будет лучше для детей.

— Мне очень жаль, Уилл.

Он безропотно пожимает плечами.

Глядя на его лицо, я понимаю, что все это время была не слишком хорошим другом. С ним явно не все в порядке, но я ни разу не попыталась спросить, что происходит с его браком. Я едва способна разобраться с собственным кризисом, где уж тут влезать в его проблемы... Но это нечестно и неблагородно.

— Хочешь рассказать мне об этом?

— Не уверен, что у меня хватит энергии, честно... — Уилл на секунду морщит лоб, потом стряхивает с себя мысль или ощущение и

поворачивается к холодильнику, чтобы достать бутылку водки. После того вечера, который у нас был, пить крепкое спиртное — не самая лучшая идея. Кроме того, я понимаю, что в последнее время слишком сильно налегаю на алкоголь, но по какой-то причине не могу заставить себя произнести любую из этих фраз вслух, когда он наливает водки со льдом в два стакана.

— Как прошла поездка в Гуалалу?

— Не особо. Со мной Карен тоже держалась замкнуто, но я все равно думаю, что у этих двух девушек больше общего, чем кажется. Помнишь, Карен говорила вам с Денни, что сексуальное поведение Шеннан началось... когда, в шестом классе? Это ярчайший признак. Уилл, никто в таком возрасте не станет делать в туалете минет по собственной воле. Влечение тут ни при чем. Секс тут ни при чем. Она пыталась избавиться от каких-то эмоциональных отходов, даже если сама этого не понимала.

— Ты думаешь, над ней тоже надругались?

— Возможно, но есть куча других вариантов, когда у Шеннан могло снести границы и рамки. К примеру, если она видела, как бьют ее мать. Слишком много неурядиц или пренебрежения. Возможно, Карен была настолько погружена в собственные проблемы, что не могла по-настоящему подружиться с дочерью или обдумать ее потребности. А ее отец? Он бросил семью, и это еще один удар для девочки. Еще одна дыра, которую требовалось заполнить.

Он подается вперед и взбалтывает лед в стакане.

— Ладно, допустим, ты права, и обе они посылают эти бэт-сигналы, обе принадлежат к одному типу — красивая девушка, с которой не всё в порядке. И что тогда? Какие парни на них охотятся? Кого мы ищем?

— Пока не знаю, но все время об этом думаю. — Щелчком пальцев подзываю к себе Сверчка и кладу руку на ее теплый загривок. Удивительно, как быстро я привыкла, что она рядом, как много она уже для меня значит...

— Ты когда-нибудь задумывалась, почему мы оба сейчас здесь?

— Потому что ты хотел выпить?

Я надеялась на улыбку, но Уилл слишком серьезен.

— В смысле здесь, в Мендосино. Когда тут все это происходит.

— Плохая карма? — пробую еще раз.

— Очень смешно. — Он откашливается, подвигается на диване ближе ко мне, пока между нашими коленями не остается пара дюймов. Достаточно близко, чтобы я чувствовала тепло его тела. — Хотя иногда это похоже на карму. Как там говорится — жизнь дает тебе то, с чем ты еле справишься?

Выдавливаю смешок.

— Мы с тобой не самые удачливые люди.

— Ага. — Он подносит стакан к губам, залпом допивает. Жест, который хорошо мне знаком. Чем быстрее ты пьешь, тем активнее пытаешься стереть то, от чего требуется избавиться. — Можно, я тебе кое-что покажу?

Успокаиваю себя стаканом в руке.

— Конечно.

Глава 49

Эта квартира — длинное сводчатое помещение с перегородкой в глубине, отделяющей ванную и спальню. Я ожидаю спальню и встревоженно думаю, не пропустила ли какой-то сигнал и не романтическая ли это уловка. Но когда Уилл открывает дверь и включает свет, я вижу только коробки, сложенные в центре пустой комнаты.

— А где ты спишь?

— На диване. Нормально. Все равно я мало сплю.

Я думаю о Хэпе. О его привычке прикорнуть в гостиной, натянув одеяло до подбородка — отдыхая, думая, размышляя о проблемах мира. Глядя на коробки с папками, я уже собираюсь спросить, что это такое, как вдруг до меня доходит. Решение Бет разойтись. Бессонница. Водка, которую Уилл пьет, как воду. Все это коренится в одной проблеме, в одной одержимости.

— Это про Дженни.

— Не только Дженни, но да. — Он открывает крышку верхнего ящика и вынимает зернистую фотографию симпатичной девочки-подростка. Нос пуговкой, ровные зубы, приоткрытые в полуулыбке, глаза чуть усталые, но все равно яркие, взгляд открыт будущему. Я не узнаю ее, но кажется, что должна.

— Ивонна Лиза Вебер. Одна из жертв убийцы из Санта-Розы.

— Погоди. — Я вспоминаю, как он поднял эту историю в разговоре с Фрейзером в Петалуме. — Что тут происходит?

— Просто мой проект. Многие из тех девочек пропали в тот же год, когда исчезла Дженни.

— Так ты думаешь, они связаны. — Я выдыхаю и сама удивляюсь. Не знала, что сдерживаю дыхание. — Никто не нашел связи. Я помню об этом еще с тех времен, когда мы были детьми.

— Верно, но я всегда думал, что власти что-то упустили. Что папа выпустил ниточку, или никто не посмотрел достаточно внимательно.

Вижу, как он возбужден, насколько все это для него важно и близко. Но не могу его винить. Моя собственная одержимость с самого начала подгоняла мою карьеру, и она по-прежнему здесь — возможно, громче и настойчивее, чем раньше.

— Ты думаешь, эти висяки имеют какое-то отношение к Кэмерон?

Взгляд Уилла мечется от коробок к моему лицу и обратно.

— Необязательно. Я просто не могу бросить идею, что способен разобраться с исчезновением Дженни. Возможно, где-то здесь есть подсказка. — Он вынимает другую фотографию — лучшая подружка Ивонны Вебер, Морин Луиза Стерлинг. — Они пропали вместе в феврале семьдесят второго, выйдя с роллердрома после наступления темноты. Им было тринадцать.

Мне не хочется брать фотографии, которые протягивает Уилл. Бумага, на которой они напечатаны, легка как перышко и невообразимо тяжела. Девочки могли бы быть сестрами, настолько они похожи. Карие глаза. Носы-пуговицы. Темные прямые волосы, расчесанные на прямой пробор и падающие на плечи. Их взгляды втягивают меня все глубже.

— Когда ты начал над этим работать?

Уилл пожимает плечами.

— С тех пор, как не стало Дженни.

«Дерьмо».

— Что тебе удалось выяснить?

— Что за двадцать лет любая одержимость здорово испоганит тебе жизнь.

— Ох, Уилл... — У меня трепещет сердце. Как хорошо я это знаю... — Я очень сочувствую.

— Она разрушила мой брак.

— Расскажи мне. Расскажи о Бет.

Он отводит взгляд, разглаживает пергаминовую обложку, набитую старыми газетными вырезками.

— Пожалуйста...

— Она святая.

— Святых не бывает.

— Тогда она святая *для меня*. Мы познакомились после колледжа, у горы Шаста. Я отдыхал там с приятелями, жили в палатках. Она с подругами остановилась в соседнем лагере. Вот практически и все.

Я улыбаюсь.

— Любовь и маршмэллоу?

— И пара ящиков светлого пива. Да. — Уилл снова лезет в коробку, достает новые фотографии, блокноты и стопки карточек, стянутых засохшими резинками. — Если не считать Дженни, сильнее всего меня накрыли эти девочки. Семь жертв за восемнадцать месяцев, включая

Дженни. Но эти двое были самыми младшими. Единственными, кого схватили вместе. Одна смотрела, как умирает другая... Страшно представить. Они были лучшими подругами.

— Двадцать лет — слишком много даже для одного «глухого» дела, Уилл, не говоря уже о семи. Неужели Бет действительно не понимает, почему ты продолжаешь этим заниматься? Она же знает о твоём прошлом. Знает, насколько тебе была близка Дженни. Как она могла потерять веру в тебя?

— Это не она. Она всегда в меня верила. *Я сам* разуверился в себе.

Я не знаю, что сказать.

— Я давно не открывал эти коробки. Наверное, с год. — Уилл чешет в затылке и втягивает воздух, стараясь сдержать слезы, как это делают мужчины, притворяясь, что у них простуда. Насморк. Всегда считала это трогательным и приводящим в бешенство, но в случае Уилла больше трогательным. Я ему сочувствую.

— А почему сейчас?

— Не знаю. Может, дело в Кэмерон и остальных девочках. Может, дело в интернете. У нас никогда не было такого инструмента. Не было ничего подобного. До миллионов людей можно дотянуться, просто нажав пару клавиш, и хотя бы один из них будет что-то знать.

Он прав. Это заря нового дня. Шанс расколоть это дело и множество других, тысячи и тысячи поисков с давно остывшим следом, заполнить разверзшуюся трясину.

— Я не верю, что это случайность. Мы оба были здесь тогда, и мы оба здесь сейчас. Разве это не знамение или что-то такое? Нам назначено заново вытащить все это наружу и раскрыть.

От его слов кружится голова. Большая часть меня отдала бы все, что угодно, только бы отыскать убийцу Дженни, по тем же причинам, что у Уилла, плюс моим собственным. Но он говорит и о других. Серьезное обязательство по любым стандартам.

Уилл не ждет ответа; внутренний импульс вздымается в нем, как волна.

— Тогда, в Петалуме, Баррези кое о чем упомянул, пока ты ходила за кофе. ФБР работает над общенациональной базой данных, связывающей криминалистические лаборатории по всей стране. Ты знаешь, как сейчас все медленно и насколько раздроблено. Как только они запустят эту новую базу, образец спермы из анализа в Сиэтле

можно будет сравнить с анализом осужденного насильника в Филли или Вашингтоне. Анна, только подумай обо всех «глухих» делах, которые смогут обрести новую жизнь! Это же рехнуться можно.

— Потрясающая штука. Но чем это нам поможет сейчас? Зачем ты привез меня сюда?

На его лице проступает какое-то сложное чувство. Он делает глубокий вдох, потом выдыхает.

— Я привез тебя сюда, поскольку надеялся, что ты тоже это увидишь. Что нам предназначено раскрыть убийство Дженни. И все остальные.

Он весь напряжен. Ему было сложно решиться показать мне эти досье.

— Возможно, когда-нибудь, — наконец отвечаю я, боясь обещать больше. — После того, как мы справимся с нынешними.

Уилл начинает придвигаться. Я чую его крем для бритья под запашком водки, которую мы пили. Чую его нервозность, его стремление.

— Уилл...

Но он уже наклоняется поцеловать меня. Поцелуй, который длится вечно, плюс недели кризиса и хаоса. Его губы теплые и настойчивые. У его рта вкус забытья.

Я солгу, если скажу, что мне этого не хочется. Не только ради секса, но чтобы отвлечься от всего, закрыть глаза и скрыться в его руках. Но когда все закончится, не окажусь ли я там же, где была, только с примесью вины и сожалений? Я и так уже принесла Брендану много боли. Даже если он никогда не узнает, я нарушила слишком много обещаний, чтобы добавлять к ним неверность.

Губы Уилла прижимаются сильнее, язык открывает мой рот.

— Не надо, пожалуйста. — Я неловко отступаю.

Выражение его лица убивает меня. Ему больно, он растерян. В его глазах, как буря, собираются десятилетия разочарований. Его уже выкинули из семьи. А еще вся эта нагрузка, город, непосильная работа. В конечном счете ему нужен не секс, а спасательный круг. Плот, который будет держать его на плаву в унылой пустоте, или хотя бы кусок дерева, пока мы вдвоем можем цепляться за него, вместе.

В соседней комнате звонит телефон, и я вздрагиваю. Резкий пронзительный звук.

— Пусть звонит, — говорит Уилл.

— Нет, возьми трубку.

— Анна...

Звонки продолжают целую вечность. Сверчок лает в гостиной, резко и звонко, и Уилл все же идет туда. Меня трясет. Я нахожу дверь в ванную, запираюсь и смотрю в зеркало. «Не делай этого». Думаю о Брендане, думаю о женщине, которой я совсем недавно была. Да, я совершала ужасные ошибки. И возможно, работа забирала у меня слишком много. Я была неспособна по-настоящему быть с ним и нашей семьей. Но это не значит, что я его не люблю. Часть меня не хочет сдаваться, надеется, что мне удастся вновь завоевать его доверие и вернуться домой. Но у меня не будет шанса, если сейчас я обращусь к Уиллу, какими бы уютными ни были его руки.

Я слышу, как в дверь скребется Сверчок, но еще на несколько секунд остаюсь в ванной. Плещу в лицо холодной водой и вытираюсь полотенцем Уилла. Даже это кажется слишком интимным. Мне ясно, что правильно, а что нет. Я все еще знаю, где путеводная звезда.

Вместе со Сверчком возвращаюсь в жилую комнату, пытаюсь подобрать слова, которые объяснят Уиллу, что он всегда был мне дорог — и что именно поэтому сейчас я должна уйти. Что я не могу дать ему то, что не принадлежит мне. Что мы не можем оставаться на этом плоту такими, какие мы есть, даже друг ради друга. Даже ради Дженни. Даже ради любого другого. Нам нужно отпустить плот и плыть что есть духу, в одиночку, поскольку только так можно достичь того берега, который что-то значит.

...Он только что закончил разговор. Тяжелая пластиковая трубка в его руке выглядит чужеродной и незавершенной.

— Они нашли машину, которая может принадлежать Шеннан Руссо. Сегодня вечером ее засек вертолет округа Сонома. Группа Денни выедет туда на рассвете, чтобы проверить.

— Нам нужно там быть.

— Согласен. Мы выезжаем в шесть. Оденься потеплее, день может быть долгим.

— Уилл... — говорю я, желая решить, где мы с ним, пройти, а не огибать. Это наш долг друг перед другом.

Но он обрывает меня.

— Поспи немного. Нам рано выезжать.

Глава 50

«Файербёрд»^[47] Шеннан спрятан в отдаленной части Монтгомери-Вудс. В часе езды, к югу от нас, в роще за малоиспользуемой пыльной служебной дорогой. Похоже, что капот и салон машины облили бензином и подожгли. Краска слезла, шины, сиденья, коврики и руль сгорели или расплавились. В какой-то момент лопнули стекла, веером разбросав осколки в круге сгоревшей травы и за его пределами.

Когда мы приезжаем, Денни Расмуссен и его люди уже на месте. С ними судмедэксперт и группа криминалистов, уже начавших работать с обугленной, осевшей машиной. Я разочарована степенью разрушений. Нам нужны отпечатки пальцев, волосы, волокна одежды... Что угодно, содержащее существенную информацию. Но эта машина — просто обгорелый остов. Трудно представить улики, способные пережить кремацию.

— Ты как? — спрашивает Уилл.

Я не могу понять по его голосу: речь идет о сцене перед нами или о чем-то более личном? Но в любом случае у меня нет времени на ответ. Криминалисты переходят к багажнику, который, похоже, сохранился лучше всего остального. Мы подходим ближе, пока они пытаются его вскрыть. А потом на нас обрушивается тишина. Запах бьет, как стена. Густой и тяжелый. Гнилой. Ее тело скручено, как зародыш, глаза открыты. Они ушли глубоко в череп, словно желе. Рот разинут, из дыры торчит кольцо зубов.

Я покрываю себя сталью, призываю слои эмоциональной брони, чтобы сосредоточиться на работе. Но это нелегко. Ее руки заведены за спину, кисти скручены проводом, возможно, шнуром от переноски. Багажник прикрыл тело от огня, но держал его во влаге и тепле. Жидкости тела образовали лужу, словно она погрузилась в озеро себя. Черви копошатся, как пена, как наступающий прилив.

— Матерь Божья, — бормочет Денни. Он мускулистый и светловолосый, с ногами, как у велосипедиста. Однако физическая выносливость здесь ему не поможет. Его лицо белеет. Мое, вероятно, тоже. Неважно, сколько я видела останков жертв, — каждый раз это ощущается как изнасилование психики. Человеческий разум не приспособлен для осмысления таких вещей.

Судмедэксперт Роберт Лисицки несколько минут молча изучает тело, потом рукой в перчатке пристраивает на нос очки в тонкой оправе.

— Белая, судя по волосам. Лежит здесь несколько месяцев, насколько я могу судить, основываясь на состоянии тела. Давайте это все запечатывать. Нам придется перевезти машину в закрытое помещение, чтобы ничего не потерять. Вы можете вызвать грузовик-платформу?

— Конечно, — говорит Денни и отходит, чтобы передать запрос. Один из его помощников делает шаг назад, словно собираясь последовать за ним, но бежит к кустам, где его рвет.

Я гляжу на Уилла, беспокоясь, как он. Он профессионал, но *такое* видит впервые. И мужчинам, похоже, всегда труднее справиться с подобными моментами, чем женщинам. Женщины крепче, потому что им приходится быть такими.

Я вижу, как его чуть ведет, но потом он снова выпрямляется. Лисицки достает из кармана две баночки из-под детского питания и аккуратно собирает образцы насекомых с тела. Будем надеяться, энтомолог поможет определить, сколько она здесь пролежала. И протокол вскрытия. А пока багажник обсыпан для снятия отпечатков, заклеен лентой, а машина сфотографирована со всех сторон.

Странно, что огонь не вышел за пределы большого выжженного круга, в котором стоит машина. Это лишено всякого смысла. Лето здесь — засушливый сезон. Пламя должно было охватить акры, если не больше. Половину этого чертового заповедника.

Уилл тоже это заметил. Он указывает на голые почерневшие кусты под останками кузова, потом на границу леса.

— Если этот парень не профессионал, ему здорово повезло.

— Возможно, он точно знал, что делает, — вступает в разговор Денни. — Может, он лесничий?

— У Шеннан не было никаких причин оказаться в этих лесах, — добавляю я. — Она не ходила в походы. Ей должны были чем-то угрожать или просто привезли сюда. Ее убийца хорошо знаком с этими дорогами. Он знал, что машину найдут не скоро.

— Мы прогоним персонал заповедника через базу данных и посмотрим, нет ли кого-то подходящего, — соглашается Денни. — Обычно Лесная служба тщательно проверяет прошлое кандидатов перед приемом на работу, но я не знаю. Он поджег машину, а потом как-

то ухитрился остановить огонь. Непростая задача, если только погода не поменялась.

— Я не помню здесь дождей в начале июня, — говорит Уилл. — Но мы сверимся с Национальным центром климатических данных.

— Он убил ее здесь или просто выбрал место, чтобы избавиться от машины и тела? — спрашиваю я, хотя знаю, что не получу ответа. Мы не знаем ничего, пока не получим протокол вскрытия и отчеты криминалистов, и то не факт.

— Давайте прочешем весь этот район, — размышляет Денни. — Здесь есть домики лесничих и хижины для туристов. Если он привез Шеннан в ее машине, то как выбирался отсюда, если только не поставил где-то поблизости свою? Или он живет где-то на территории заповедника?

— У него мог быть сообщник, — вступает Уилл. — Это одна из гипотез похищения девочки Клаас. Что был водитель, который ждал в машине, пока другой зашел в дом за Полли.

— Такое возможно, — приходится признать мне, хотя другой, внутренний, голос громко говорит «нет». Здесь был только один мужчина, достаточно сильный, чтобы засунуть тело девушки в багажник, и достаточно опытный, чтобы сдержать пожар в лесу, который хорошо знает.

Может, он действительно лесничий? В любом случае, если это тот же человек, который похитил Кэмерон в конце сентября, он ждал четыре месяца, прежде чем снова вышел на охоту. Неужели Кэмерон спрятана где-то поблизости? Продолжается ли ее жестокое испытание, или мы уже опоздали?

Снова гляжу на машину. Думаю о фотографиях в сумочке Карен, о косе «рыбий хвост». В этом багажнике нет ничего похожего на девочку, которая мечтала стать диснеевской принцессой. Но это Шеннан, я знаю. И перед смертью ее пытали.

Глава 51

Последний раз я была в заповеднике Монтгомери-Вудс еще подростком. День был теплым, в конце весны, — один из редких выходных Хэпа. Он повез нас из Мендосино по дороге Юкайя — Комптч: одна рука на руле, вторая выставлена в окно. За несколько миль до заповедника, на плохой и узкой дороге Ор-Спрингс, он свернул на обочину и заглушил мотор. Потом достал из багажника рюкзачок, неторопливо отпил немного воды из фляги и повел нас напрямиком в лес, туда, где на много миль не было ни единой тропы.

Путь был нелегким — именно такой мы оба и любили. Я с трудом поспевала за Хэпом; ветки цеплялись за джинсы, царапали руки, паутина липла к лицу и волосам. Но довольно скоро я приноровилась к его темпу. Мои ноги год за годом становились сильнее, а навыки многократно улучшились. Если в десять я была осторожной тенью Хэпа, то в пятнадцать стала ловкой и способной.

Кальмия^[48] уже отцветала. Белые и розовые звездчатые кисти, распадавшиеся тонкими слоями, покрывали землю, как конфетти. Миновав их густые заросли, мы углубились в небольшую долину, где царили папоротники и вьющаяся растительность береговых лугов. Воздух запах болотом. Мы прошли еще полмили на юг вдоль зеленого края луга и выбрались к плотному ольховнику, а за ним — к обширной роще мамонтовых деревьев. В центре рощи возвышался гигант — у меня заболела шея, когда я попыталась разглядеть его верхушку.

— Кое-кто расскажет тебе, что это самое высокое дерево в мире. — Хэп был в своей повседневной одежде: синяя фланелевая рубашка, джинсы и коричневый фетровый стетсон^[49]. Когда он говорил, его расчесанные, подернутые сединой усы шевелились. — Есть еще одно, в Хамболте; может, оно выше.

— А сколько оно в высоту?

Хэп прошелся взглядом по стволу, немного мохнатому, где древесные волокна вытолкнуло наружу, как пряди волос, рыжие и коричневые, почти человеческие. Потом ответил, негромко, отчасти себе:

— Разве это так важно знать? Если нечто забралось так высоко, невзирая на все, что обрушила на него вселенная, может, нам следует

просто сказать ему спасибо...

Как обычно, он был прав. Я проследила за башней ствола до далекого обрывка неба, мандалы из бледно-голубого, темно-зеленого и ржавого.

— Ты знаешь, где мы? — сдержанно спросил Хэп.

— В Монтгомери-Вудс?

— Что ты слышишь?

Тут я поняла, что он начал один из своих тестов на выживание. Ради удовольствия, но совершенно всерьез.

Я напряглась, потом успокоилась.

— Деревья шумят, будто шепчут.

— Они могут сказать тебе, как вернуться к машине? Ты смотрела по сторонам, пока мы шли?

— Думаю, да.

— Тогда давай решим, что ты заблудилась, а меня здесь нет.

— Но ты же есть.

Хэп улыбнулся.

— Меня нет. Что ты будешь делать?

— Искать тропу, — предположила я. — Искать воду.

— Выбирай.

— Тропа.

Он не сказал, да или нет. Выросшая в чужих домах, я стала мастером чтения лиц и угадывания эмоций, проецируя себя в других, но с Хэпом это никогда не срабатывало. Он был слишком глубоким и слишком спокойным, слишком внутри себя. Как там говорилось в песне о человеке, «я камень, я остров»^[50]? Хэп не был ни тем ни другим. Он был глухим лесом.

— Сколько сейчас времени?

Я посмотрела вверх сквозь древесный полог, чтобы понять, где солнце. Мы оставили машину около трех, прикинула я, и шли чуть больше часа.

— Четыре пятнадцать. У нас куча времени до темноты.

Редкая улыбка.

— Может, и так.

Я закрыла глаза и потянулась вовне остальными чувствами, не шевелясь, пока не начала слышать звуки, которых только что не было, — дрожь листа в паутине, вздохи струйки текущей под землей

воды. Было и много других. Но за всем этим, далеко — дальше, чем я действительно могла бы услышать, если анализировать рационально, — шум мотора, машин. Цивилизация.

— По-моему, я знаю дорогу.

С этого места вела я, из роши, через красный ольховник, следуя едва заметным знакам, которые подсказывали, куда идти. Какие-то промежутки между деревьями отличались от остальных, подстегивали память, предупреждали белыми отметинами грибов, мхами или лишайниками. Был солоноватый запах луга, влажный воздух у зарослей папоротников, полупрозрачный розовый ковер кальмий. Пару раз я теряла тропу, но Хэп не произнес ни слова. На этот раз он вообще не собирался помогать мне, но не из упрямства, а из любви. Он хотел показать, что я могу справиться сама. Что я умелая и изобретательная. Что могу доверять себе именно так, как он научился доверять мне.

Когда мы наконец-то добрались до машины, я следила, как Хэп закидывает рюкзак обратно в багажник. На уверенные движения его рук, на его спокойную концентрацию. Он был самым высоким, самым прямым деревом, которое я когда-либо видела. И когда он обернулся, я сказала:

— Спасибо.

Глава 52

Патологоанатом позвонил на следующий день с протоколом вскрытия. Причина смерти: асфиксия. Это подтверждают раздавленная подъязычная кость и характерные повреждения тканей шеи. Странгуляционные борозды предполагают длительное связывание.

— Когда Кёртисы услышат, они рехнутся, — говорит Уилл, как только заканчивает пересказывать мне протокол. — Начнут гадать, не будет ли Кэмерон следующей.

Мы в его кабинете, треплемся на фоне непрерывного стресса и избытка кофеина. Последние сутки были настолько выматывающими и выбивающими из равновесия, что я едва помню поцелуй в его квартире. Как будто его никогда не было, и это облегчение. У нас и так хватает проблем.

— Удушение почти всегда вопрос власти. Требуются серьезные усилия, чтобы убить человека таким способом. Ты видишь его глаза, чувствуешь его дыхание, знаешь, что можешь в любой момент остановиться и спасти его. Или нет.

— Господи, — тяжело произносит он. — Никогда не думал, что такое случится в мое время. Это почти сломало папу. Мне кажется, он так и не вернулся к тому шерифу, которым был раньше. Может, я недостаточно сильный или недостаточно умелый? Анна, блин, ну это же просто дерьмо!

Я знаю, чем сейчас забита его голова. Багажник. Тело. Это все и во мне.

— Постарайся не думать об этом, — мягко говорю я. — Ты справишься. Мы в одной упряжке.

— Ага, — отзывается Уилл, явно не убежденный. — Что ты думаешь о теории Денни насчет лесничего?

Профессия Хэпа всегда была для меня священной, но я должна признать, что идея вполне правдоподобная. Лесничий был бы местным, знакомым с территорией, хорошо чувствующим себя в лесу.

— Еще он может быть пожарным. Военным или из Национальной гвардии. Всех этих ребят учат справляться с огнем, и у них хорошая физическая подготовка.

— Верно. Кстати, ты заметила, что на собрании не было Дрю Хейга? Он, кажется, тоже уверенно себя чувствует на природе.

Я заметила. Если Эмили не смогла заставить себя прийти, учитывая, с чем ей пришлось иметь дело, это одно. Но у Дрю нет оправданий. По крайней мере, веских, если только там не случилось какое-то происшествие.

— Я думаю, он чего-то избегает. Как прошел второй тест на полиграфе?

— Техник отменил в последнюю минуту. Перенесли на среду.

— Это еще через два дня.

— Можешь не рассказывать. Но что делать? Мне всегда приходилось вызывать специалистов из других округов, а поиски Полли Клаас до сих пор стягивают на себя все ресурсы. Все способные люди работают там. Им на горячую линию по-прежнему трезвонят, а теперь все вообще слетят с катушек.

— Нам нужно срочно позвонить Роду Фрейзеру и поделиться информацией. Этот парень может быть тем же, который схватил Полли. Мы просто пока ни черта не знаем.

Уилл уставился на середину своего заваленного бумагами стола. Он уже на пределе.

— Давай вернемся на минутку к идее лесничего. Если это наш парень, как он выцепил Шеннан посреди леса, особенно если она ехала в Сиэтл? Она не шлялась по лесам.

— Он мог столкнуться с ней в каком-то публичном месте. В баре или еще где. Может, они даже встречались. — Я высыпаю в кофе еще два пакетика сахара, надеюсь, что это поможет думать. — Не исключаю даже, что это была случайность. Скажем, они пересеклись вечерком и отправились в какое-то тихое место, чтобы заняться сексом в ее машине. Но потом что-то щелкнуло, и у него поехала крыша. Он душил девушку и остается с трупом в машине. Затем едет в какое-то знакомое ему место, верно? Сжигает машину и свои следы — и пытается обо всем забыть.

— С июня по сентябрь... Четыре месяца. На какое-то время ему все удалось, или он думает, что справился. А потом появляется Кэмерон Кёртис. Почему она, а не кто-то другой? Что у них с Шеннан общего?

— Они похожи. У обеих длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор, и карие глаза. Обе не просто симпатичны, они красивы.

— Понимаю. Но с Кэмерон он точно познакомился не в баре. К тому времени что-то изменилось. Он ее выискивал.

— Ему пришлось. — Наклоняюсь на стуле, чувствуя, как твердый пластик давит на ноги. — Она не выбирается в большой мир — только школа, дом и, иногда, Грей Бенсон. — В висках начинает тупо пульсировать. — Идея безумная, но что, если все наоборот? Что, если это Кэмерон его отыскала? Помнишь стихотворение из ее шкафчика? «Я хочу распрямиться и больше никогда не сгибаться, ведь там, где я согнут, я лгу».

— Блин, ты его выучила...

— Прекрати. Послушай минутку. Кэмерон не просто пятнадцатилетняя девушка. Последние несколько месяцев она жила под прессом. Родители молчат или врут. Потом дела становятся еще хуже. Появляется ребенок, возможно, родители разведутся — или хуже того, не разведутся, и все будет идти, как сейчас. Она отчаянно хочет найти выход.

— А тот эпизод с бесплатной клиникой? — Уилл говорит так, будто не до конца уловил мысль. Если по-честному, моя теория развивается слишком стремительно. — Куда его вставить?

— Не знаю. Возможно, эта поездка должна была символизировать независимость — по крайней мере, поначалу. Может, Кэмерон пыталась выгородить собственную жизнь. Нелегко иметь такую мать, как Эмили. Прошло не так много времени с тех пор, как она перестала сниматься. А тогда ее узнавали на улицах. Однажды она попала в список пятидесяти самых красивых женщин нынешнего времени.

— Я думал об этом. В смысле, мы считаем эти журналы дурацкими, но Кэмерон, возможно, нет. Большинство девушек не настолько уверены в себе, чтобы соперничать с такой матерью.

— Если Кэмерон хотела как-то проявить себя, оставить собственный след, как ей это сделать? Как именно ей требовалось «распрямиться», и почему это привело ее к встрече с парнем, которого мы ищем, лесничим или военным? Что он мог ей предложить, какой путь бегства из стеклянного ящика?

— Пока не понимаю.

— Я тоже. — Чувствую, что в комнате заканчивается кислород. Что мы оба бегаем по кругу. Немного помолчав, говорю: — Кэмерон должна была доверять ему, чтобы встретиться с ним посреди ночи.

Откуда взялось это доверие? Как вышло, что именно этот мужчина не напугал ее, а притянул к себе? Вот самый хитрый вопрос.

Уилл издает звук, выражающий согласие.

— Помнишь, Эмили говорила, что у Кэмерон не было ни одного бойфренда?

— Именно. Шеннан, возможно, он просто где-то снял, но я начинаю задумываться, не привлекла ли его Кэмерон чем-то совсем другим? Не показалась ли она ему неким идеалом?

— То есть?

— Я часто встречала такую ситуацию в профайлинге, — пытаюсь дотянуться до слов, которые помогут понять ход моих мыслей. — Изгои, чужаки, которые не могут сблизиться с людьми, иногда фиксируются на невинной личности как на шансе собственного спасения через искупление. По крайней мере, они сами в это верят.

— погоди. Так он не психопат?

У меня явно не вышло.

— Может, и психопат. Но даже самый искореженный разум жаждет любви и сродства. Возможно, мы до сих пор не нашли тела Кэмерон, поскольку он думает, что она в состоянии выправить в нем все плохое, вернуть ему внутреннее ощущение правильности. Исцелить раны, которые нанес ему мир.

— Ну, не знаю, — с сомнением произносит Уилл. — Слишком много предположений. А почему ты считаешь, что этот парень был травмирован?

Смотрю на него, чувствуя себя расстроенной, не в своей тарелке. Этот день был слишком долгим и слишком трудным. Эта неделя, месяц и год.

— Потому что именно так ты становишься хищником.

Глава 53

Однажды Фрэнк Лири раздал всем в «Прожекторе» по экземпляру книги «Сексуальные маньяки: психологические портреты и мотивы» и сказал вызубрить ее, как Библию. Авторами были два криминалиста ФБР и психолог, специалист по врачебному уходу, которые организовали и провели десятки интервью с осужденными убийцами и насильниками, психопатами, социопатами, педофилами и садистами, пытаясь систематически разобраться в разуме преступника и поделиться этим с профессионалами в форме учебного пособия.

Это был провокационный материал. Они отправлялись в тюрьмы особого режима по всей стране, чтобы сесть напротив Чарльза Мэнсона^[51], Дэвида Берковица^[52], Эдмунда Кемпера^[53] и тридцати трех других, надеясь узнать. Не факты их дел или обвинений, не возможность их перевоспитания, а их мысли в моменты до, во время и после совершенных убийств. Как и почему они выбирали определенных жертв, что послужило поводом, с чего они начали фантазировать о жестокости, и в чем заключалась самая возбуждающая часть преступления — то есть, по сути, как мыслят жестокие убийцы и что они чувствуют в отношении всех аспектов своих действий.

Никто прежде не пытался так глубоко заглянуть в сознание преступника, не говоря уже о сборе и упорядочивании этих данных, чтобы работники правоохранительных органов вроде меня могли качественнее определять подозреваемых и эффективнее раскрывать преступления. И хотя меня беспокоила глубина фиксации на извращенных рассудках и то, как авторы временами задерживались на чудовищных, сенсационных подробностях, во время чтения книги во мне что-то щелкнуло и открыло больший вопрос, вопрос о связи между жертвой и преступником.

Я помню, как одним вечером пыталась поговорить об этом с Фрэнком в баре недалеко от офиса. Тусклое помещение, казалось, изгибалось вокруг нас, виски в стаканах трепетал и поблескивал.

— Когда читаешь такую книгу, насилие начинает казаться фильмом. Преступление становится тошнотворной интригой, а не реальной жизнью, а все отличительные подробности — сенсационными. Но оно настоящее. И жертвы, которые появляются

только как имена с крошечными фотографиями, просто цели, мы вообще их не знаем. Мы никогда не получаем полную картину, не узнаём, как они оказались втянуты в события, какое сочетание прежнего опыта сделало их уязвимыми, не в общем смысле, а для этого конкретного хищника. Это была бы потрясающая книга, верно? Именно то, что я хочу знать. — Тут я остановилась, переводя дыхание. Чувствуя каждое сказанное слово и его суть.

Он долго смотрел на меня.

— Ну, может, однажды тебе придется ее написать.

— Конечно. Прямо сейчас и начну.

— А почему нет? Это хорошие вопросы, и никто их не задает. Во всяком случае, пока. Анна, это явно твоя стезя. Я видел, как ты погружаешься в свои расследования, как заботишься о жертвах, как пытаешься понять их часть истории. Думаю, такой ты создана. Так почему не дать себе волю и посмотреть, что получится?

В тот день Фрэнк не знал — я никогда не была до конца честна с ним. Я не просто погружаюсь в расследования, а живу и дышу ими. Моя одержимость сделала меня хорошим детективом с высоким процентом раскрываемости преступлений, а заодно разрушила мою личную жизнь. Те вопросы, которые Королла задавала о сне и спиртном... Тогда я не сказала ей правды. У меня были постоянные кошмары, я часто просыпалась посреди ночи, чувствуя, как все тело гудит, перейдя в режим боевой готовности. Едва я закрывала за собой дверь, придя домой после работы, мне требовалось выпить чего-то крепкого, а лучше два-три раза, чтобы заглушить напряженность дня. Но даже отступая от грани, я не могла полностью приземлиться. Я постоянно думала об очередном расследовании, пытаюсь заново прогнать в голове допрос или вычленив важную улику. Мысленно расспрашивала свидетелей, даже в душе. Когда Брендан жаловался или сердился на меня, я уходила в защиту. Правда заключалась в том, что я не контролировала собственную одержимость и не имела энергии с ним спорить. Я никогда не произнесла бы это вслух, но муж не был моим приоритетом.

Потом дела стали хуже. Я только что вышла на работу после десятидневного отпуска по беременности и родам, когда Фрэнк выдал нам с напарником особенно напряженное расследование — младенца. Отец сообщил в полицию, думая, что мальчика украли

наркоторговцы. Они жили в неблагополучном районе, так что такой вариант нельзя было исключить. Между тем ребенку исполнилось всего шесть месяцев, у него были судороги, что-то связанное с тяжелыми родами. Ему все еще давали лекарства, и без них он мог умереть. Мы искали его, а время уходило, и стресс начал сказываться на мне. Мне постоянно снились дети, кричащие по другую сторону кирпичной стены. Целые семьи под водой, и до них невозможно добраться. Днем я была дерганой и рассеянной, и Фрэнк это заметил.

— Мне кажется, тебе нужно подольше отдохнуть, Анна. Я слишком рано вызвал тебя.

— Нет-нет. Я справлюсь. Просто гормоны или что-то такое...

— Хотя бы вернись к психотерапевту.

— Это необязательно.

— Анна, просьба о помощи не делает тебя слабой.

— Я знаю.

— Иногда я сомневаюсь, — заметил он, явно не убежденный. — С деткой все хорошо?

— Все отлично. — Мне удалось выдать бодрый голос. — У нас все отлично.

— Пусть так и остается.

...Через пару дней мы с напарником нашли тело Джейми Риверы в подвале дома его семьи. Мы обнаружили его почти случайно, под пятьюдесятью фунтами разделанной оленины. Морозилка была одной из тех старых моделей, которые открываются, как гроб. Компрессор поскрипывал, пока мы обыскивали помещение, распространяя химический запах. Мы уже открывали морозилку, но чутье подсказало мне вернуться и перепроверить. Он был в самом низу, под странными красными кирпичами, которые раньше были живыми существами. Мы выгрузили их на пол — и тогда увидели ребенка. Его ресницы, покрытые ледяной глазурью. Его маленькие синие ручки.

Часть IV

ИЗОГНУТАЯ РОЩА

Глава 54

Как только останки Шеннан Руссо опознаны, фургоны тележурналистов разбивают лагерь в Гуалале, перед «Ничего, кроме волос», и на Лэнсинг-стрит в Мендосино. Наше расследование наконец-то набирает обороты. Я не смотрю зацикленные сюжеты о Карен Руссо, потому что не в силах видеть ее лицо. Вместо этого сосредоточиваюсь на новом импульсе и направлении, обеспеченных найденной машиной и останками Шеннан. Эти находки помогают начать собирать и прорабатывать профиль убийцы, что, не исключено, поможет нам в поисках Кэмерон. Удушение Шеннан и поджог ее машины пока что мало соотносятся с образом действий похитителя Полли, однако Род Фрейзер получает информацию о каждой значительной находке, и мы постепенно, кусочек за кусочком, собираем картину.

В настоящий момент мы ищем сотрудника федерального или местного заповедника, пожарного или военного, вероятно, одинокого, в возрасте между 27 и 45 годами, основываясь на статистических данных и продемонстрированной им физической силе.

СМИ нравится устраивать шумиху вокруг психопатов и злых гениев вроде Чарльза Мэнсона или Дэвида Берковица, но в реальной жизни серийные убийцы обычно обладают средним интеллектом и редко демонстрируют явные признаки психических отклонений — по крайней мере, на поверхности. В нашем случае есть и другие причины полагать, что подозреваемый совершенно не выделяется на фоне других людей. Вероятно, он впервые встретился с Шеннан в каком-то общественном месте и не напугал ее. Не дал оснований встревожиться и устроить сцену. То же, скорее всего, верно и для Кэмерон, если меня не обманывает чутье. В силу ее возраста ему требовалось дольше искать подходы. Заготовить какое-то предложение, возможность или вариант, которых у нее не было дома. Сейчас нам нужно понять, какое именно, и прочесать десятки тысяч досье, надеясь, что кто-нибудь выскочит.

Останки Шеннан, обнаруженные в нашем округе, подталкивают поиски Кэмерон во всех смыслах. Нам все время не хватало доказательств и надежных улик. Теперь, когда связь между двумя

делами становится все очевиднее, у нас наконец-то есть живая сила и оборудование, не говоря уже о добровольцах. Территорию заповедника обследуют миля за милей вместе с устьями рек и береговой линией, особое внимание обращая на все хижины или шалаши в Монтгомери-Вудс или рядом с ним. У большинства серийных убийц есть «охотничьи угодья» — уютный для них радиус и четкая опорная точка. Территория, с которой они хорошо знакомы. При прочих равных Кэмерон находится в пределах плюс-минус тридцати миль от своего дома и сгоревшей машины Шеннан. Это наша самая достоверная сетка.

Поисковый центр Кэмерон Кёртис начинает работать круглосуточно. Владельцы местных компаний жертвуют канцелярские принадлежности, телефоны и факсы. Все помогают, как могут, заклеивая и отправляя конверты, развешивая листовки и отвечая на телефонные звонки. Уже звонят сотни людей. Кто-то просто хочет сказать, что молится за Кэмерон, другие предлагают десять или двадцать долларов, дети хотят пожертвовать свои копилки. Большинство звонков от женщин, не особо желающих называть себя.

— Я знаю, кто он такой, — говорит одна из них. — Я встречалась с ним в колледже.

«Паттерсон» готовит жареную рыбу для всех добровольцев. В школу Мендосино отправлена группа консультантов-психологов, чтобы предложить поддержку и утешение не только старшеклассникам, но и всем остальным ученикам. Некоторые из местных ребят начинают брать вечерние смены, ходят по домам и говорят с людьми; их организовал Грей Бенсон. Клей Лафорддж и Ленора ежедневно по несколько часов отправляют письма в гостиницы и рестораны, заправки, прачечные, в любое место, где может найтись человек, который видел Кэмерон после ее исчезновения. В каждый конверт — идея Леноры — вложена записка, написанная от руки, просящая получателя письма повесить листовку в заметном месте и не позволять срывать ее или заклеивать. Мелкий штрих, прямой и личный.

Ванда вызывается дежурить в центре по ночам.

— Все равно я сова, — поясняет она, когда я нахожу ее там, у длинного неустойчивого стола. Ванда раскладывает по конвертам листовки. Оживляется при виде Сверчка, они приветствуют друг друга, как старые друзья. А потом дверь распаивается, и входит Гектор. Он моргает под желтыми лампами дневного света. На нем джинсовая

куртка, из-под которой выпирают мышцы, и те же грубые ботинки, которые я видела в Юкайе, но выражение лица нерешительное. Неуверенное.

— Я прочел про убитую девушку, — говорит он. — Такое не должно случиться с Кэмерон. Скажите, что мне делать.

Сверчок рысит к нему, чтобы заново обнюхать. Ванда говорит «привет», похоже, понимая, что тут кроется какая-то история, но сейчас не время ее выяснять.

— Ты можешь помочь с почтой или в поле, — предлагаю я. — Каждый день у нас выходят четыре или пять поисковых отрядов. Приходи завтра утром. Мы будем здесь.

Гектор кивает, оглядывает помещение и идет к стенду, нашему святилищу Кэмерон. Его взгляд перебегает с одной фотографии на другую, со стихов на рисунки, изучает все частички сестры, которую у него не было шанса узнать.

Тронутая этим, я подхожу и встаю рядом. Гектор не отрываясь смотрит на незнакомое мне фото. Грей, должно быть, принес его недавно, может, даже сегодня. Кэмерон на этой фотографии почти невозможно узнать. Ее волосы стянуты в длинный гладкий хвост и спускаются с левого плеча. Глаза накрашены профессионально, с «кошачьим глазом», который делает ее не старше, но мудрее, увереннее и опытнее. А еще в ее позе и выражении лица есть что-то искусственное — я сама не знаю, как это объяснить, — словно девушка позирует для камеры, притворяется кем-то другим, не таким красивым, но знаменитым. Короткая черная блузка со свисающими рукавами оставляет живот обнаженным. Черные обтягивающие джинсы кажутся нарисованными на теле над черными ботинками на низком каблуке. Но в ее шкафу не было ничего подобного. Это вообще ее одежда?

Гектор по-прежнему не отрывается от фотографии.

— Где это снято?

Я подхожу вплотную. На заднем плане деревья и зелень. Кэмерон прислонилась к рельефному стволу, изогнутому, как тело. В тени ствол кажется лиловым. Свет жутковатый и знакомый. И форма деревьев тоже. Внезапно во мне начинает дребезжать ужас, будто дурное предчувствие стало правдой. Это крумхольц. Изогнутая роща.

Глава 55

Еще нет семи утра, но я уже на Гато-стрит. В моей голове гудит рой вопросов. Этот крумхольц — случайное место, где решили пошляться Кэмерон и Грей, или он связан с территорией убийцы? Неужели я пропустила его следы, когда забрела туда? Был ли он тогда где-то рядом? Наблюдал ли за съемкой? Приводил ли он туда Кэмерон несколько раз или только однажды? И в любом случае почему ее так трудно узнать на этой фотографии?

Ди Энн открывает дверь в халате и тапочках. Она выглядит взъерошенной, но без макияжа кажется мягче. Предлагает кофе и ведет меня в кухню, где Грей собирает в школу ланч: сыр и яблоки в коричневом пакете, газировку «Доктор Пеппер» и кекс. Все такое обыденное и простое, что ужасно не хочется задавать свои вопросы.

Я достаю фотографию Кэмерон.

— Грей, это ты снимал?

— Ага. — Похоже, он растерялся. — Мы решили поснимать, когда заскучали летом. Просто фигней страдали.

«Правда?» Кэмерон не выглядит здесь как подросток, который решил убить время. У нее была какая-то цель, пусть даже я пока не могу ее определить.

— По-моему, отличный кадр. Она даже на себя не похожа.

Грей оживает.

— Я сделал ей макияж. Я получил новый фотоаппарат на день рождения. Она меня тоже снимала.

— Почему ты выбрал это место? Ты там уже бывал?

Он трясет головой.

— Это была ее идея. Сначала я подумал, что это прямо кошмар, но свет был офигенный.

— Съемка тоже была ее идеей?

— Наверное. Я уже не помню, кто придумал.

— Я не узнаю одежду Кэмерон. А ты?

— Она принесла ее с собой. Купила в секонде прямо перед встречей.

— Грей. — Я ставлю кофе на стол. — Это не похоже на одежду из секонд-хенда. Но в любом случае, если она принесла ее с собой, значит,

у нее была какая-то цель.

— До меня не доходит. А зачем?

— Отличный вопрос. Она когда-нибудь упоминала об этой роще? Ты помнишь, что она сказала, когда предложила это место?

— Нет. — Грей морщит лоб. Мои вопросы его пугают. Он явно не отметил тот день, как потенциально значимый для исчезновения Кэмерон, и теперь беспокоится, что упустил нечто важное, шанс помочь мне, шанс найти своего друга.

— Ничего страшного, — стараюсь я его успокоить. — Скажи, Кэмерон когда-нибудь говорила, что хочет стать моделью?

— Она недостаточно высокая. Она знала об этом.

— Я не имею в виду практическую сторону вопроса...

Пока я мусолю слова, ища правильные, Ди Энн садится, плотнее запахивая халат.

— Милый, я думаю, Анна спрашивает, *мечтала ли* Кэмерон о такой жизни. Ну, как бывает в вашем возрасте, когда ребята хотят путешествовать по миру, стать знаменитыми, встречать интересных людей... Сделать что-то удивительное.

Грей моргает. Его ресницы тронуты тушью. Макияж легкий, почти незаметный.

— Конечно, иногда мы об этом разговаривали. Ее мама всегда плохо отзывалась о Голливуде, о жизни красавицы-знаменитости, но иногда мы с Кэмерон говорили, как было бы здорово, если б нас открыли, как Эмили. Если б у нас было достаточно денег, чтобы поехать вместе, куда захотим. Разве не всем этого хочется?

— Я еще никогда не встречала подростка, у которого бы не было таких фантазий. Неважно, насколько нереальными или далекими они кажутся. Чем жестче реальный мир, тем важнее становятся мечты. Понимаешь, о чем я?

— Все эти штуки, от которых она страдала? Родители все время врут, и еще кусочки воспоминаний возвращаются...

Я ободряюще киваю.

— Да. Это вполне логично, верно?

Стул Ди Энн скрипит. По выражению ее лица видно, что Грей не рассказывал ей ни о ситуации у Кэмерон дома, ни о результате визита в клинику. Но она не отстраняется и не возмущается. Возможно, она чувствовала тьму, которую несла в себе Кэмерон.

— Мечты могут рассказать нам о многом, — продолжаю я. — Они — своего рода карта внутренней жизни. Иногда думать о том, кем мы однажды можем стать, это единственный способ преодолеть ту реальность, в которой мы живем.

Взгляд Ди Энн нежен.

— Например, когда плохо подходишь для маленького городка, где никто не выглядит и не думает как ты, сынок.

Я не могу ею не восхищаться. Она воспитывает сына в одиночку. Грей ни разу не упомянул отца, но Ди Энн, похоже, хорошо справляется сама. По крайней мере, в одном. Она старается встретить сына там, где он есть, принимая его, пока он ищет свой путь, любя его.

— Наверное, да, — тихо отзывается Грей.

— Мечтать — это храбрость, — говорю я. — Иногда они все, что у нас есть.

* * *

После беседы с Греем я еду в лес у Джаг-Хендл, надеясь отыскать хотя бы фрагменты нужных ответов. Сверчок торопится вперед, словно давно знает дорогу; наконец ныряет в разрыв между деревьев. Утреннее солнце пробивает лесной полог копиями. Лучи сверкают на десятках паутин, превращая их в бриллианты. Одни размером с кленовый лист. Другие крошечные, усеянные жемчугом росы, будто гамаки или крылья фэйри^[54]. В таком месте можно поверить во что угодно: в цивилизации, живущие под шляпками грибов, в то, что законы природы здесь бессильны или неважны.

Пока Сверчок изучает местность, засовывая нос под низкие изогнутые ветви, я провожу собственную неторопливую разведку. Для каких-то физических следов прошло слишком много времени, но то, что получается отыскать, глубже и тоньше. То, что можно не столько увидеть, сколько почувствовать. Перевожу взгляд с одной ветви на другую. Где в тот день стояла Кэмерон, здесь? Или здесь? Чего она желала, когда смотрела вверх, а ее лучший друг наводил объектив? Кто появился, чтобы подтолкнуть ее надежду? Как он впервые дотянулся до девушки?

Мне трудно представить себе крючок, который появляется из пустоты: мужчину, останавливающего Кэмерон на улице после школы и спрашивающего, не хочет ли девушка стать моделью. Даже при всем ее отчаянии и испорченных личных границах, разве она не расскажет Грею о том, что собирается делать? И в любом случае, если именно так хищник привлек ее внимание, а потом поманил щедрыми обещаниями, может ли человек, которого мы ищем в последнее время — лесничий или сотрудник заповедника, хорошо знающий эти территории, — убедить Кэмерон, что эти снимки приведут ее к успеху или даже сделают знаменитой? Как связаны эти два элемента, если вообще связаны? Или мы ошибаемся насчет лесничего, и я сделала ставку на какие-то бредовые домыслы? Проследовала по ложному пути к месту, которое ничего не значит?

«Поговори со мной, Кэмерон. Пожалуйста». Но только Сверчок шуршит; ее шерсть пестрит на солнце, а вокруг парит, не ложась на землю, белая пыльца.

Глава 56

Когда Иден умерла в сентябре 1975 года, мы похоронили ее на кладбище Эвергрин, на семейном участке Стрейтеров, рядом с матерью и отцом Хэпа, его бабушкой и дедушкой, дядями и тетями. Даты на камнях уходили в прошлое. Еще до 1850-х.

Хэп не произнес надгробную речь — сказал лишь несколько слов на поминальной службе. Он не хотел, чтобы люди собирались в доме с утешениями, не хотел носить костюм дольше необходимого. Он просто хотел быть в лесу.

После мы отправились в заповедник Ван-Дейм, только он и я. В папоротниковый лес. Мы шли, особо не разговаривая. Что тут было сказать? Шли час с лишним без отдыха, пока не достигли затененного места у реки. Там мы сели на большой плоский камень и сидели бок о бок, просто глядя на воду.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о мальчишке, который случайно выстрелил в своего брата?

Я покачала головой. Даже если б я уже слышала эту историю, то все равно сказала бы «нет». Я бы сделала все, что угодно, лишь бы Хэп говорил. Годился любой рассказ. Любой урок. Я нуждалась во всех.

Мальчишкам было шестнадцать, сказал мне он. Джейк и Сэм Дугласы. Близнецы. Сначала ему сообщили только об их пропаже после пешей прогулки. Мать привезла их сюда, в заповедник Ван-Дейм, а потом перепугалась, когда они не вернулись на парковку через три часа.

Группа Хэпа вышла в тот же день, до темноты, но вернулась с пустыми руками. На следующее утро он собрал больше людей и вернулся в лес. Заповедник занимал восемнадцать сотен акров, с десятимильной тропой вдоль Литтл-Ривер, которую чистили и обслуживали. Мать мальчишек настаивала, что у них не было причин забрести в глушь, но на всей протяженности тропы ничего не нашли. Ни в карликовом лесу с губчатой после недавнего дождя почвой. Ни в рощах чахлах кипарисов, ни среди рододендронов, ни в кедровнике.

Только к вечеру второго дня один из лесничих заметил ярко-синюю рубашку в хорошо скрытой полости в стволе мамонтового дерева. В маленькой пещере, где корневая система раскрылась, как потайная дверца. В тесном внутреннем пространстве нашли Сэма Дугласа,

онемевшего, оглохшего и полностью дезориентированного. Под ним лежал его брат Джейк, истекавший кровью от пулевого ранения в бедро, едва не оторвавшего ему ногу. По-видимому, мальчишки, стащив пистолет деда, решили потренироваться в стрельбе. И пистолет выстрелил в руках у Сэма. Растерявшись, парень затащил тело брата в пещеру под деревом и прятался там весь день и ночь, стыдясь того, что натворил.

— Он умер? — я не сомневалась в ответе. В его рассказах всегда кто-нибудь умирал.

— На самом деле в этом и была самая треклятая загвоздка. Джейк потерял сознание и скорее всего истек бы кровью, если б Сэм побежал за помощью. А так вес его тела пережал рану.

— Подожди. Он не знал, что брат еще жив?

— Как я вижу, в этом самое интересное. Он думал, ему нет прощения, но оказалось, что он ошибался. Жестоко ошибался, но вера в эту ошибку спасла жизнь его брата. — Хэп посмотрел на меня — убедиться, что я не потеряла мысль. Это была важная часть. — Знаешь, мы не всегда понимаем, что именно проживаем или что оно будет значить. Мы можем сколько угодно гадать, можем готовиться, но никогда не будем знать, чем все обернется.

Я пыталась постичь его слова. Он все еще говорил о тех мальчишках или пытался донести нечто большее: о нас, о сейчас, об Иден и том, как мы сможем жить дальше без нее? Я хотела времени, достаточно, чтобы спросить его и услышать ответ, хотела годы, десятилетия... вечность. Но он уже отдохнул и собирался двинуться дальше. Урок был окончен.

...Мы провели вместе еще один год, а потом я уехала в колледж Университета Сан-Франциско. Хэп сам отвез меня; заднюю часть его «субурбана»^[55] распирала коробки и постельное белье. Мне следовало радоваться началу нового приключения, но я уже скучала по дому. И я еще даже не вылезла из машины.

— Я приеду на День благодарения, — сказала я, когда мы все распаковали и ему уже было пора ехать обратно. Я пыталась, но не смогла удержать ровный тон, быть сильной, когда чувствовала совсем другое.

— Береги себя, милая, — сказал Хэп, закрывая дверцу машины. Его ладонь на мгновение задержалась на уплотнении опущенного

стекла. — Веди себя хорошо.

...Через два месяца, ранним утром 12 ноября 1976 года, один из младших лесничих Хэпа нашел его рюкзак в семи милях от начала тропы в заповеднике Рашн-Галч, но самого Хэпа нигде не было. Никто не видел его со вчерашнего дня, когда он в одиночку отправился пройтись, отдохнуть. Обширные поиски, даже с участием К-9^[56], ничего не дали. Хэп растворился в воздухе.

Я была в спальне общежития, когда мой куратор зашла сказать, что мне звонит Эллис Флад. Я сидела в ее кабинете на жестком стуле, глядя на крашеную шлакобетонную стену, на ламинированный постер о подростках и стрессе. Эллис Флад говорил, но я едва воспринимала его слова, погруженная в растерянность и неверие. Что могло заставить Хэпа сойти с тропы без припасов и даже воды? Он был непревзойденным профессионалом, прекрасно знакомым с трудностями и опасностями любой дикой территории. И с ним случилось что-то страшное? При его навыках и опыте? Для меня это звучало бессмыслицей.

— Разумеется, мы будем продолжать поиски, — заверил Эллис, — но, Анна, возможно, от горя он потерял концентрацию. Мы с тобой знаем, что после смерти Иден Хэп был сам не свой.

Он был прав, но мне не хотелось это признавать. Вместо этого я заплакала, пока шериф потихоньку продолжал, пытаюсь объяснить ход своих мыслей. Хэп мог допустить какую-то роковую ошибку и заблудиться или заработать переохлаждение. Он мог оступиться и упасть в овраг. Он мог потерять ориентиры и утонуть, на него мог напасть медведь. Такое случалось регулярно, даже с теми, кто знал, что делает. А тело, должно быть, лежит где-то в лесу, слишком хорошо укрытое от поисковых партий и собак, либо его утащили медведь или пума. Эллис не оставлял надежды — он просто хотел, чтобы я начала задумываться, что мы можем так и не найти Хэпа.

Следующие недели были адом. Я ждала любых новостей. Не могла сосредоточиться ни на занятиях, ни на домашней работе, почти не ела. Каждые два-три дня звонила шерифу Фладу. Наконец, незадолго до рождественских каникул, когда прошел месяц, а они так и не отыскали ни единого следа, он сказал:

— Анна, мы все еще продолжаем поиски. Но где-то в глубине души я начинаю задумываться, не сознательно ли Хэп сошел с тропы.

Он мог решить покончить с собой.

Я разговаривала по платному телефону в коридоре общежития. Эллис продолжал говорить, но я забилась в угол и тряслась в рыданиях, не заботясь, что меня увидят или услышат. Если Хэп хотел умереть, конечно, именно так он и поступил бы — в лесу, один, на собственных условиях. Без драмы, без фанфар. Без прощаний. Как бы мне ни хотелось верить, что он никогда меня не оставит, даже если ему очень плохо, мне уже исполнилось восемнадцать и я перестала быть его воспитанницей — по крайней мере, с точки зрения государства. Он исполнил то, что обещал.

Слова Эллиса продолжали звучать из телефонной трубки, крадя воздух из моих легких.

— Будут похороны? — с трудом выдавила я, чувствуя странную пустоту.

— В подобных случаях должно пройти много лет, прежде чем государство признает человека мертвым. Но тут говорят о поминальной службе. Я буду держать тебя в курсе, чтобы ты могла приехать на нее.

«Домой». Казалось, это слово в одно мгновение полностью перекроилось. Без Хэпа и Иден Мендосино стал просто местом — каким-то местом — или так мне казалось сквозь горе.

— Конечно, — сказала я, потом поблагодарила его и повесила трубку. Больше я никогда туда не возвращалась.

Глава 57

Выхожу из роши и направляюсь напрямиком на Наварро-Бич, к югу от городка, чтобы встретиться с поисковой группой. Парковка маленького пляжа находится в конце заросшей дороги, которая ведет мимо старой таверны времен лесорубного бума девятнадцатого века. Тогда все побережье покрывали лазейки, как их называли, — маленькие отгрузочные точки, где работники лесопилок отправляли по шатким желобам доски к ожидающим шхунам. Позднее здесь поселились китобои, контрабандисты и женщины дурной репутации. В течение семидесяти пяти лет — целое поколение — эти места разрастались и процветали при поддержке салунов, продовольственных лавок и домов, больше похожих на палатки. Сейчас здесь есть только эта заброшенная таверна — памятник былых времен, — широкая полоса песка, покрытая пла́вником, и группа из двадцати или тридцати человек на парковке.

Вылезаю и пристегиваю Сверчка к поводку. Замечаю неподалеку группу женщин, застегивающих ветровки поверх спортивной одежды. Одна из них — Эмили, и я испытываю гордость за нее. И удивление. Для нее это большой шаг. Секунды спустя замечаю Гектора. Он топчется на месте, будто у него уже замерзли ноги в ботинках. Скорее всего это нетерпение. Мысль, что он может найти сестру слишком поздно. Или вовсе не найти.

Странно видеть его и Эмили в двадцати футах друг от друга. В течение пятнадцати лет жизни Кэмерон они разделяли ее, слепо и разобщенно, зная совершенно разные версии одной и той же девочки. Версии, которые никогда не соприкасались. Но сейчас они почти встретились.

Организует отряд Билл Манси, отец Кейтлин. Пока что он делит людей на маленькие группы. Я быстро здороваюсь с Гектором, а потом пристраиваюсь поближе к Эмили, чтобы оказаться вместе с ней. Я не видела ее с тех пор, как нашли тело Шеннан, и хочу знать, как у нее дела.

Кажется, ей легче от того, что этим утром у нее есть чем справиться со своими страхами. Я чувствую то же самое, когда группы начинают расходиться с парковки. Нашей группе назначена самая

северная часть пляжа, где больше всего плавника. Прилив приносит его и оставляет выбеленными солнцем кучами, где подростки, художники и вольные люди роются в нем, чтобы соорудить убежище изгнанника или создать странные, детальные скульптуры, собранные вместе природой и вкопанные в песок.

Я всегда считала эти структуры прекрасными, но сегодня дует холодный ветер, солнце спряталось, а мы не гуляем, а ищем тело или место убийства.

— Вы нашли ту девушку, — говорит Эмили, едва мы выходим с парковки. Голос у нее ломкий, хрупкий. — Как это повлияет на поиски моей дочери?

— К сожалению, пока мы не знаем. Но в некотором смысле это хорошие новости. Сейчас нам помогает ФБР. У нас намного больше рук и больше ресурсов. Очень надеюсь, скоро что-нибудь сработает. Мы ее найдем.

Она не отвечает. Я следую за ее взглядом до длинного штабеля плавника с пустотами и затененными участками, которые сегодня кто-то будет осматривать, тщательно и даже скрупулезно. По тому, как напряжено тело Эмили, можно догадаться, о чем она думает. «Найдем» вовсе не означает «вернем живой».

Я незаметно увожу нас на север, где пляж расширяется, ограниченный только черными камнями утеса в дальнем конце и маленьким эстуарием^[57], который уже обыскали. Но Эмили это знать ни к чему. Мы идем бок о бок; ветер дует в спину, его порывы легонько подталкивают нас, почти как руки. Песок несетя, сверкает, дарит воздуху тело, сделанное из стекла. Мои руки замерзли, и я засовываю их глубоко в карманы.

— Вы знали, что Кэмерон хотелось поработать моделью? — решаю приоткрыться. Поделиться своими размышлениями, даже если это не самая лучшая идея.

— Что?.. Нет. Кэмерон даже никогда не красилась. В ней не было ничего девчачьего.

— Снаружи, возможно... — Достая фотографию и протягиваю ей. Эмили застывает на полушаге, словно увидела змею.

— Это даже не похоже на Кэмерон. Когда это снято?

— В самом конце лета, перед началом учебного года. Думаю, она работала над своим портфолио. Она никогда не упоминала о таком

своим интересе?

— Я бы сказала, нет.

— Почему?

— Потому что она осталась бы с разбитым сердцем.

«Разбитое сердце — привилегия человеческого бытия», — не раз говорила Иден. Я не понимала, что она имеет в виду. Мое сердце было разбито много раз — и что, я должна сказать спасибо? Но сейчас, спустя столько лет, наконец начинаю понимать, что в действительности она говорила обо всей жизни. Невозможно быть живым и ни разу не почувствовать боли, если живешь правильно.

— Она очень красивая, — говорю я. — У нее вполне мог быть шанс.

— Мир полон красивых девушек.

— Даже если б она потерпела неудачу, это был бы ее выбор, верно? Отчасти она до этого додумалась.

Эмили не отвечает.

Мы в сотне ярдов от края эстуария, неглубокого канала с морской водой, чей берег покрыт пеной, в полутора сотнях ярдов от границы прилива. Мой взгляд привлекает какой-то предмет на ровной поверхности воды. Камень или ныряльщик. Но это тюлень, всплывший на краю эстуария. Мы видим, как он вытягивает себя из мутной воды: его передние лапы, гладкую коричневую голову, нос, нацеленный на прибор. Ему нужно вернуться туда, дюйм за дюймом, обратно в море. Никто не поможет ему добраться туда.

— Почему вы сейчас об этом вспомнили? — говорит Эмили. — Какое это имеет отношение к делу?

— Просто пытаюсь понять мечты Кэмерон.

— Зачем?

Сама не знаю, почему, но не могу отвести взгляд от тюленя. Смотрю, как он сражается с рыхлым песком, приподнимается и бросает тело вперед. Он не создан для таких движений, вообще не создан для земли, только для воды. И все же он продолжает путь.

— Иногда о людях можно узнать больше всего именно из их мечтаний. Кто мы, когда никто не видит, кем мы на самом деле хотим быть, если сможем туда добраться.

Эмили смотрит на фотографию, потом на меня. Она растеряна, разгневана — или все сразу.

— Вы говорите, что *эта* Кэмерон реальнее, чем та девочка, которую я видела каждый день?

— Дело не в макияже. Я не об этом. Я говорю *о желании*. О стремлении стать больше, сложнее.

Эмили качает головой, и я вижу, что она меня не понимает. Может, это потому, что я сама едва себя понимаю. Похоже, я затеяла абсолютно неудачный разговор.

Прежде, чем успеваю подвергнуть себя цензуре или передумать, я говорю:

— Эмили, я не хочу сделать вам больно или потрясти вас, но есть основания подозревать, что ваша дочь еще ребенком подверглась сексуальному насилию. Вам что-нибудь об этом известно?

Она замирает, мгновенно, будто я ее ударила. В каком-то смысле так и есть.

— Откуда вы вообще такое взяли?

Я могу только говорить дальше, ненавидя каждое свое слово.

— Некоторые доказательства поступили из клиники, в которой Кэмерон была месяц назад. Сейчас я не вправе сообщать вам больше, но осмотр показал внутренние шрамы.

— Что? — слово рвет воздух между нами. Песок под ногами кажется предательским, скрывающим ножи. Из всех вопросов, с которыми сейчас сражается Эмили — почему Кэмерон вообще поехала в эту клинику, почему скрыла поездку от нее, — только один обладает властью уничтожить ее. Слегка. Или совсем. Меня тоже.

— Вы можете припомнить момент в детстве Кэмерон, когда она начала меняться? У нее могли появиться ночные неприятности с туалетом. Или она просилась спать с включенным светом. Возможно, кошмары, внезапные истерики, сильная эмоциональная реакция без причин...

— Я не знаю. Я не могу вспомнить ничего подобного. — Эмили качает головой, думает. Ветер треплет ее волосы медового цвета.

— Лидия говорила, что раньше Кэмерон выглядела живее. В этом есть какая-то доля правды?

— Я не знаю, — повторяет Эмили. — Возможно. В какой-то момент у нее начались частые боли в желудке. Я думала, она просто нервничает по поводу экзаменов или что-то в этом роде. Она впечатлительная девочка.

— Сколько ей тогда было?

— Восемь или девять.

— Когда эти симптомы проявлялись сильнее? По утрам? Когда она садилась за домашние задания?

Я вижу, как разум Эмили путешествует в прошлое, отыскивает воспоминания; вижу, как эти воспоминания, будучи найденными, меняются.

— Вообще-то со школой у нее все было в порядке. Отметки оставались хорошими. Домашние задания она делала легко. Кроме одного года. Кажется, в четвертом классе. Тогда она целый семестр провела дома, со мной.

— Целый семестр? Почему?

— У нее был мононуклеоз. Мы еще думали тогда, что это немного забавно. Что она так рано подхватила «поцелуйную болезнь».

— Да, раньше его так называли. — Я отвечаю осторожно, потому что мы наконец-то к чему-то пришли. Мне требуются усилия, чтобы говорить медленно, взвешивать каждое слово. — Но в действительности это подавленная иммунная система. Такое бывает при стрессе. Вы не помните, что в это время происходило дома? Рядом с Кэмерон появлялись какие-то новые взрослые? Люди, которые особенно интересовались ею?

Она моргает, едва не разваливаясь на куски.

— О чем вы на самом деле спрашиваете?

— Эмили, мне нужно, чтобы вы подумали. Кто мог причинить вред Кэмерон, когда она была слишком юной, чтобы защититься? — «когда вас не было рядом», — едва не произношу я. Но это ни к чему нас не приведет. Мне нужно выстроить между нами мост, а не стену. — Когда она была уязвимой.

Эмили оцепенела и так испугана, что я едва нахожу в себе силы смотреть на нее. Все это застало ее врасплох. Вскрыло ее панцирь. Она начинает плакать. Сначала тихо, потом все громче. Ее лицо сейчас перекошенное, некрасивое. Честное.

— Зачем?

— Такое случается. — «В жизни случаются ужасные события», — доносится из моего сердца голос Хэпа. — Подумайте, Эмили. Подумайте о том, что вы мне сейчас рассказали. В четвертом классе у нее был мононуклеоз. Перед этим — боли в животе. Что в жизни

Кэмерон изменилось, когда ей было восемь или девять? Это «когда» может подсказать нам, «кто».

— Вы наверняка думаете, что я ужасная мать...

— Я так не думаю. — И это правда — возможно, впервые. Мое прежнее осуждение Эмили сейчас, после этого разговора, кажется жестоким. Может, я не была честна с ней с самого начала, глядя на нее в зеркале и ненавидя себя. Она пыталась поступать правильно, даже когда ее собственная боль делала эти поступки труднее, чем следовало. — Вы делали все, что могли.

Она вздрагивает.

— Я старалась.

— Подумайте еще. — Я нажимаю мягко, как только могу.

— Тогда мы еще жили в Малибу...

— Какие-то новые няньки или соседи? Друзья семьи?

— Нет.

— Вы никогда не оставляли ее одну с другими людьми?

— Нет, — повторяет Эмили, но слово щелкает, крутится, как часовая стрелка. — Подождите... — К ее щекам приливает кровь, горячий цветок сложного чувства. — Кэмерон была в третьем классе, когда моя семья впервые провела Рождество в нашем пляжном домике. Мы с Кэмерон собирались в Огайо, но Трой тогда сказал, что это полное дерьмо — страдать от снега, когда мы не обязаны это делать.

Я вижу, как ей тяжело заходить на эту территорию, в страну воспоминаний, которая стремительно меняется, если на нее пристально посмотреть. Ничто не вернется к тому, что было прежде. Потому что то, прежнее, было ложью.

— А потом? Что изменилось?

— В Боулинг-Грин мы всегда делили комнату. Кэмерон спала с нами на раскладушке. Она боялась темноты.

— Но в Малибу у нее была своя комната.

— Да. — Ее голос дрожит, прерывается. — О Господи...

Я молчу. Не мешаю ей складывать кусочки вместе. Видеть то, что она не видела тогда.

Ее рот — узкая полоска, губы побелели. Потом она произносит:

— В том году все приехали на целую неделю. Лидия и Эштон подхватили желудочный грипп и большую часть времени провели в кровати. Я помню, как злилась, что они привезли нам эту заразу.

Она осекается, мысли скачут.

— Отец никогда не брал столько выходных. Он даже не играл в гольф.

И снова я молчу. Просто стою рядом с ней, пока все складывается и мчится. Песок летает вокруг, словно миллионы зеркал. На пляже волны накатываются на берег, тюлень наконец-то добрался до воды. Странно, но мне хочется кричать «ура» животному, которое не сдалось и не повернуло назад.

Затем что-то щелкает и вспыхивает. Вламывается. Эмили начинает дрожать, потом трястись. И наконец рыдает, закрыв лицо руками и согнувшись вдвое.

Осторожно касаюсь ее спины, желая, чтобы она почувствовала, что не одинока. Но на самом деле я не могу ей помочь. В этом — нет.

Когда Эмили выпрямляется, ее лицо влажное и настоящее. Щеки потемнели от туши. Она тяжело дышит.

— Надо быть чудовищем, чтобы причинить вред маленькой девочке. И это мой отец? — она вздрагивает, отторгая эту мысль. — Или мой брат? Господи, какой кошмар...

— Сколько лет ваше семейство приезжало в Малибу на Рождество?

— Три года. Потом у мамы началась деменция, и она больше не могла ездить. А потом мы перебрались сюда, и нас стал принимать Дрю.

— Дрю тоже приезжал все эти три года?

— Да. Я не хочу об этом думать. Ненавижу. Это ужасно.

— Я понимаю. Мне очень жаль. — Мы стоим рядом, в спину дует тот же резкий ветер. Я ничем не могу облегчить ее жизнь. Не могу забрать ее боль. Все эти вопросы глубоко ранят. У правды есть клыки и стальная хватка.

— Сколько было Кэмерон, когда ситуация стала меняться?

— Когда мы переехали на север. Мы думали, дело в горах, в свежем воздухе... Она снова начала походить на себя. Потом встретила Кейтлин, и какое-то время все было просто отлично.

— Эмили, эта хронология соответствует общей картине. К тому времени насилие в любом случае могло прекратиться. Она становилась старше. Разговорчивее.

— Господи, как от всего этого тошно... Что нам сейчас следует делать?

— Продолжать поиски вашей дочери. Разумеется, нужно будет проверить вашего отца и брата, чтобы исключить их из списка подозреваемых. А потом, когда все закончится, мы проведем расследование и выдвинем обвинение.

Эмили встречается со мной взглядом, захлестнутая свежей волной страха.

— Мама сейчас очень слаба. Эти новости о Кэмерон могут ее убить.

— Вы говорили в последнее время с отцом?

— Пару дней назад. Я стараюсь держать их в курсе, когда могу. Вы же не думаете, что она сейчас у него?

— А такое возможно? Они с Кэмерон поддерживали связь? Могла она отправиться к нему?

— Нет, я так не думаю. Он сейчас не оставляет мать одну. В этом есть какая-то ирония... — Ее взгляд становится суровым. — Она теперь не в состоянии путешествовать. Поэтому они и не приезжают.

— На всякий случай я поставлю в известность департамент шерифа — пусть убедятся, что мы ничего не упустили.

— Но почему Кэмерон ни разу не пришла ко мне? Не рассказала, что происходит?

Я бы хотела дать ей какое-то простое объяснение, но его не существует.

— Не исключено, что она не помнила. Такое часто случается. Ее подсознание могло выдать эти события, чтобы помочь их пережить. И даже если она помнила, возможно, ей было слишком стыдно рассказать. Чаще всего жертвы насилия винят себя. Им кажется, что к такому результату привели какие-то их собственные поступки. Это одна из самых сложных для понимания частей картины. И одна из самых печальных.

— Я ее не защитила. — Эмили говорит слабым и опустошенным голосом. — Я ее подвела.

Беру ее за руку. Как бы я хотела знать способ повернуть время вспять, для нее и для Кэмерон... И для себя. Я чувствую, как между нами разрастается горе.

— Эмили, вы никогда не хотели причинить ей вред. Вы просто не видели. А может, не могли. У вас ведь есть собственные шрамы. У всех они есть. — К глазам подступают слезы, но я их не сдерживаю. — Еще есть шанс помочь ей. Начните прямо отсюда.

Эмили приваливается ко мне, чему-то покоряется. Возможно, всему. За ее плечом, в другом конце пляжа, перекрикиваются сквозь ветер другие участники поисков. Впереди — Гектор. Он целеустремленно шагает. Море штормовое, черная вода строит террасы с белой тесьмой.

— О'кей, — говорит она, глотая воздух.

— О'кей, — говорю я, и мы стоим там, вместе и одинокие.

Глава 58

Нелегко оставить Эмили у ее дверей после такого дня, но Трой дома, и я понимаю, что им нужно поговорить.

— Звоните в любое время.

— Спасибо, Анна. Во всем этом нет ничего хорошего; я даже не уверена, что справлюсь с такими новостями. — Ее голос дребезжит, как тонкая струна. — Но я знаю, что вы стараетесь помочь. Что Кэмерон вам небезразлична.

— Да.

* * *

Я еду обратно, в сторону городка, когда мимо проезжает машина Уилла. Вижу в зеркале, как он съезжает на утоптанную площадку; сама нахожу подходящее место на обочине, ставлю машину и выхожу, чтобы встретиться с ним на полпути.

— Анна, я тебя всюду ищу. Одна из групп в Монтгомери-Вудс нашла несколько вещей Шеннан: один ботинок, браслет, сумочку с парой сотен долларов... Так что это не ограбление, но мы и так это знали.

— А отпечатки?

— К сожалению, ничего. Еще там был фотоаппарат. Тоже никаких полезных отпечатков, но мы извлекли пленку и, возможно, что-то выцепим из меток даты и времени.

У меня начинает ныть основание черепа, как будто там давят настоящие руки. Я стараюсь не обращать внимания.

— Где снимки сейчас? Я могу их посмотреть?

— Конечно. Я сделаю для тебя копию. Я сейчас еду навстречу Дрю Хейгу и технику с полиграфом. Если захочешь поехать следом...

— Захочу. Но должна тебе сказать, что сегодня утром у меня был долгий разговор с Эмили. Похоже, ее отец вполне мог быть тем давним насильником Кэмерон.

— Ты рассказала ей о своих подозрениях?

— Да.

— И как она сейчас?

— Здорово потрясена. Позаботься, чтобы техник обязательно спросил Дрю о праздниках в Малибу. Отца зовут Эндрю Хейг, живет в Боулинг-Грин, штат Огайо. Эмили говорит, что он больше не путешествует, потому что ее мать тяжело больна, но нам все равно нужно его исключить.

— Ясно. Давай состыкуемся попозже. И тебе нужно немного отдохнуть, если сможешь. Ты ужасно выглядишь.

— Уилл, мне плевать, как я выгляжу. Мне нужны фотографии.

Он не особо хочет отступать.

— Я так понимаю, что настаивать бесполезно?

— Именно.

* * *

Получив фотографии из камеры Шеннан, я сразу раскладываю их на полу в своем домике и ищу в изображениях следы или улики. Большинство — дурацкие, спонтанные снимки: голая ступня Шеннан с изогнутым одуванчиком между пальцев, упаковка пива на траве. Смазанный пейзаж, который мог быть чем угодно и снят где угодно. Нога Шеннан, вероятно, снятая случайно.

Сверчок топчется вокруг, а я чувствую, как во мне начинает расти досада. Мне казалось, что-нибудь немедленно выскочит, однако все фотографии одинаково безобидны — даже снимок, где Шеннан, похоже, в той самой таинственной кроличьей куртке, с распущенными и взъерошенными волосами, цинично щурится в камеру. Дата снимка — май этого года, почти за месяц до исчезновения. Правда, невозможно узнать, кто ее фотографировал. Тот же мужчина, который подарил ей куртку и камеру (или что-то одно)? А может, она их украла? Может, это все тупик, а фотографии ничего и ни для кого не значат, даже для Шеннан, будь она еще жива...

Уилл занят весь день, и я решаю съездить в Комптч поговорить с Тэлли. Наверное, это пустая трата времени. У нее определенно нет хрустального шара, и вряд ли она постигнет суть этих снимков лучше, чем я. Но сейчас мне нужно действовать, двигаться, идти по следу, даже если он тупиковый.

Мы со Сверчком приезжаем после двух и застаем Тэлли в саду. Она подвязывает плети винограда, готовя их к зиме.

Ее лицо над воротом зеленой флисовой куртки розовое и обветренное.

— Я честно не знаю, зачем приехала, — откровенно признаюсь я, когда она подходит и снимает толстые рабочие перчатки. — А вы знаете?

Она искоса смотрит на меня, улыбается.

— Наверное, в прошлый раз я недостаточно вас напугала. Интересно...

На ее крыльце стоят два широких плетеных кресла; там мы и сидим рядышком, пока она перебирает фотографии.

— Что-нибудь бросается в глаза? — спрашиваю через секунду. — Это та куртка из вашего видения?

— Похоже, да. — Она подается вперед. — Бедная девочка... Больно думать, *что* она пережила.

— Знаю. Мне тоже. Но если нам удастся вычислить, кто ее убил, этот след может привести нас к Кэмерон. Чутье подсказывает мне, что эти девушки связаны.

Тэлли кивает.

— Мне тоже. Или это просто надежда. — Она снова перебирает снимки, уже медленнее. — Сейчас, когда я вижу эту куртку, то думаю, была ли для Шеннан эта вещь очень личной, любимой. Может, поэтому она попала в мое видение... Не знаю.

— Ничего страшного. Я буду думать дальше. Может, что-нибудь щелкнет.

* * *

Я собираюсь уходить, но она спрашивает, не хочу ли я заглянуть с ней в амбар, проверить одного из новорожденных.

Сверчок бежит впереди, через двор, потом на огороженное пастбище, где высокая трава прошита астрами и синими колокольчиками, последними цветами сезона. Амбар старый, но крепкий. Тэлли толкает большую дверь, и со стропил взмывают голуби.

Косой свет пробивается сквозь щели в старой обшивке, пронизывая сеновал расплавленными дротиками.

— Какое сказочное место...

— Правда ведь? Мой отец привез его сюда из Айдахо. Каждую досочку, — говорит Тэлли, ведя нас к деревянным стойлам. В ближайшем стоит носом в угол мать-альпака. На скошенной коричневой шее упряжь и повод. Сверчок с любопытством заглядывает между металлическими перекладинами, а потом садится посмотреть, что мы будем делать. — Она еще не приоровилась кормить детеныша. Такое случается. Мне просто нужно ей помочь.

Я следую за ней, наблюдаю, как она опускается на колени рядом с альпакой, поглаживает ее бедро и что-то тихо говорит. Похоже, животное понемножку успокаивается.

— Вы хорошо с ней ладите.

— Она не слишком любит людей. Приходится действовать потихоньку.

Кажется, Тэлли одновременно говорит и о процессе, и о матери-альпаке. Я слежу, как в ведро течет молоко, тонкие струйки чуть темнее воды. За пять минут собирается совсем мало, не больше половины чашки.

— А этого хватит детенышу?

— Надеюсь. Это в основном колострум^[58]. Детенышу он понадобится.

Новорожденный в соседнем стойле еще влажный. Тэлли укладывает его на большую электрогрелку, набирает колострум в шприц и опускается на пол.

— Анна, вы сможете поддержать ему голову?

— Я боюсь сделать что-то неправильно. Он такой маленький...

— Он крепче, чем выглядит.

Становлюсь на колени на сене и тянусь поддержать шею новорожденного. Его шерсть похожа на теплый, влажный ковер. Его пульс стучит в мои ладони, и я чувствую, как у меня сжимается сердце. Малыш такой беззащитный, что это трудно вынести.

— Он выживет? — спрашиваю я, боясь ответа.

— У него было непростое утро, но, я думаю, он справится. Держите. — Тэлли протягивает мне шприц. — Выдавливайте на основание языка. Вот так. У вас получится.

Я чувствую рывок, когда детеныш ловит мягкий пластиковый кончик, вижу, как дрожат его ресницы, когда он смотрит на меня, сосет. Накатывает старая боль, ломится сквозь все мои двери, как вода. Или как любовь.

— Почти как кормить ребенка из бутылочки... — Долгое тихое мгновение, потом Тэлли произносит: — Я размышляла сегодня о прощении. Знаете, столько людей не понимают его, увязывают с виной... Стыдятся событий, которые с самого начала никак не могли контролировать. Я не верю, что мы должны губить себя в попытках его заслужить. Оно уже здесь, повсюду вокруг нас, как дождь. Нам просто нужно впустить его в себя.

Мои руки затекают под головой детеныша. Я немного меняю позу, думая, к чему ведет Тэлли. Почему она сейчас заговорила об этом.

— Все не так просто.

— Может, и нет. Но я все равно думаю, чем больше и невероятнее нечто, тем сильнее ему нужно пройти сквозь нас, чтобы мы могли продолжать жить.

Я смотрю на детеныша; он уже насытился и закрыл глаза. Шприц пуст, если не считать пены.

— Зачем вы привели меня сюда?

— Я подумала, вам нужно кого-то поддержать, вот и все.

Мои глаза жжет, все застилает пелена. Я могу только кивнуть и протянуть ей шприц.

Глава 59

Этим вечером мы с Уиллом сидим перед огнем в моем домике. Между нами бутылка «Джек Дэниелс» и фотографии Шеннан. Мы не оставались вдвоем с той ночи в его квартире. И хотя казалось, что с того момента прошли годы и мне ничто не грозило, я не могла не задумываться, к чему расположен Уилл, поскольку ни один из нас не сказал об этом ни слова. Возможно, он рассматривал тот поцелуй как момент слабости или ошибку, а может, его по-прежнему тянуло ко мне, но он глушил это чувство — с той же опытностью, с которой я игнорировала сложные эмоции и надеялась, что они исчезнут сами собой.

— Что мы упускаем? — спросила я, думая о снимках.

— Чтоб я знал... Что бы ни случилось с ней в машине, здесь нет никаких подсказок. Я не вижу здесь подозреваемых.

— Я тоже. — Я потянулась к фотографии Кэмерон, пытаюсь нащупать ее связь с Шеннан. Кроме красивого лица и расчесанных темных волос, ухватиться не за что. Дальше некуда смотреть. — А как прошел полиграф Дрю Хейга?

— Результаты сумбурные. По-моему, он начал потихоньку колотиться.

— Вы спрашивали его о Шеннан?

— Да. Тут, похоже, пусто. Но Кэмерон — горячая тема. Денни тоже присутствовал, и он согласен.

— Алиби Дрю еще держится?

— К сожалению, да. Видимо, мы смотрим на какую-то вину из прошлого. Но насколько далекого?..

— Большинство сексуальных насильников действуют годы и даже десятилетия, прежде чем о них узнают власти. Если вообще узнают. Я просто не представляю, как нам добиться от него информации, если только у нас не будет Кэмерон в качестве свидетеля, или кто-то еще не выступит первым.

— Лидия?

— Я бы не стала надеяться, что она его предаст, даже если знает. Нам просто придется двигаться дальше с тем, что есть.

— Завтра у нас будут еще люди и табун вездеходов, чтобы заново прочесать район вокруг Монтгомери-Вудс.

— Это не лишнее, но, Уилл, уже середина октября.

Пламя рисует тени вокруг его рта и глаз. За эти несколько недель он постарел на годы.

— Мы все еще можем найти ее живой, правда? Это возможно.

— Возможно, да.

Но очень маловероятно.

* * *

Уже почти полночь, когда Уилл уходит. Сверчок со вздохом потягивается на своем местечке у огня и встает. «Пойдем спать», — отчетливо говорит она, но как мне уснуть, если все настолько расплывчато и мрачно? Хотя огонь почти погас и свет пестрит, я не отрываю взгляда от двух фотографий. Кэмерон в изогнутой роще и Шеннан в кроличьей куртке. Я пытаюсь отступить и посмотреть на них объективно — один из старых приемов Хэпа, — чтобы избежать слепых пятен, мест, которые совсем рядом и прячут самое важное.

Я знаю, что Кэмерон в тот день позировала для съемки Грея, но все еще не знаю наверняка зачем. Что она собиралась делать с этими снимками, кого пыталась впечатлить этой одеждой, прической и взглядом. Что же до Шеннан, то я не видела других ее изображений, не считая детских снимков, которые показывала Карен. На этом снимке у нее расчетливое и циничное выражение лица, карие глаза прищурены в каком-то вызове, губы сжаты. Ни улыбки. Ни приглашения или откровенности. Если Кэмерон пыталась сделать так, чтобы ее впервые заметили, то Шеннан замечали слишком часто. Пользовались ей из-за внешности, и девушка научилась извлекать из этого выгоду. Так давно, что уже не ждала ничего хорошего. Есть какая-то ирония в том, чтобы смотреть на этих двух девушек с такой стороны. Если принять во внимание форму лица, волосы, телосложение, они скорее похожи. Но в своем отношении к надежде и возможностям они полная противоположность. Черное и белое, как с самого начала говорил Уилл, две стороны подброшенной монетки, которая так и не упала...

В какой-то момент я сдаюсь. Огонь догорел, остались только красные пятна. Собака сворачивается рядом со мной, теплая и надежная. Я все еще не понимаю, чем заслужила ее или как она пришла ко мне, но благодарна ей за теплое тело, за биение ее сердца. Особенно сейчас, когда на нас тяжелым грузом легла ночь.

Сон затягивает меня; всплывают странные картины, густые и влажные, как дыхание зверя. Я в круглом доме, частично ниже уровня земли, в строении вроде тех, которые помо использовали для ритуалов и церемоний. Вокруг меня идет что-то вроде ритуала очищения, старейшины в шапках и одеждах из оленьей кожи, с обнаженной грудью, ритмично напевают всей своей сущностью. Как будто они поют порами своей кожи.

Чувствую запахи горячей полыни и шалфея. Серый дым карабкается по земляным стенам и разрастается вверху, как чары.

— Где больно? — спрашивает знакомый голос.

«Везде», — отвечает мой разум.

Это Хэп. Я не могу разглядеть его сквозь дым, но узнаю надежное тепло его кожи и его запах, который всегда был именно таким, запахом мудрых деревьев.

«Я не могу справиться», — говорю я ему своим разумом, имея в виду расследование, разгадку головоломки, поиск Кэмерон. Но внезапно понимаю, что имею в виду все. Всю свою жизнь, нагруженную потерями. Джейсон и Эми. Моя мать на той ужасной парковке, мертвая в Рождество. Убийство Дженни и рак Иден. Исчезновение Хэпа. Несчастный случай с моей дочерью. Мрачная бездна моей работы, связанная, жутко и ужасающе, со всем остальным.

— Все хорошо, — говорит Хэп мне на ухо. — Все это было давно.

«Нет». Я чувствую себя рядом с ним маленькой и бессильной, как будто мне снова десять. Двенадцать. Восемь. Шестнадцать. Чувствую каждый год, который у меня был. Сквозь влажный дым вокруг нас доносится звук, похожий на звонок телефона, но он слишком далеко, и я не могу дотянуться. «Куда ты ушел, Хэп? Как бы я хотела, чтобы ты мог попрощаться...»

— *Жизнь меняется, Анна. Нам не требуется держаться друг за друга.*

«Я подвела тебя. Я не та, кем ты меня считаешь».

— *Тсс.*

«Мне нужно рассказать тебе, что случилось. Что я наделала».

— *Успокойся, милая. Сейчас это неважно.*

Но это важно. «Хэп, помоги мне. Я не могу так жить», — молю я, пока сон закручивается.

Старейшины отвернулись от нас, они стучат по нагретым камням. Круглый дом, кажется, дышит, как легкие, вдыхая горе и отпуская его.

— *Мне жаль, милая. Я знаю, это больно, но нам никогда не приходится что-то делать в одиночку. Я никогда не покидал тебя. Посмотри, что я тебе принес.*

Я поднимаю взгляд, и крыша исчезает. Небо сверкающее и бесконечное, искры мерцают, появляются, исчезают и снова появляются.

— *Мы не всегда их видим,* — говорит Хэп, подразумевая звезды, — *но они всегда с нами. Не сдавайся.*

«Хэп, помоги мне продвинуться. Я должна найти Кэмерон».

— *Ты уже нашла ее, Анна. Видишь? Она здесь. Все это время.*

Глава 60

Когда я просыпаюсь, мои ресницы липкие и влажные. Я плакала во сне. Вспоминая, переживая заново. Воспроизводя травму в своем теле. Там, где она все это время была.

Тупо одеваюсь, забыв про душ, пока Сверчок топчется, чувствуя мое настроение. У меня нет ни кофе, ни еды. Я засовываю ноги в ботинки и еду в город, едва ощущая руль под пальцами, воздух на коже. Кусочки сна о круглом доме вьются в эмоциональном тумане, как и Хэп, пытающийся заверить меня, что я не одна. Но я чувствую себя совсем одинокой.

Это расследование ускользает от меня, и от Уилла тоже. В то утро в своем кабинете, когда мы получили отчет от патологоанатома, он говорил, что, возможно, недостаточно силен или недостаточно хорош. Интересно, может, он прав — насчет нас обоих? Может, мы не справимся с этими поисками... Кэмерон никогда не найдут, ее похититель останется безымянным, и история будет повторяться.

* * *

Оставив собаку в машине, захожу в «Хорошую жизнь». Меня накрывает энергичным хаосом, ярким светом, шумными разговорами и запахом молока, становящегося сладкой пеной. Заказываю кофе и буррито, а потом по привычке иду к доске объявлений подождать еду. Листовка о пропаже Кэмерон все еще здесь; рядом с ней висит новая, с кричащими словами «*Подозревается злой умысел*». Остальное невинно, включая объявление о бесплатных занятиях йогой для горожан в студии Сэма Фокса, но во мне вдруг щелкает какая-то мысль. В голове начинает гудеть сирена, сигнал тревоги, потому что вот он, способ, которым похититель Кэмерон мог с ней познакомиться. Самый безобидный — спрятанный у всех на виду.

Взгляд скользит по доске, зигзагами от края до края, внутри нарастает ужас и неотвратимость. И тут я замечаю объявление, которое искала. В нижнем правом углу, простое и лаконичное, напечатанное на зеленой бумаге:

ХУДОЖНИКУ ТРЕБУЕТСЯ МОДЕЛЬ

Опыт не обязателен

При соответствии требованиям проводится обучение

Оно было здесь три недели назад, когда я нашла объявление об аренде домика, но тогда не обратила на него внимание. Не помнила о нем до этой минуты. Телефонный номер внизу — местный, повторяется на отрывных полосках, имени нет. Остались только две полоски. «Требуется модель... проводится обучение». Одиннадцать слов, три строчки, равнодушные, деловые, скучные — вот почему это объявление настолько действенно. Оно похоже на ловушку, которую я тогда заметила в лесу. Просто и потрясающе эффективно.

Вытаскиваю из кармана фото Шеннан; мне тошно, волосы на шее вибрируют. Я больше не смотрю на ее кроличью куртку. Куртка не имеет значения, важна только эта девушка с тяжестью на душе. Ее цинизм, ее усталый взгляд. Бэт-сигнал, вспыхивающий в ее ранах.

Все, что прожила Шеннан, в ее взгляде — день, когда ее отец уехал из города и ее мать опустила руки, ссоры, доносившиеся по вечерам из материнской спальни, удар кулака в стену, удар по лицу матери. Способ, которым она пыталась заглушить все это в школьном туалете, ее колени на плитке, рука какого-то мальчишки у нее на затылке, прижимающая слишком крепко. Все разы, когда она сбегала и ничего не находила. Возвращалась и снова не находила. Опять сбегала. Конечно, это натяжки, я заполняю лакуны. Но в каком-то смысле натяжек тут нет, все это слишком мне знакомо.

Шеннан — не я и не Дженни. Она и не Кэмерон, но я вижу, как все мы выстраиваемся друг за другом, версии одной и той же формы. Пытаемся поверить людям или обещаниям. Пытаемся быть цельными. Пытаемся — всегда пытаемся — как-то освободиться. Распрямитесь.

* * *

Вытаскиваю кнопку из пробковой доски, острый кончик колет подушечку пальца, я чувствую, как повисаю на туго натянутом канате. Номер под объявлением — *ego* номер. Клочок бумаги дрожит в моей руке; все сходится к единой точке, капельке моей яркой крови.

Осторожно держа объявление за край, чтобы не испортить ценные отпечатки или смазать остатки, я прошу у кассира за стойкой большой пакет с застежкой и аккуратно засовываю в него бумагу. Потом иду к платному телефону в глубине кафе, чтобы позвонить в офис шерифа. Мне отвечает Шерилин Ливит. Сквозь ее голос, теплый и энергичный, продолжает гудеть сирена.

— Шерилин, привет, — умудряюсь произнести я. — Это Анна Харт. Уилл где-то рядом?

— Он в поле^[59]. Хочешь, чтобы я связалась с ним по радиии?

— Нет, все нормально. — У меня хрупкий голос. Я перевожу дыхание. — Слушай, можешь прямо сейчас посмотреть для меня адрес по номеру телефона? Я подожду.

— Конечно.

Мои мысли дерганые, бредовые. Наконец трубку берет Леон Дженц.

— Привет, Анна. Я посмотрел твой номер. А в чем дело?

— Пока сложно сказать. — Я снова вне тела и все же продолжаю говорить. — Проверяю один след. Что ты нашел?

— Этот номер зарегистрирован в арт-центре Мендосино.

«Он прямо здесь, в нескольких кварталах. Ну конечно».

— А фамилия известна?

— Никаких фамилий. В студиях есть телефоны, и это один из них. Постояльцы много суетятся.

— Мы знаем, какая студия?

— Номер четыре. С чем, по-твоему, ты столкнулась?

— Вероятно, новый свидетель. — Я без усилий вытаскиваю ложь из пустоты. — Я сообщу, если что-нибудь прояснится.

Ты сможешь передать сообщение для Уилла? Пусть приезжает в арт-центр, как только сможет вырваться, я буду ждать.

— Передам, конечно.

Глава 61

Через несколько минут я паркуюсь, оставляю Сверчка на заднем сиденье и подхожу к кучке построек, стоящих здесь еще с пятидесятых. В большой постройке располагаются двенадцать пронумерованных студий, которые используются в качестве жилья и мастерских преподавателями и художниками. Шесть сверху и шесть внизу, с широкой изогнутой лестницей между ними.

Студия номер четыре невыразительна и тиха. В пыльное окошко слева от входа вставлено витражное стекло, которое швыряет на бетонный пол смазанные краски, красные, синие и желтые шары.

Я стучу и не получаю ответа, потом пробую ручку, но дверь заперта. Пытаюсь заглянуть в окна, но они покрыты слоем пыли, паутины и мушиных следов.

Галерея, куда туристы приходят покупать раскрашенные вручную флюгеры и выдувные стеклянные пепельницы, еще закрыта. Поблизости нет никого, только садовник стоит на коленях, окапывает хосту острой лопаткой — пожилой мужчина, я его не знаю. На нем рабочий комбинезон и бейсболка, из-под нее торчат пряди седых волос.

Подхожу к нему, показываю себе за спину.

— Вы не знаете, кому принадлежит та студия? Номер четыре.

— Стоит пустая, но в конце месяца должен приехать новый практикант из Портленда. — Он опирается испачканными землей руками о колени. — А кого вы ищете?

— Художника, который съехал.

Его очки мутноваты, но взгляд острый. Плечи широкие.

— Его аренда истекла, но все документы в офисе. А что? Что вы хотите узнать?

Я вижу, что пробудила его подозрительность. Наверное, я действительно выгляжу подозрительно с растрепанными волосами и в мятой одежде. И задыхаюсь. Хоть и понимая, что нужно сбавить темп, убедить мужчину, что я не угроза, я думаю только о том, чтобы открыть ту дверь. За ней может быть мужчина, который убил Шеннан, а потом похитил Кэмерон. Там могут быть его отпечатки на телефоне, его имя на визитке, счете или картине.

— Кто ваш начальник? — Я присаживаюсь на корточки, чтобы не смотреть на него сверху вниз. — Мне нужно попасть в эту студию. У кого ключ?

— Я и есть начальник. Стэн Уилкс. Так что тут происходит?

У меня уходит несколько долгих минут, чтобы объясниться и убедить Стэна пустить меня внутрь. Наконец он кивает, медленно, как черепаха, и встает, отряхивает колени. Засовывает руку в карман и вытаскивает мастер-ключ, маленький и скругленный, с кусочком красной веревочки.

Мы вместе идем к студии, он отпирает дверь. Его большая тень ложится на притолоку и боковину.

— Ступайте прямо.

Делаю шаг — и вдруг понимаю, что Стэн при всем его возрасте вполне может быть тем, кого мы ищем. Он крупный мужчина, все еще способный причинить вред другому. Не задумываясь, я резко оборачиваюсь.

Он пораженно отшатывается, вытаращив глаза. Я вижу в них его возраст. В глазах, в его руках и морщинах. Он просто старик, и я его напугала.

* * *

Когда Стэн уходит, я прикрываю дверь, чтобы разделить пространство. Комната — неприветливый прямоугольник футов в двадцать или двадцать пять. На бетонном полу трещины и темные пятна. Кляксы масляной краски. Вдоль стены деревянный верстак, тоже потертый и поцарапанный от долгого использования.

Выключатель не работает, но в крыше три округлых фонаря из оргстекла. Свет проходит сквозь них молочными конусами, в которых плавают, будто намагниченные, пылинки. Комната пуста, но в ней есть следы былых жильцов. Стены источают резкий, почти медицинский, запах льняного масла и гуаши. Печь для обжига почернела. В углу прислонен мольберт. Одна из его ножек болтается, как сломанная конечность.

Мне хочется, чтобы это пространство могло поговорить со мной, рассказать свою историю. Была ли здесь Кэмерон? Она позировала,

прихорашивалась? Молила о любви или о своей жизни? Звонил ли ей похититель по желтому узкому телефону у дверного косяка? Тому самому, у которого провод заплетен, как змея? Здесь ли она впервые встретила с похитителем? В какой момент он начал затягивать ее в свою извращенную фантазию?

Я все еще не отрываясь смотрю на телефон, когда слышу за спиной какое-то трепыхание. Оборачиваюсь. Никого нет, но звук — словно мягкий молоточек, бьющий по стене или трубам, — продолжается. Он доносится из шкафа в глубине комнаты.

«Кэмерон», — думаю я и подхожу к дверце. Это вовсе не шкаф, а темная шлакобетонная кладовка. Стены серые, пористые и пахнут влагой. Воздух густой и влажный настолько, что его можно пить. Глотать кусками. В углу, над маленькой проржавевшей раковиной, со стропил слетает какая-то птичка, пугая меня, и начинает отчаянно биться в стены. Серо-белые крылья смазаны в лихорадочных взмахах. Птица влетела во фрамужное окно и теперь не может выбраться.

Я ощущаю ее усилия так, словно она бьется мне в грудь, а не в бетон стены. Вся ее паническая энергия и безнадежность нацелены на меня. У меня подскакивает пульс, когда птичка колотится о стены, а потом о стропила, безуспешно пытаюсь вернуться в небо. Наконец она замирает на одной из затянутых паутиной балок. И тут я замечаю несколько холстов, засунутых между балками, как перекладины лестницы. Мгновенно забываю о птичке и ищу стул, стараясь не касаться любых поверхностей, на которых могут быть отпечатки. Требуется заметные усилия, чтобы стащить холсты вниз и не уронить, но когда я справляюсь, то потрясенно замираю; у каждого в правом нижнем углу видна характерная стремительная подпись Джека Форда. Эти картины должны стоить сотни тысяч долларов.

Сначала я думаю, что Джек, должно быть, имел какое-то отношение к этой мастерской, находящейся здесь больше тридцати лет. Он мог писать тут картины или пользоваться комнатой как хранилищем. Потом до меня доходит, что за это время в студии жили и работали десятки художников, любой из них мог коллекционировать работы Джека и по недосмотру оставить холсты здесь. Слой пыли на холстах и само их присутствие в студии, вычищенной до голых стен, заставляет подозревать, что они не имеют никакого отношения к настоящему, к Кэмерон или ее похитителю. Но он был здесь, и *она* тоже

могла быть. Очевидно, нам нужно срочно собрать группу и прочесать это место в поисках отпечатков, волос и нитей. Особенно хранилище. Толстые стены и недосыгаемое фрамужное окно позволяют использовать его в качестве камеры. Если Кэмерон удалось найти камень или любой твердый предмет, она могла разбить окно в попытке привлечь чье-нибудь внимание. Возможно, поэтому похититель и увез ее отсюда, чтобы никто не услышал ее крики, когда он вытащит кляп.

Мои мысли все еще перебирают возможные сценарии, когда я слышу голос Уилла, зовущего меня. Он раскраснелся, будто бежал бегом, и мне удивительно приятно его видеть. Знать, что я могу связаться с ним, когда нужно, и он найдет способ прийти.

У меня уходит какое-то время, чтобы объяснить ему мою теорию о доске объявлений: я показываю ему листок, как этот короткий текст можно было использовать, чтобы взять на прицел Кэмерон и, возможно, Шеннан. Потом веду его в кладовку, где оставила холсты стоять у стены; я не хотела лишний раз трогать их на случай, если они все-таки имеют отношение к расследованию.

— Это работы Джека? — недоверчиво спрашивает Уилл.

— Бред, правда? Возможно, они оказались тут абсолютно случайно.

— Или они принадлежат Калебу, и он имеет какое-то отношение к делу, — резко добавляет Уилл.

— Кaleb? С чего ты это взял?

— Потому что ему принадлежат все работы Джека.

— Именно. Если б он знал об их существовании, в смысле если б он сам был связан с этой студией, разве он не продал бы их, как продал все остальные? Должно быть, он не знает, что они здесь.

— Возможно. Или его сложные взаимоотношения с отцом по какой-то причине заставили его сохранить эти.

Я пожимаю плечами, признавая подобную вероятность, а Уилл вызывает Леона по рации и объясняет, что у нас есть потенциальное место преступления, которым нужно заняться, и что следует вызвать сюда группу.

Потом он поворачивается ко мне.

— Нам известно, кто тут был последним?

— Все документы лежат в офисе галереи. Она еще не открыта, но тут есть смотритель, Стэн Уилкс. Он меня впустил. Может, конечно, я

здорово ошибаюсь с идеей насчет доски объявлений, но мне так не кажется.

— Если ты права, то таким способом он мог добраться и до других девушек. Возможно, у него на прицеле уже есть следующая.

— Я знаю. Эти объявления могут висеть по всему побережью.

Уилл кивает, потом наклоняется поближе взглянуть на верхний холст, все еще стоящий у стены в кладовке. Освещение плохое, картина состарилась и покрыта пылью, но изображение все же различимо. Оно абстрактное, почти примитивное. Всего в три краски. Черное, белое и синее. Очертания резкие, угловатые, напоминают мне что-то смутно знакомое, но я не могу сообразить, пока Уилл не называет его.

— Мне кажется, это резная статуя на Мэсоник-холл.

— Вот блин. Ты прав, — говорю я, недоумеваю, почему сразу ее не узнала. — Это «Время и дева». А остальные?

Он натягивает манжету рубашки на пальцы, чтобы не повредить отпечатки, и осторожно наклоняет холсты. Всего их четыре, и все они — разные версии той же сцены и в той же цветовой гамме. Толстая белая «V», подразумевающая крылья. Черный мазок косы смерти. Лицо девушки округлое и матовое, ее волосы — группа водянисто-белых завитков. Фон грубый и жирный, темно-синий даже под пылью, кажется, его размазывали мастихином, как глазурь.

— Жуть какая, — говорит Уилл.

Одержимость действительно жутковатая, должна согласиться я, хотя художники часто возвращались к одному и тому же объекту. Моне и его лилии или Дега и его танцовщицы. Отличие в том, что объект, так явно завораживавший Джека Форда — во всяком случае в период, когда были написаны эти картины, — завораживал меня всю жизнь.

— Не хочется признавать, но в чем-то они прекрасны.

— Ты имеешь в виду, не хочется признавать, потому что Джек был мудаком? — выражение лица Уилла говорит мне, что он согласен. — В любом случае нам нужно их проверить. Наверное, Калев поможет нам их идентифицировать. Я отправлю за ним кого-нибудь из помощников.

— Я могу сходить за ним. Это пять минут. А пока пусть Стэн Уилкс отведет тебя в офис.

— Ладно, решили. Только будь поосторожней, хорошо?

— Я всегда осторожна.

Уилл искоса смотрит на меня, будто говоря: «Мы оба знаем, что это неправда».

Глава 62

От арт-центра до дома Калеба всего пара кварталов, так что я иду пешком. Мои мысли быстро возвращаются к объявлению и фотографиям, на которые я смотрела весь день. Кэмерон в крумхольце и Шеннан с оценивающим, настороженным взглядом. Мне до сих пор трудно понять, как связаны все точки, но находка студии — уже прорыв. Даже если художники в арт-центре часто сменяются, Стэн Уилкс сможет выдать нам список имен, а мы прогоним его через базу данных. Криминалисты без труда снимут отпечатки с объявления, если его не терли и не слишком часто перемещали по доске. А кроме того, у нас есть картины, определиться с которыми нам, надеюсь, поможет Калев.

...Я захожу в ворота, замечаю свет в гараже. За квадратным окном видна крупная фигура Калеба. Когда я подхожу и легонько стучу в дверь, он стоит перед мольбертом с большим холстом. Насколько мне видно, изображение абстрактное, сплошь темные волнистые дуги. Почему-то до этой минуты я не вспоминала, что Калев тоже художник.

— Анна, — говорит он, открывая дверь. — Что случилось?

— Прости, что так вламываюсь к тебе... — Он во многом продолжил то, на чем закончил его отец. Большие полотна. Толстые и почти варварские мазки. — Дело в том, что мы полчаса назад нашли в арт-центре картины, подписанные твоим отцом. Ты не мог бы заглянуть туда и определить их или даже помочь нам выяснить, кому они принадлежат?

— Ого. — Калев вытирает руки о тряпку, которую держит, а потом бросает ее в пластиковое ведро на полу, даже не опустив взгляд, будто точно знает, где все стоит. Пространство за его спиной организовано безупречно. Кисти и краски на рабочем столе разложены аккуратно и даже подобраны по цветам. В те дни, когда здесь работал Джек, мастерская выглядела как логово баракольщика. А сейчас все на удивление в порядке, даже пол подметен. — А что ты там делала?

— Проверяла улику по делу Кэмерон Кёртис. Картины были полной неожиданностью. — Я переступаю с ноги на ногу, чуть ближе к его полотну, и замечаю, как он смещается, прикрывая картину своим телом.

— А зачем ты пришла в арт-центр?

Я снова бросаю взгляд на холст, на этот раз отмечая что-то определенно женственное в очертаниях, изгибах и пропорциях.

— Ерунда, случайная наводка.

— Интересно. — Его взгляд спокойно и дерзко пробегает по мне. Я чувствую, как изменился его настрой. Сейчас Калеб похож на рептилию. Он считывает атмосферу между нами, словно змея, пробующая воздух языком. Читает мои мысли. Или пытается. — Это точно картины моего отца?

Я не могу скрыть то, что он уже увидел. Что я складываю кусочки вместе. Догадываюсь о том, что упустила раньше. О том, что было у меня прямо под носом. Сейчас мне остается только доиграть пьесу до конца.

— Определенно. На всех изображены «Время и дева». Ты видел что-нибудь подобное, когда Джек еще был жив?

Он немного хмурится, качает головой.

— Вряд ли. Я сейчас запру мастерскую и приду, давай встретимся там.

— Ничего страшного. Я не против подождать.

— Конечно. — Его взгляд снова мечется по мне. Кажется, его это радует. — Я прихватчу бумажник и сразу вернусь. Не уходи.

Мы выходим на дорожку, Калеб запирает гараж, потом идет к дому, а я остаюсь стоять. Он действительно собирается пойти со мной в арт-центр? Неужели он настолько уверен в себе? И если да, как мне дать знать Уиллу, что я подозреваю Калеба? Мои мысли продолжают спотыкаться, а на лицо падают первые дождевые капли. Утром было свежо и ясно, но сейчас небо мрачное и губчатое. Бросаю быстрый взгляд в сторону дома, потом подступаю к запертой гаражной двери и пытаюсь заглянуть в окно. Мне хочется еще раз взглянуть на полотно, подтвердить свое впечатление. Но в этот раз мой взгляд ловит что-то другое. Фотографию, прикрепленную над столом Калеба. Черно-белую, старую, будто вырезанную из книги по истории...

Прижимаюсь к стеклу — еще чуть-чуть, и я узнаю — и тут вижу, как из-за гаража на белой «Тойоте»-пикапе выезжает Калеб. Выброс адреналина, я отскакиваю с дороги, думая, не собирается ли он меня сбить. Но он бьет по тормозам и кричит в открытое окно (его взгляд затвердевший, почти керамический):

— Если поедешь за мной, я ее убью.
Потом давит на газ и уносится.

* * *

Я на мгновение парализована. Все, что ускользало от меня, сейчас взрывается в голове, как бомба. Профиль Калеба, идеально подходящий к человеку, которого может переменить насилие, который может стать убийцей, чудовищем. Детство, надломленное равнодушием и хаосом, отец тиран и алкоголик. Потеря Дженни, которую он любил сильнее всех, абсолютная беспомощность, невозможность спасти ее. Оставшееся нераскрытым преступление: ее убийцу так и не нашли. Всех этих кусочков достаточно, чтобы в нем вспыхнула ярость, радикально изменив его, изогнув от самых корней, как Хэп давным-давно объяснял в роще-крумхольце.

Почему-то я не смогла опознать в Калебе эту растерзанность, эти раны — даже когда мы сидели рядышком на утесе. Возможно, спутала его историю со своей собственной или спутала его прошлое с его настоящим. Или просто забыла главное правило Хэпа: всегда держать глаза открытыми, придерживать доверие, пока оно не будет заслужено. В любом случае сожаления — роскошь, на которую сейчас нет времени. Я не могу упустить Калеба, но мне на чем его преследовать. Каждая секунда на счету.

Сразу за гаражной дверью стоит тяжелый дисковый телефон. Я со всей силы бью ногой в дверь, под ручку, и она с лязгом открывается. Когда я набираю офис Уилла, у меня дрожат руки, все мышцы напряжены и подергиваются. Мне отвечает Шерилин.

— У нас есть подозреваемый. Он выехал из города на восток, возможно, к шоссе. Он в белой «Тойоте»-пикапе. Номер начинается с «Н46», остальное я не заметила. Я у дома Калеба Форда на Келли-стрит.

— Сейчас я кого-нибудь к тебе отправлю, — говорит она. — Никуда не уходи.

У меня кружится голова; я молюсь, чтобы мы успели перехватить Калеба, пока он не добрался до Кэмерон. Он угрожал, что убьет ее,

если я последую за ним. Но сейчас, когда Калев в бегах, он почти наверняка убьет ее, как только сможет.

Я слышу, как со стороны Мейн-стрит начинают выть сирены. Собираюсь выйти наружу, чтобы встретить группу, и тут мой взгляд опять ловит черно-белый снимок над столом. Теперь я знаю, почему он выглядит знакомым. На ней женщина-помо в традиционной одежде, с ребенком в плетеной корзинке; рядом кучка собранных желудей. Ее дом в форме конуса сделан из коры, тростника и планок мамонтового дерева. Как убежище, которое я видела тогда в лесу.

...Я выбегаю на подъездную дорожку. Дождь усилился, небо почти черное. Ко мне несется мигающая патрульная машина, и мне отчаянно хочется, чтобы в ней был Уилл, хотя бы во второй, едущей следом. Обе машины со скрипом останавливаются, распахиваются двери. Я высматриваю только Уилла, пока дождь швыряет капли мне на лицо и шею.

— Он возвращается в лес. — Мои слова звучат для него бессмыслицей. — Чтобы убить Кэмерон.

Глава 63

— Ты сможешь отвести нас туда? — требовательно спрашивает Уилл, когда я объясняю ему, до сих пор задыхаясь, дрожа всем телом. — Ты помнишь дорогу?

Мне нужно убедить не только Уилла, а всех федеральных и местных полицейских, срочно присланных сюда. Я в центре внимания десятков напряженных лиц. Ориентировка на Калеба и его машину уже разошлась повсюду, но к этому времени он наверняка успел где-то спрятать машину и пошел пешком к своей хижине. Я видела ее только один раз, на той длинной вылазке из своего домика, в милях от места, где вошла в лес, и неизвестно, насколько далеко от ближайшей дороги. Смогу ли я найти ее снова? Действительно ли я знаю, где она?

— Да.

Уилл вызывает по рации помощь из лесничества и старается собрать всех доступных людей для поисковой операции, пока я изучаю карту. Внутри меня — тошнотворные уколы неуверенности. В самой гуще леса есть подходящий район, к северо-востоку от моего домика. Но он ли это? Переходила ли я тогда служебную дорогу? Действительно ли река так далеко от самого высокого гребня? Туда ли направлен склон?

— Есть координаты? — спрашивает из-за спины Уилл.

— Вот здесь. — Указываю на район, который нашла, надеясь, что не ошиблась. — По этой дорожке мы сможем подъехать на несколько миль, но дальше придется идти пешком, разделившись на группы с рациями. Каждой группе понадобится копия наброска этого шалаша плюс координаты места и номер белой «Тойоты» Калеба.

— Все будет, — говорит Уилл, потом прищуривается. — Ты как, в порядке?

— В полном, — отвечаю я, пытаюсь дышать. — Я готова.

Через полчаса колонна выезжает из города. Десятки машин месят грязь на Литтл-Лейк-роуд, направляясь к главному входу в заповедник Джексон. Дождь брызгает на лобовые стекла. С каждым крутым поворотом дороги меня скручивает внутри: вдруг мы уже опоздали?

Мы с Уиллом едем вместе, но не разговариваем. К тому времени когда доезжаем до служебной дороги, конечной точки для

транспортных средств, небо уже совсем почернело, словно наступила ночь. Отсюда мы связываемся с остальной командой; все в черных дождевиках, которые становятся скользкими еще до того, как включаются рации. Я иду первой, стараюсь не думать или хотя бы не дать тревоге спутать инстинкты, надеюсь, что тело знает, что делает, и само приведет меня к месту. Но ставки сейчас так высоки, что от страха трудно избавиться.

Мы идем милю, две мили. Двадцать пять человек, колонной или чем-то вроде узкой «V», пока позволяет местность. Все уже промокли до костей. Даже когда мы достаем фонари, погода не дает ничего разглядеть. Растительность вокруг кажется сплошной мокрой массой, склоны холмов и оврагов становятся слишком крутыми и скользкими, местами непроходимыми. На каждой развилке тропы я отчаянно ищу приметы, любые признаки, что я на правильном пути, но в дождь все выглядит иначе. Я даже не уверена, что вообще здесь была, но продолжаю держать внутри страх и сомнения. Команде нужно верить, что я знаю дорогу. Мне нужно верить в это еще сильнее.

Температура упала, небо черное, хотя сейчас не больше двух часов дня. Облачка дыхания выбираются из-под мокрого капюшона дождевика, а я думаю, не сбилась ли с пути, причем безнадежно. Я до предела вымотана всем этим: сомнениями и физической нагрузкой, нарастающим напряжением и страхом. Внутренние голоса твердят, что я уже подвела девушку, пропустила самые важные следы и признаки.

А потом я поднимаю взгляд и внезапно понимаю, что нашла нужный гребень. Карабкаюсь через цепкие кусты и грязь наверх — и вижу хижину помо на дне, за теньями мокрых поваленных стволов и папоротника, под соснами и тсугами, склонившимися под тяжестью воды. Вот она. Сзади подходит группа. Слишком шумно. Люди проверяют оружие, и я чувствую, что сама напрягаюсь до предела.

Нащупываю под курткой свой «глок». Уилл рядом проверяет предохранитель.

— Я думаю, он знает, что мы идем.

— Почему ты так считаешь?

— Он сказал не преследовать его так, будто знал, что я смогу вычислить это место.

— Ты была одна, когда видела эту хижину. Даже если знать о фотографии в его гараже, ни один человек в мире, кроме тебя, не

способен сложить все это вместе.

— Верно, — говорю я, хотя мое мнение о наших шансах не выросло. — Похоже, мы скоро узнаем.

* * *

По сигналу Уилла мы начинаем спускаться с гребня сквозь мокрый кустарник и зелень, которая пытается подобраться незаметно, застать противника врасплох — и, скорее всего, терпит неудачу. Может, первым следовало пойти одному человеку, думаю я. Может, нам стоило оставить наверху снайперов... Но сейчас слишком поздно размышлять — и вообще слишком поздно.

Мы уже рядом и видим, что хижина практически разрушена. Место выглядит так, будто по нему прошел смерч. Опорные шесты и куски коры раскиданы, как щепки. И никаких признаков Калеба.

— Кэмерон! — кричу я, но ее здесь нет. Внутри, на пропитанном влагой земляном полу, я вижу только следы ее борьбы, пятна крови на скомканной простыне, которая кажется безвкусной акварелью, и обрывки мокрых веревок. Сбоку — ведро, от которого несет уборной. Запятнанная фанерная кровать выглядит как алтарь и, возможно, являлась им все эти недели, пока Калев насиловал и мучил девушку.

Уилл сигналил рассыпаться и продолжать поиски. Потом отдает по рации распоряжение перекрыть все выходы из заповедника. Оборачивается ко мне; его лицо мрачное и целеустремленное.

— Он ее куда-то утащил. Что ты думаешь? Куда нам двигаться?

— Сама не знаю... — Я пытаюсь преодолеть страх и сосредоточиться. Преодолеть мысль, что, как бы близко ни подобрались, как бы ни старались, мы все равно не сможем ее спасти.

Глава 64

Государственный заповедник Джексон занимает пятьдесят тысяч акров и черен в ненастье, как неразведанная планета. Кошмар, становящийся правдой минута за минутой. В десятках историй, рассказанных за годы, Хэп описывал всевозможные опасности этих лесов, хищных зверей и неудачные падения, переохлаждения, заблудившихся туристов. Если Кэмерон каким-то чудом освободилась — безумная, невероятная мысль, — она может оказаться в ужасной опасности даже без Калеба. Но она хотя бы в этих лесах, а не где-то еще. Эта территория знакома мне на уровне клеток, нервных волокон. Если Кэмерон здесь, я верю, что смогу ее найти.

Оставшаяся группа разделяется и расходится веером, светя фонариками под папоротники, поваленные деревья и губчатые, впалые мамонтовые деревья, переговариваясь по рациям и выкрикивая имя Кэмерон. Дождь стихает до холодных, прерывистых брызг, но небо остается мрачным и набухшим, творя тени из темного воздуха и мокрой коры, камней и оврагов, и любое движение становится все опаснее. Количество возможных направлений бесконечно, от него кружится голова; тропы практически незаметны. В какой-то момент я понимаю, что стою по пояс в липких папоротниках, а гребень едва различим, и кажется, что я не иду, а плыву. Ломлюсь вперед, слышу сзади Уилла и жду, пока он меня догонит.

— Я собираюсь спуститься в ту низину, — указываю на склон слева. — Если она пытается спрятаться от Калеба, то не полезет на гребень, а будет держаться низких, укромных мест.

— Хорошая мысль. Я пойду первым.

— Мы осмотрим бóльшую территорию, если разделимся. В любом случае скоро совсем стемнеет. Если ты пойдешь в ту сторону, — продолжаю я, указывая на противоположный склон, — низина идет с запада на восток примерно полмили. Я буду двигаться в том же направлении, и мы встретимся перед следующим подъемом. Если потребуется, свяжемся по рации.

— О'кей, только... Анна? Будь осторожна.

Я обещаю ему, потом пробую почву и начинаю медленно спускаться боком. Через несколько минут Уилла уже не видно, а я еще

глубже зарылась в папоротники. Они хватаются за дождевик, дергают за руки, когда я пытаюсь найти безопасный угол. Потом, не успеваю я понять, что случилось, земля становится совсем скользкой, и я стремительно качусь кувырком с холма, свернувшись в клубок, а со всех сторон в меня тычутся мокрые черные ветки.

Наконец я на дне оврага, еле перевожу дух, вся в синяках. Я катилась по крутому склону метров двести, не меньше.

— Уилл! — кричу я, потом напряженно прислушиваюсь, надеюсь на ответ.

Ничего.

Тянусь к рации, но решаю сначала проверить раны. Руки ободраны, в правом бедре стучит боль. Ощупываю кончиками пальцев затылок и чувствую кровь. Любой хищник, оказавшийся поблизости, учует во мне, побитой и окровавленной, свой обед. А еще есть Калев, который может оказаться где угодно, в любой из мокрых и подрагивающих теней. Но будь рядом Уилл, не факт, что он сможет защитить меня от Калеба, если тот настроен на убийство. И я не настолько пострадала от падения.

Решаю пройти немного дальше, радуясь, что не выронила фонарик, пока летела со склона. Медленно, прихрамывая, начинаю двигаться вперед. Дно низины пропитано водой, как болото. Через несколько минут фонарик начинает икать, словно в нем уже садится аккумулятор. Я трясу его, потом спотыкаюсь о корень и снова падаю, уйдя правым коленом в глубокую жижу. Стоя на четвереньках, вижу, как что-то срывается с места слева от меня. Черный взмах крыла, словно я напугала сову или кого-то крупнее.

Я замираю, прислушиваюсь всем телом. Сердце часто стучит. Горло стянуто. Слева на тридцать градусов, там я видела движение. Нащупываю оброненный фонарик, потом заставляю себя встать. Пробиваясь через губчатые препятствия, чувствую, как лесная подстилка вырастает под ногами, как мягкий черный рот. Я в ужасе от того, что могу найти. Или кого.

Лесной полог кажется сшитым воедино, от неба осталось только воспоминание. Мне кажется, что я вывалилась из мира в пустоту. Что, даже если я дозовусь Уилла, он не сможет до меня добраться. Это не один из тестов Хэпа, не игра в выживание. Это моя жизнь, а может, и смерть. Я думаю обо всем, чему пытался научить меня Хэп, о том,

какого уважения требует к себе лес, сколько бы ты о нем ни знал. Это доказывает его исчезновение. Он знал больше всех, у него было терпение, было уважение и почтение к лесу. И все же лес забрал его. Но меня он не заберет. Не заберет, пока у меня есть надежда отыскать Кэмерон. Вот на чем я сейчас должна сосредоточиться. Не на страхах, а на причине, по которой я здесь. Потому что это и есть выживание.

Пробираюсь сквозь густой подлесок, мокрые листья и ветки цепляются за одежду. Потом открывается полянка и несколько старых мамонтовых деревьев. Я чую их, почти слышу, как они дышат. Наверное, они свидетели, но чего?

Затем что-то снова движется. Я слышу слабый полузадушенный вздох. А потом мой фонарик высвечивает фигуру. Тощую и измазанную грязью, скорее животное, чем девушку. Она скорчилась в путанице ветвей, ее волосы спутаны и растрепаны; она пытается замаскироваться. Глаза огромные и смотрят прямо на меня, лицо загнанное и злое.

— Кэмерон!

Я едва дышу, когда она делает шаг мне навстречу. На ней оборванная фланелевая рубашка, ноги белые и слишком худые.

— Вы кто? — хрипло произносит девушка, потом спотыкается и падает, от слабости или слишком глубоко в шок, чтобы стоять.

Я бросаюсь к ней, падаю на колени. Она дрожит, словно сейчас развалится на куски.

— Кэмерон, все хорошо. Я детектив, я пришла помочь тебе. Я давно тебя ищу.

— Где он? — голос ломкий, испуганный.

— Мы еще его ищем, но ты в безопасности, обещаю. Никто больше не причинит тебе вреда. Я им не позволю.

— Я хочу к маме... — Что-то глубоко у нее внутри ломается и выходит наружу. — Я хочу домой.

Я не успеваю ответить, когда слышу, как сзади нас на поляне шуршат и хрустят листья и ветки. Кто-то идет сюда. Я разворачиваюсь навстречу звукам, готовая сражаться насмерть, если придется. Но это не Калев. Это Гектор.

Я даже вообразить не могу, как он сюда попал. Возможно, последовал за поисковой группой из города, не желая оставлять все на власти. Или просто материализовался здесь по волшебству? Как бы то

ни было, сейчас он выглядит так, словно узрел воскрешение из мертвых. Фонарик в его руке дрожит, свет прыгает по его мокрому лицу и одежде. Все это невозможно. Это благодать.

Он бросает включенный фонарь и бежит к нам, подхватывает Кэмерон на руки. Сейчас она, наверное, почти ничего не весит, но я вижу, что ему не важна тяжесть ноши. Он все равно понесет сестру.

Я прижимаю кнопку на рации.

— Мы нашли ее. Она жива, прием.

Треск, затем голос Уилла:

— Анна? Ох, слава богу... А где Калев?

— Его здесь нет.

— Ты знаешь, где вы?

— Думаю, да. У меня тут есть помощь. — Бросаю взгляд на Гектора, оставляя объяснения на потом. — Мы собираемся выйти к дороге, оттуда я свяжусь с тобой. Подгони «скорую», ладно? И никаких журналистов. По крайней мере, пока.

— Хорошо. Принято.

В наступившей тишине я говорю Кэмерон, что ей не нужно бояться. Что Гектор безопасен, он друг. Потом вывожу нас с поляны, держа по фонарику в каждой руке. Низина под ногами заросшая и чернильная, а мое сердце настолько счастливо, что, кажется, я могла бы взлететь.

Вдалеке я слышу шум Биг-ривер, набухшей после дождя, бурной. Веду нас туда, подсвечивая путь фонариками, слышу за спиной хриплое дыхание Гектора, его тяжелые шаги. Но ни звука от Кэмерон. Может, она потеряла сознание, а может, действительно поверила, что в руках Гектора она в безопасности... Для нее он просто один из спасателей, крепкий мужчина, у которого хватает сил ее нести. Она не знает, что он ее брат, и от того все становится вдвойне прекраснее.

Глава 65

Мы спешно возем Кэмерон в больницу в Форт-Брэгге, где уже ждут в машине Эмили и Трой. Я сказала Уиллу не сообщать репортерам, но каналы все равно почуяли, откуда дует ветер. Парковка за боксом «скорой» усеяна фургонами, стойками камер и переносными прожекторами. Эмили приходится пробиваться сквозь них, чтобы добраться до палаты в крыле неотложной помощи, куда поместили Кэмерон, но она справляется.

— Я понимаю, что вам хочется как можно скорее увидеть дочь. — Я отвела их в укромную комнатку для отчета. — И вы ее увидите. Но сейчас вам нужно не мешать врачам заниматься делом. А потом нам придется снять с нее показания. Она жива и в безопасности. Это главное.

— Этот монстр, который держал ее у себя, все еще где-то там, на свободе, — с нажимом произносит Трой, словно вовсе меня не слышал. — Вы его упустили. Это потрясающая некомпетентность.

— Его ищет наш шериф вместе с ФБР. Уже повсюду разосланы ориентировки, на юг и на север, за пределы штата, на Луну, если потребуется. Мы его найдем.

Лицо Троя становится сиреневым, он собирается с силами. Я вижу, что ему нужно кого-то обвинить, но с меня уже хватит.

— Если вы не можете держать себя в руках, вам придется остаться на улице. Я не шучу. Ваша дочь прошла через ад. Вы это понимаете?

Его лицо вспыхивает надменностью.

— Да как вы смеете?!

— Трой. — Голос Эмили неожиданно тверд.

Он стискивает челюсти, полные узлов, которые могут никогда не развязаться. Его не находящее выхода чувство вины. Все поступки, которые он совершил, но за которые никогда не попросит прощения. В конце концов неохотно он отступает и прекращает ссору.

* * *

Когда приходит время для моей первой беседы с Кэмерон, я оставляю Кёртисов на одного из помощников Уилла, способного ответить на любые вопросы, и иду к палате. По пути вижу, как Гектор спорит с медсестрой, пытаюсь узнать что-нибудь о Кэмерон. Его ботинки все еще заляпаны грязью; на лицо, стиснутое множеством эмоций, страшно смотреть.

— Все в порядке, — говорю я сестре, дав знать, что понимаю ситуацию.

— Где она? — спрашивает Гектор, как только сестра уходит.

— Присядь на минутку.

Взгляд Гектора мечется мне за спину, сканирует коридор, как будто он не может ухватить ни одной мысли, кроме Кэмерон. Он принес сестру сюда, нес ее, пока руки не начали отваливаться от усталости, а теперь он снова посторонний. Никто не знает, кто он, кроме меня.

— Гектор, как ты оказался в лесу? Ты меня тогда здорово потряс.

— Я стал сходить с ума, не знал, как помочь. Я сидел в машине около офиса шерифа, когда увидел, как все патрульные машины погнались из города. И я поехал за ними. Наверное, это не очень клево, но обернулось все хорошо, правда? Я вовремя до нее добрался.

— Да, — говорю я, понимая, как много значат эти слова. — Ей пришлось нелегко, но могло быть намного хуже. У нее все ребра в синяках, и порвана связка в плече. Ей потребуется помощь хирурга, но я уверена, что она полностью поправится. Она настоящий боец, верно?

Гектор кивает, потом его зрачки сжимаются в точки.

— Он... она еще как-то пострадала?

По нажиму, с которым он произносит «пострадала», по тому, как не может заставить себя сказать то, что имеет в виду, я понимаю, о чем он спрашивает. Была ли Кэмерон изнасилована? Хотела бы я, чтобы его можно было как-то уберечь от правды, но для этого слишком поздно. Я могу только медленно кивнуть, пока его лицо дергается. Обнаженная боль становится яростью, потом отчаянием.

— Что я могу для нее сделать?

— Ох, Гектор... Мне очень жаль. Прямо сейчас нам нужно дать врачам позаботиться о ней. Тебе придется потерпеть, если сможешь. Процесс выздоровления будет непростым. Но если ты действительно любишь сестру — а я знаю, что это так, — то не будешь ей мешать или вываливать на нее свои чувства. Но со временем ей нужно будет узнать,

кто ты такой. Ты хранишь все те воспоминания. Ты можешь вернуть ей ту часть ее жизни.

Его глаза стекленеют, он с трудом сглатывает.

— Этот мужик, который схватил ее, он все еще на свободе...

— Да. Но мы его поймаем.

— Вы же не ждете, что я буду просто сидеть здесь? — Гектор так сильно сжимает кулаки, что костяшки белеют. — Если он может оказаться здесь, или еще кого-нибудь схватит...

— До Кэмерон он не доберется. Мы поставим у ее палаты вооруженных полицейских, и она ни на минуту не останется без защиты. Я обещаю.

Гектор сидит там, но кажется, у него зудит все тело. Я понимаю, что с ним сейчас, вижу, что он взорвется, если не предпримет хоть что-нибудь.

— Послушай, ты не мог бы оказать мне услугу? Моя собака в офисе шерифа в Мендосино. Может, ты съездишь туда, накормишь ее, а потом привезешь сюда, ко мне?

— О... — Какая-то тяжесть уходит из его взгляда, он выпрямляется. — Ага. Это я точно могу.

* * *

Когда я открываю дверь, все жалюзи и ширмы в палате задвинуты. Кэмерон сидит в кровати, опираясь на подушки и подтянув колени к животу, словно пытаюсь стать меньше, пока медсестра очищает порезы на ее ладонях и запястьях. Правая скула и подбородок отмечены хирургическим пластырем — там накладывали швы. И при всем этом — ранах и синяках, невидимых и видимых, — она прекрасна. Она жива.

Кэмерон смотрит на меня.

— Вас зовут Анна, — слабо произносит она.

— Верно. — Я подхожу ближе. — Анна Харт.

Она закрывает глаза, потом снова открывает.

— Вы спасли мне жизнь.

Сестра смотрит на наши лица — и понимает.

— Я выйду на минутку. Скоро вернусь.

Когда она уходит, я сажусь на ее стул, всего в паре дюймов от изголовья кровати, от безликих белых простыней.

— Ты спасла свою жизнь, — говорю я, преодолевая спазм в горле. — Ты все сделала.

Кэмерон нетвердо смотрит на меня, словно тоже сейчас расплачется.

— Спасибо вам, — тихо произносит она.

— Я знаю, как нелегко тебе пришлось, но мне нужно задать тебе буквально пару вопросов. Ты знаешь, кто тебя похитил? Ты узнаешь его на фотографии?

Она отводит взгляд.

— Кэмерон, ты можешь рассказать мне, что случилось?

Она мотает головой, глядя в стену.

— У тебя есть какие-то идеи, куда он может отправиться?

Ответа нет.

— Я знаю, тебе тяжело. Но нам очень важно это знать, чтобы поймать его.

И снова она молчит.

Я делаю глубокий вздох, стараясь встретиться с ней там, где она сейчас.

— Все в порядке. Мы поговорим потом. Тебе не холодно? Может, принести еще одно одеяло?

На ее шее, покрытой синяками, дергается жилка. Пульс. Мне нужно будет найти способ дотянуться до нее, уговорить раскрыться. Но сейчас не время.

— Я только хочу сказать: что бы ты мне ни рассказала, я не буду думать о тебе хуже. Ты очень храбрая.

Кэмерон наполовину оборачивается ко мне.

— У меня не было выбора.

— У тебя был выбор. Ты могла сдаться.

* * *

Уилл ждет в коридоре, когда я выхожу из палаты Кэмерон.

— Есть что-нибудь? — спрашивает он.

— Она не готова.

— Я понимаю, но у нас преступник. Кaleb может быть где угодно. Пересекать границу с Канадой или охотиться на новую жертву.

— Думаешь, я не знаю? — бросаю взгляд на дверь палаты, потом приглушаю голос и веду Уилла в сторону сестринского поста. — Она еле держится. Подумай, что ей пришлось пережить. Какую она перенесла травму. Уилл, это даже словами не выразить.

Он вздыхает, когда мои слова погружаются в него, и кивает.

— Кэмерон должна знать, что наш приоритет — она, а не информация. Она это заслужила.

— Да уж... — Он трет глаза костяшками пальцев, выглядит совершенно измученным. За его спиной, у сестринского поста, видна маркерная доска с фамилией Кэмерон. Красным ее лечащие врачи нацарапали назначения капельниц, показатели, прописанные лекарства. Сверху написана дата: 14 октября.

Я недоверчиво смотрю на цифры. Между моим отъездом из Сан-Франциско и сегодняшним днем прошла целая вечность перемен. Мы обе были взломаны и преобразованы, соединены навечно, есть ли для этой связи подходящие слова или нет. И все же прошло только три недели. Меньше одного лунного цикла.

Глава 66

Охота на Калеба продолжается всю ночь и следующий день. Вывели собак, вышло больше поисковых групп, больше людей. Каждый округ в Северной Калифорнии отмечился в поисках — и сейчас кажется, у нас наконец-то есть армия, наступающий человеческий прилив. Род Фрейзер снова отправляет к нам вертолет, прочесать побережье. Он показал фотографии Калеба Джиллиан Пэлхем и Кейт Маклин, но ни одна из них не узнала в нем похитителя Полли. Тем временем СМИ продолжают строить безумные гипотезы. Все новые репортерские команды затопляют городок, пытаются добраться до Кэмерон и ее родителей, охотятся на Уилла ради официальных заявлений и новостей.

Когда словесный портрет Калеба уходит в интернет, он за несколько часов становится известным тысячам и тысячам, и наша армия растет. На следующее утро «тойоту» Калеба обнаруживают около Гэллоуэя, на малоиспользуемой сельской дороге. Машину замечает женщина, которая опознала регистрационный номер из новостей. Она звонит в офис Уилла, почти кричит.

Мы отправляем туда десятки людей, прочесываем район в поисках мест, где может скрываться Калев. Но, хотя это важная находка, мы не знаем, когда он бросил там машину и сколько миль в состоянии пройти пешком за день. Не знаем, насколько качественно и основательно он способен скрываться. И как долго.

* * *

Поиски продолжаются, а мы с Уиллом и небольшая группа, включая нескольких агентов ФБР, работаем над тем, чтобы перевернуть каждый дюйм в хижине помо и кладовке студии в арт-центре, где Калев мог держать или даже убить других жертв. Мы получаем ордер на дом Калеба, и этот обыск занимает нас надолго, даже при наличии лишних рук.

Я чувствую себя странно и беспокойно. Кажется, что время раскручивается назад. Как будто я снова могу пройти по длинному,

обшитою панелями коридору и застать в комнате Дженни, играющую на гитаре или слушающую на магнитофоне Саймона с Гарфанкелом.

Первая дверь слева — комната Калеба. Я бывала здесь подростком. Валялась на ворсистом коричневом ковре, ела крекеры с арахисовым маслом и слушала, как Кaleb рассказывает о знаменитых кораблекрушениях и других малоизвестных фактах. Комната та же самая; кажется, что время в ней остановилось, словно Кaleb так и не вырос в этом доме без Дженни. Клетчатое постельное белье темное, синее и красное, мальчуковое. Вдоль двух стен стоят битком набитые книгами стеллажи. Над столом и вдоль третьей стены висят фотографии девушек-подростков с длинными темными волосами, каштановыми или черными. Все они красивые, все цели или объекты одержимости. Жертвы хищника.

Шеннан тоже здесь, на трех фотографиях рядком. Она выглядит болезненно изнуренной, взгляд у нее оцепенелый и затравленный, словно это триптих, изображающий ее погружение в ничто. Потом я вижу Кэмерон. Снимки цветные и черно-белые. Рядом карандашные наброски ее лица и плеч, шеи и рук, каждая черточка и деталь схвачена в штрихах и растушевке. С нежной наблюдательностью и безукоризненным контролем.

Продолжаю осматривать комнату, чем дальше, тем сильнее выбиваясь из равновесия. Как будто я стою не в спальне, а в лаборатории. Это — *все это* — сознание Калеба. Как он думает. Чего он хочет. Что двигало им эти последние месяцы, если не годы. Мне приходится считать, что есть и другие жертвы, там, где он жил раньше, даже в Персидском заливе. Что он давно этим занимается. Что он никогда не остановится, если мы его не поймаем.

* * *

Когда врачи отпускают Кэмерон и она удобно устраивается в своей палате, мы с Уиллом начинаем ее расспрашивать, медленно и бережно. Нам трудно заслужить ее доверие, потому что мы — часть проблемы. Мы вынуждаем ее думать о том, о чем она отчаянно пытается забыть. Мы обязаны остановить Калеба, иначе она никогда не будет чувствовать себя в безопасности. Но я знаю и другое. Если Кэмерон

сможет отыскать способ выговорить хотя бы часть своей трагедии, реконструировать часть воспоминаний, они начнут покидать ее тело и оставлять больше места внутри, чтобы она смогла медленно вернуть себя.

Это сложный процесс, и не только из-за ее шаткого физического состояния. Травма испытаний затронула память Кэмерон и способность фокусироваться. Один момент в ее рассказе выглядит четким, а следующий распадается осколками. Какие-то подробности она повторяет, другие каждый раз меняются. Иногда девушка вообще не может говорить, только плачет. В другой раз кажется безучастной, лишенной эмоций, только моргает в кровати, будто видит нас впервые. Она ни разу не произносит его имени. Но время от времени я вижу, как что-то пробивает горе и онемение. Ярость — слабая, но живая. То, что нельзя сломать.

* * *

Хронология последних месяцев — одна из самых хитрых штук, которые мы пытаемся сложить воедино, однако шаг за шагом начинаем видеть — маленькими, иногда хрупкими частями, — как Калев в первый раз смог подобраться к Кэмерон. В начале августа она увидела его объявление о поиске модели на доске в «Хорошей жизни». В тот день Кэмерон была с Греем, они зашли перекусить в кафе, возвращаясь с пляжа, но когда она оторвала полоску с телефонным номером и засунула себе в карман, то сделала это одна. Звонила она ему тоже без свидетелей, из своей комнаты, когда матери не было дома. Договорилась встретиться с Калевом в туристическом центре Мендосино на Мейн-стрит.

— Общественное место, — ключевой ход с его стороны, предназначенный завоевать доверие. Хорошо придумано: там много туристов, не местных. Вряд ли пару заметит кто-то знакомый, а даже если и так, они просто разговаривают в тени, сидя за летним столиком в приятный день в самом конце лета. Достаточно безопасное место, чтобы пойти одной.

— Ага. — Она кивает. — Наверное, это было глупо.

— Ничуть. Он вполне мог оказаться просто художником.

— Но не оказался.

— Тогда ты этого не знала.

Кэмерон поднимает взгляд. Я вижу на ее лице глубокие тени от перенесенных испытаний. Ее тело болезненно тонкое.

— Он выглядел нормально.

— О чем вы в тот день говорили? — спрашивает Уилл. — Ты помнишь?

— Он хотел посмотреть мое портфолио, но у меня его не было. Я ужасно смутилась, что не подумала об этом заранее.

— И тогда ты попросила Грея сделать серию снимков в роще? Ты хотела вернуться с чем-то профессионально выглядящим?

Она кивает.

— Когда мы снова встретились, я показала ему фотографии. Он сказал, они хорошие, но не совсем то, что его интересует. Он собирался делать наброски и хотел модель, которая будет выглядеть естественно. Наверное, на тех снимках было слишком много макияжа или как-то так.

— А что было дальше? — мягко подбадривает Уилл.

— Он сказал, что подумает и свяжется со мной, но, если все получится, у него много связей в мире искусства, и моды тоже. Думаю, на это я и купилась. — Взгляд уходит в сторону под тяжестью стыда.

— Ты купилась, потому что он манипулировал тобой, — говорю я, желая снять с нее часть ноши. Ее непосильного бремени. — Он втянул тебя, застал врасплох. Ты не сделала ничего неправильного.

— Мне надо было рассказать маме или Грею. Кому-нибудь.

— Тебе просто хотелось чего-то *для себя*. Неудивительно, учитывая, какая напряженная обстановка была у тебя дома.

— Наверное. — В ее голосе не слышно убежденности.

— Когда что-то для нас действительно важно, мы часто не говорим об этом никому, потому что не можем. Твои поступки были вполне естественными. И, знаешь, тебе только пятнадцать.

Она молчит, я удерживаю ее взгляд своим. Пытаюсь сказать ей без слов. «Ты сражалась за себя. И поэтому ты сейчас здесь».

* * *

В следующие часы и дни мы узнаем больше. Как в первых числах сентября Кэмерон стала приходить в мастерскую Калеба, позировать для него раз или два в неделю, после школы. Он не предлагал ей позировать обнаженной и не делал ничего, способного встревожить ее. Всякий раз он вел себя почти безразлично, и это, как ни странно, увеличивало его власть над ней. Другими словами, все его силки срабатывали.

Возможно, ситуация стала стремительно обостряться из-за других событий, тех, которые никто не мог предсказать. Кэмерон съездила в клинику и столкнулась со своей скрытой травмой. Она сняла трубку телефона и услышала от ассистентки Троя о ее беременности. Бомба, взорвавшаяся в семье. Трудно сказать, что могло случиться без этих факторов, но вскоре Кэмерон ускользнула из дома, чтобы встретиться с Калебом. Возможно, она все больше и больше стала полагаться на него, веря, что сможет воплотить свою мечту и стать моделью, если будет достаточно серьезно трудиться, или же ее отчаяние дошло до точки, когда она просто не могла рассуждать здраво. В любом случае Кэмерон понятия не имела, с чем на самом деле столкнулась, пока не стало поздно. Пока она не пошла ночью на встречу с ним — и не вернулась.

— А почему именно той ночью? — спрашиваю я.

— Он сказал, к нему заехал друг-художник из Лос-Анджелеса, с которым мне стоит встретиться. Что он будет в городе всего несколько часов.

— Поэтому ты дождалась, когда твоя мама пойдет спать, и отключила сигнализацию. Ты уже такое делала?

— Пару раз. Я думала, все будет отлично. Я ему верила. Но когда я села к нему в машину, где он меня ждал, что-то изменилось.

— Он выглядел возбужденным? Не в себе?

— Ага. Он нервничал и разговаривал сам с собой. Типа шептал. Было правда стремно.

— Ты попросила его отвезти тебя домой?

— Я не знала, что делать. Потом мы остановились на светофоре на въезде в город, и он повернул в другую сторону. Он поехал не в мастерскую. Не было никакого друга.

— И что было дальше? — спрашиваю я так мягко, как только могу.

— Я попыталась выбраться из машины. Я собиралась выскочить. Я жутко перепугалась. — Кэмерон натягивает повыше одеяло, стискивает руки, покрытые мурашками. — Он нажал на тормоз и заорал на меня. Потом начал душить меня и бить головой о стекло. Наверное, я отключилась.

— И тогда он отвез тебя в хижину?

— Нет, сначала в какое-то другое место. Маленькая темная комнатка, там пахло плесенью. Он связал мне руки. Я думала, он собирается убить меня прямо там, но он не стал. — Она отворачивается к окну, все тело сжато, как кулак. — Он говорил, что любит меня.

Долгая, напряженная тишина. Мы приносим ей воды. Я прошу одну из медсестер принести еще одно одеяло, с подогревом, и замечая, что мои руки тоже замерзли. У меня болит в груди.

— Сколько времени ты там пробыла? — спрашиваю я, думая, почему не услышала ее в тот день, когда впервые набрела на хижину помо, почему она не услышала меня.

— Может, неделю... Он давал мне какие-то таблетки, чтобы я спала.

Я искоса смотрю на Уилла, наши взгляды встречаются. Криминалисты нашли следы крови в кладовке арт-центра, но образцов не хватило для сопоставления и определения группы. Они собрали и много других неидентифицированных следов — осколки ногтей, различные волокна. Некоторые образцы волос предположительно подходят Кэмерон, но остальные — нет.

— Не видела ли ты каких-то признаков, что он держал в этой комнате или в хижине еще кого-то, до тебя? — спрашивает Уилл.

— Не знаю. Наверное, нет.

— Видела ли ты когда-нибудь у него других моделей? — продолжает он. — Мы нашли много фотографий других девушек. Одна из них — Шеннан Руссо, ее убили в начале лета, но остальных мы пока не смогли опознать. Похоже, он давно занимался этим делом.

По выражению лица Кэмерон я вижу, она понимает, о чем мы говорим. Ей повезло остаться в живых.

— Как тебе удалось сбежать? — спрашиваю я.

Она медленно, тяжело моргает.

— Я пробыла в хижине долго, в основном одна. Он возвращался через каждые два-три дня, покормить меня и... — Кэмерон сглатывает

остаток фразы, не в силах не только произнести, но даже подумать о продолжении. Прижимая к себе одеяло, как щит, она говорит: — Я давно его не видела. Начала думать, что он решил уморить меня голодом, но тут он вернулся, и стало еще хуже.

— Что изменилось?

— Его что-то взбесило. Он метался, хватал вещи, разговаривал сам с собой, в общем, совсем съехал. У него был нож в руке, и я думала, теперь точно все кончено. — Ее голос прерывается.

— А что случилось потом?

— Он разрезал веревку, освободил мне руки, и... не знаю. Я подумала, у меня не осталось выбора, только сопротивляться. Что это мой последний шанс.

— А до того ты пыталась ему сопротивляться?

— Не особо. Он намного здоровее меня. Нож был рядом, но я не думала, что смогу его схватить. Просто начала швырять в него вещи, все, которые попадались под руку. Он потерял равновесие и ударился о стену, и вся эта штукавина начала разваливаться. Я бросилась к двери, распахнула ее — и тут что-то услышала. Он тоже услышал. Кто-то шел туда.

— И тогда ты убежала?

— Да.

— У тебя есть какие-нибудь мысли, куда он мог отправиться? — спрашивает Уилл. — Он когда-нибудь упоминал другие места, хотел куда-нибудь уехать?

— Не думаю. Ему нравится здесь, нравится океан. Не думаю, что он уйдет далеко.

— Океан? — спрашиваю я. — А что именно?

— Все. Он рассказывал мне, как нырял за жемчугом в Иране. — Кэмерон поднимает взгляд, он встречается с моим. Ее глаза внезапно кажутся очень ясными. Печальными, но ясными. — Он не всегда разговаривал, как псих.

«Да, не всегда», — думаю я.

Мы уходим, оставляя ее отдыхать.

Глава 67

На Хеллоуин, хотя я далека от праздничного настроения, я стою перед «Паттерсоном» и наблюдаю, как соседские дети выкрикивают «сладость или гадость» вдоль всей Лэнсинг-стрит, ныряя в магазинчики и салоны с открытыми дверями и ярким светом, хотя время закрываться давно прошло. В Ротари-парке стоит надувной дом-батут, а перед «Мендозой» поставили столик, где дети могут обзавестись дурацкими росписями на физиономии. Но когда я смотрю на поток гулей, ведьм и супергероев, за которыми на почтительном расстоянии следуют родители, то могу думать только о том, что всем — всему городу — следует сидеть дома за закрытыми дверями.

Ванда выходит из-за барной стойки, чтобы немного поболтать. Она одета как Пеппи Длинный Чулок; над ее плечами торчат косы из яркой пряжи, которые держатся на проволоке. В руках у нее большая стальная миска с разными шоколадными батончиками.

— Как дела у Кэмерон? — спрашивает она, упирая миску в бедро, и наклоняется, чтобы щедро выразить Сверчку свою симпатию.

— С каждым днем все лучше. На следующей неделе вернется домой.

— Это прекрасно. — Она слушает вполуха, треплет довольную собаку по морде и ушам. Эти двое нашли друг друга.

В этот момент я замечаю Уилла с детьми, сворачивающих на Юкайя-стрит. Бет нигде не видно. Пока я наблюдаю за ними, две девочки лет десяти-одиннадцати останавливаются перед нами и здороваются со Сверчком, пока Ванда насыпает по горсти конфет в их оранжевые пластиковые ведерки. Они ухмыляются, будто выиграла в лотерею. Обе одеты как Красная Шапочка.

Когда они уходят — капюшоны болтаются сзади, словно флаги, — я говорю Ванде:

— Если б решала я, она осталась бы в больнице, пока мы не найдем Калеба. Так безопаснее.

Ее обычно невозмутимая поза меняется, пока она меня слушает.

— Анна, ты в порядке? Не хочешь зайти и перекусить? Сегодня отличный суп.

— Спасибо. Со мной все будет нормально. Я просто хочу, чтобы эти дети ушли с улиц. Понимаешь?

Она следит за моим взглядом. Столько невинности на параде... Столько хрупких человеческих жизней...

— Я понимаю, откуда это у тебя, но думаю, что ходить сегодня вечером по домам и требовать «сладость или гадость» — своего рода храбрость. Не только для детей, но и для родителей. Как будто они говорят: «Этого ты не отнимешь».

Сверчок прижимается к моей ноге, словно соглашаясь с мыслью Ванды, но я не согласна.

— Если он захочет, то сможет. Он может отнять все.

* * *

Спустя какое-то время я решаю, что лучше всего отправиться домой, и выезжаю из города со Сверчком на заднем сиденье по непроглядной и неровной дороге. В моем нынешнем состоянии рассудка лес в свете фар кажется искаженным, отдельные деревья выскакивают, как скрюченные черные тени. Я продолжаю прикидывать, сколько еще жертв Калеба могло быть за годы, сколько еще было целей его одержимости. На десятках фотографий в его комнате все девушки поразительно схожи друг с другом. Те же длинные темные волосы, тот же мягкий овал лица. И у всех них есть явственное сходство с Дженни, как будто Калеб разыскивал разные вариации своей сестры.

Тревожная мысль, но я мусолю ее, пока въезжаю на темную подъездную дорожку и глушу мотор. Ночь прохладная и здесь, в лесу, абсолютно беззвучная. Ни сов, ни койотов, даже луна не освещает путь. Сверчок трусит вперед и к двери, разок задержавшись, чтобы пометить территорию. Я отпираю дверь, все еще думая о Дженни и ее связи с происходящим. Когда занимаешься серийным убийцей, понять, кто его цель, важнейшая часть для понимания, почему. Для Калеба сложная цепочка триггеров в его прошлом должна включать убийство его сестры. Но значимость его отношений с Дженни должна была усиливаться другими факторами: уходом матери, безразличием и алкоголизмом отца. Потеря сестры, разумеется, не превращает каждого человека в серийного убийцу. Что-то уже начало изгибать Калеба у

корней, и потому смерть Дженни не просто погрузила его в горе, а сломала его.

В чем бы ни заключалась особенность его ран — сейчас я могу только гадать об этом, в какой-то момент их боль стала слишком сильной и громкой, и он начал действовать в соответствии с ними. Начал охотиться на девушек, не на женщин. На девушек, которые напоминали потерянную сестру. Похищение означает, что он наконец-то контролирует свое прошлое, получает то, что недодала ему жизнь. По одной жертве зараз, он преодолевает беспомощность, которую испытал мальчишкой, и получает ощущение власти над происходящим.

Я глубоко в водовороте этих мыслей, полностью занята ими, когда тянусь к выключателю. Свет плещет в комнату, рассеивая тени. И у меня перехватывает дыхание. Калевб здесь, в моем домике, сидит на диване.

В меня бьет адреналин. Я чувствую его холодный и кислый вкус у основания языка.

Калевб с ног до головы в черном, будто собирается исчезнуть. Кажется, что его лицо над черным воротом висит в воздухе.

— Не пытайся бежать, — говорит он с жутким спокойствием. Его рука тянется к шее Сверчка. Она спокойно стоит рядом с ним. В конце концов, они уже знакомы.

Беспокойство, которое я чувствовала в городе и по дороге домой, внезапно становится острым, жестоким страхом. Он накрывает меня с такой силой, что на мгновение я не знаю, способна ли говорить или двигаться. На столике перед Калевбом лежит охотничий нож с зазубренным лезвием семи или восьми дюймов в длину. Где-то в моей голове хранится полезное знание, какие повреждения может нанести такое оружие в зависимости от места, в котором оно войдет в тело, силы удара и их количества.

Калевб крупнее меня в два раза, если не больше. Чтобы дать ему отпор, мне нужен пистолет, спрятанный под матрасом в спальне, по другую сторону от Калеба. Чтобы добраться до оружия, мне придется обойти его. Невозможно.

Словно почувствовав мои мысли, Калевб поднимается, берет нож и встает у двери в спальню. Его лицо холодное и равнодушное, словно он продумывает, а не ощущает, каждое свое движение. Парит над собой.

Моя диафрагма сжимается от страха, тело коченеет. Я искоса смотрю на Сверчка. Она умна и очень понятлива. По ее взгляду видно, она понимает — что-то неладно. Ее поза не изменилась. Она по-прежнему сидит у кофейного столика, но взгляд внимательный и настороженный. Он говорит мне, что она на посту. Что я не одна.

— Ты не против, если я зажгу огонь? — стараюсь выиграть время. — Тут холодно.

— Конечно, — скованно произносит Калев, указывая на печку кончиком ножа. — Только без фокусов.

Его предупреждение заставляет поверить, что он правильно читает язык моего тела. Мне хочется метнуться в сторону, закричать, рискнуть всем и напасть на него. Вместо этого я приседаю у ящика с дровами, беру коробку спичек, щепки, газету.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, слыша, насколько деланным звучит мой голос. — Зачем пришел?

Он едва заметно поджимает губы.

— Я думаю, Анна, мне следует задать тебе тот же вопрос.

Бросаю взгляд на нож, который он небрежно держит в руке, почти касаясь бедра. Калев не размахивает им, не жестикулирует. Напротив, он слишком спокоен, слишком уверен, что у него все козыри. Потому что так и есть.

— Что ты имеешь в виду?

— Это *ты* пришла за мной. Я тебя не трогал. Я проявлял уважение. — Слова звучат странно, жарко и контурно.

Это что-то значит. Это ключ. Мое сознание работает все еще медленно и ненадежно, продырявленное страхом. Но я уже сталкивалась с подобным. Разговаривала с десятками убийц и психопатов. Проводила сложный профайлинг, писала океаны заметок по расследованиям. А еще стояла в комнате Калеба, в его лаборатории. Мне нужно как-то собрать вместе все кусочки. Исходную историю, которая движет всем. Старую и могущественную. Создающую импульс. Что он сделал и что собирается сделать. Что происходит сейчас, в этой комнате.

— Калев, я уважаю тебя. Мы давние друзья.

— Это верно. Давние. — Он опирается о косяк двери — черный свитер и черные джинсы как удар кнутом по белой краске. — Вот

только ты изменилась, Анна. Раньше ты меня понимала. По крайней мере, я так думал.

Он дает мне новую информацию. Еще один кусочек целого. Стараюсь выровнять дыхание, расслабить напряжение в руках.

— Я хочу тебя понять, Калеб. Скажи, почему Кэмерон особенная? Она же особенная, правда. Я тоже ее люблю.

Внезапно лицо Калеба багровеет. На шее проступают жилы, словно он едва сдерживается.

— Ты давно этим занимаешься, но Кэмерон не такая, как остальные. Ты держал ее у себя три недели, но не убил ее. Мне кажется, тебе вообще не хотелось причинить ей вред.

Я вижу, он прищуривается, словно я задела его за живое, — но молчит. Чиркаю спичкой, в глаза и нос бьет едкий запах серы. Тем не менее я рада этому действию и мгновениям отвлекающей завесы. Меньше всего мне хочется, чтобы он увидел, как я трясусь. Мне нельзя стать жертвой в его сознании. Оленем в свете фар. Я его друг. Он должен верить, что я принимаю его. Что знаю: он не в состоянии себя контролировать.

— Я просто пытаюсь поставить себя на твое место, Калеб. Ты думал, что можешь удержать при себе Кэмерон, потому что она сильнее всего напоминает тебе о Дженни?

— Не говори о ней, — огрызается он, чуть заметно смещает вес на носки. На нем большие черные кроссовки, и он удивительно легок на ногу, учитывая его размеры. Калеб весит около двух сотен фунтов, но двигается намного легче. Если не грациозно, то эффективно. Наверное, этому его научили в армии.

— Калеб, я скучаю по Дженни. И ты наверняка тоже.

Он не шевелится, но что-то в нем сжимается.

— Ты ее не знала.

Рядом со мной разгорается огонь, пожирает растопку и облизывает сосновые поленья, которые я сложила шалашиком. Запах горящего дерева — один из самых знакомых и успокаивающих, он глубоко вшит в мои воспоминания о Хэпе и доме. Об уюте. Но сейчас я думаю только об одном — сколько еще Калеб продержит меня живой. Не последние ли это мгновения моей жизни.

Как бы он ни нашел меня здесь — последовал ли за мной из города, следил ли за каждым моим движением дни, если не недели, —

теперь он определенно хочет мести. Я что-то у него украла. Что-то драгоценное и незаменимое.

Сажусь на корточки и встречаюсь с Калобом взглядом.

— Я хотела лучше узнать Дженни. Мне всегда казалось, что в твоей сестре есть какая-то печаль. Хотела бы я, чтобы она больше разговаривала со мной... Я хотела помочь.

Я не могу сказать по выражению лица Калеба, раздражают или интересуют его мои слова, но он отходит от двери в спальню и присаживается на подлокотник дивана лицом ко мне, футах в десяти. Нож лежит на колене.

— Мы пользовались тайным языком, когда были детьми.

— Я слышала такое о близнецах. Завидую, что у тебя было кого так любить.

— Это особое. — Его правая рука подергивается, и нож подпрыгивает, будто по собственной воле. — Ты не поймешь.

— Я не сомневаюсь, что это особое чувство. Но потом кто-то забрал ее. Сделал ей больно.

Он подается вперед, взгляд мечется по мне.

— Я же сказал, ты не поймешь.

Сверчок чувствует напряжение в комнате. Она устроилась рядом с кофейным столиком, неподалеку от Калеба, но сейчас резко вскидывает голову и смотрит на меня. Я удерживаю ее взгляд, молча желая, чтобы она была рядом. Не потому, что сможет защитить меня, если Калоб решит со мной покончить, а ради тепла ее тела.

— Калоб, ты все еще злишься на свою мать? Это тоже связано? Почему тебе нужно расплачиваться с женщинами?

— Что ты об этом знаешь?

— Моя мама бросила меня. — Я сама удивляюсь, слыша эти слова, словно они по собственной воле всплыли в голове. — Она покончила с собой.

— Я не знал.

— Я никогда не говорила об этом. Знаешь, как это бывает... — Я пытаюсь уравнять нас, но не рассердить его. Он похож на мину с десятками растяжек. Некоторые я вижу, но большинство спрятаны в глубине. — Иногда мне хочется, чтобы она была здесь и я могла показать ей, как сильно она испортила мне жизнь. Тебе когда-нибудь этого хотелось?

Он снова прищуривается, но не отвечает.

— Как вышло, что твоя мама не вернулась после убийства Дженни? — сейчас я сознательно подстрекаю его. Проверяю растяжки. Надеюсь, что не ошибаюсь. — Ее вообще ничего не заботило?

— Заботило. Она просто не могла вернуться. Она была не слишком сильной личностью.

Теперь моя очередь реагировать. Все так, словно я смотрю в зеркало. Слушаю реплики из сценария, который написала давным-давно. У меня странное чувство, что все это однажды было. Словно путь уже проложен. И есть только одно место, куда можно шагнуть.

— Не все способны быть сильными. Я знаю. Наверняка ты многое делал для Дженни, раз ваша мама этого не могла.

— Я не возражал, — быстро произносит он. — Я хорошо справлялся. Папа всегда был бесполезным.

У этого слова есть изгиб, который цепляется и отскакивает. «Бесполезный». «Идиот». Вновь у меня ощущение, что я смотрю в зеркало. В мрачное зеркало.

— Возраст у вас был один, но ты всегда был сильнее. Иногда она грустила, но ты всегда мог ее ободрить. Ты готовил для нее. Поправлял ей одеяло. Наверняка рассказывал разные истории.

Внезапно Калеб хмурится. В нем пульсирует энергия сильного чувства, он встает.

— Прекрати лезть мне в голову.

— Я просто хочу понять, как ты сам говорил. Мне кажется, я подвела тебя. Как и многие другие люди.

Калеб покачивается на месте, будто проверяет равновесие.

— Ага, — бормочет он, почти про себя. — Ей не следовало пытаться уйти от меня.

Фраза входит в меня, как разряд молнии между лопаток. Он говорит не о матери. Это *Дженни* подвела его. Дженни его предала. Как же я раньше не додумалась?

— Калеб, не все бывают сильными, — медленно отзываюсь я, незаметно наклоняясь вперед. Все это время я сижу на корточках перед огнем, перекрывая свое кровообращение. Ступни щиплет, когда до них доходит кровь. Я рискую бросить взгляд на дверь спальни, потом на Сверчка, отдыхающую на полу у дивана, но чуткую, если я правильно

ее считываю, и наконец снова на Калеба. — Она больше не могла это выносить. Совсем как твоя мама.

— Я бы поехал с ней. — Это почти стон. Мальчишка внутри него сейчас здесь, с нами, и ему очень больно. Вот где живет его помешательство. В самом центре его раны. — Но она не хотела взять меня с собой. Она меня не слушала.

— Тебе пришлось ее остановить. Вот как все случилось. — С ним я рассчитываю каждый звук, каждый слог, а внутри нащупываю в крошечной тьме знакомые очертания, как в детской игре. Как в жмурках. — Вы повздорили. Пришлось применить силу. Ты сам не знал, насколько ты силен.

Его подбородок опущен, взгляд прикован к какой-то точке, словно он пытается вымарать все это и сфокусироваться на том, на большей драме, на истории его жизни. Должно быть, они поспорили в ее последний день дома. Она собрала сумку, попыталась уйти, но он остановил ее и случайно... что? Сломал ей шею?

Но нет, в тот день Дженни была на работе. Люди видели, как она ловит машину в сторону городка. Значит, он взял машину Джека и ждал ее, зная, что в противном случае она исчезнет. Он подъехал, когда она еще тянула руку. Дженни залезла в машину, думая, что теперь у нее есть еще несколько минут на попытку объяснить, почему она должна уехать. И тогда он это сделал. Грубо. Задушил ее и отвез тело к реке. И все это ему пришлось сделать. Ужасный, раскалывающий душу поступок. Но какой-то части его души это понравилось. Части, которая впервые ожила.

— Кaleb, я не считаю тебя чудовищем. Ты можешь мне доверять. Давай попробуем как-то выбраться.

— Нет. — Его мышцы едва заметно напрягаются.

Потом в нем рвется струна. Он бросается с ножом в руке к огню, ко мне. Сверчок бросается ему под ноги. Все происходит быстрее, чем движется свет. Медленнее, чем проходят дни или годы. Столетия.

Кaleb спотыкается о собаку, теряет равновесие и падает в мою сторону. Но сейчас Сверчок уверена, что я в опасности. Она низко и устрашающе рычит, пока я бегу к двери в спальню, неверно оценив ее положение.

Ударяюсь плечом о косяк. Отлетаю, продолжаю ломиться вперед. За спиной неразборчивые звуки. Резко лает Сверчок — я никогда не

слышала от нее такого лая, — потом пронзительный визг, словно ее пнули или что-то похуже.

Теперь по дощатому полу топают ноги. Страх во мне сдвигает тектонические плиты, но стремление выжить яростно и незыблемо.

Добегаю до кровати, сую руку под матрас, чувствую холодный ствол. Рифленую рукоятку, как послание азбукой Брайля. Оборачиваюсь...

Калев достаёт меня раньше, чем я успеваю поднять руку и нажать на спуск. Сила удара вышибает из меня дух. Мы рушимся на пол вместе, его вес — как гора у меня груди.

Я дергаюсь, пытаюсь сбросить его, но гравитация и сила на его стороне. Он легко прижимает меня к полу бедром и локтем; предплечье, словно дубина, сдавливает дыхательное горло. Моя рука с пистолетом между нами, прижата к моему бедру.

Перед глазами плывут темные пятна, я сражаюсь за глоток воздуха. Сражаюсь, чтобы не потерять сознание.

Он вскидывает нож, разрезая воздух над моей головой. Его лицо нависает надо мной, словно какая-то искаженная, перекошенная планета. Я лихорадочно шарю по полу левой рукой, нащупывая любое оружие. Там нет ничего, кроме досок, отполированных за долгие десятилетия.

Я тянусь за голову, не отрывая взгляда от ножа, — и вот оно. Мои пальцы нащупывают железную стойку кровати. Она крепкая, не хуже любого другого предмета. Я тянусь чуть дальше, хватаюсь за стойку и дергаю себя вверх. Скручиваюсь от бедра и плеча изо всех сил, еще сильнее, подбираю под себя ногу. Потом резко поднимаю левое колено. В освобожденные конечности торопится кровь.

Глаза Калеба выпучены от ярости; нож проходит в дюйме от моего лица. Но может, он не в силах заставить себя ударить меня? Последним резким рывком я толкаю его в обратную сторону, к раме кровати, и он бьется головой о железо. Кричит, ревет от боли и злости, когда я выбираюсь из-под него с силой, которой у меня на самом деле нет.

Дело не только в моей жизни. Я спасаю не только себя, но и Кэмерон, которой больше никогда не придется его бояться. Мне нужно положить конец ее мучениям, мучениям Шеннан и всех остальных, безымянных, умолкших, уходящих кругами все дальше и дальше.

Я резко разворачиваюсь лицом к нему. Он нетвердо поднимается на ноги, с усилием подается ко мне. Его лицо ужасно. Искраженно.

— Анна! — кричит Калев. Но я видела достаточно. Знаю достаточно.

Он не остановится. Никогда.

Я поднимаю правую, наполовину онемевшую руку, целюсь и стреляю ему в грудь, на этот раз без колебаний. И без промаха. Отдача бьет в напряженную кисть, три раза, но я слышу только первый выстрел. Два других стучат во внутреннее ухо, не громче биения сердца, вытряхивая меня из транса. Глаза Калеба открыты, но уже тускнеют. По его груди течет кровь.

Я, пошатываясь, добираюсь до другой комнаты. В носу жжет от порохового дыма. На полу неподвижно лежит Сверчок, около ее пасти ручеек крови. На одно мучительное мгновение мне кажется, что он убил ее, и я едва в состоянии удержать руку у нее на горле, чтобы проверить пульс. Но пульс есть. Она еще жива.

Мною движут инерция и потрясение, извращенная форма эйфории. Я наклоняюсь к Сверчку и поднимаю ее. Собака не сопротивляется. Она едва в сознании, прижатая к моей груди, когда я выношу ее из домика — как ребенка — в машину, оставляя за собой открытую дверь, чтобы они могли приехать за ним и изучить тело, забрать его и рыскать по комнатам, собирая доказательства. Теперь это место происшествия. Я больше никогда не хочу его видеть.

Глава 68

Четвертого ноября я просыпаюсь в спальне на верхнем этаже фермерского дома Тэлли. На моей груди лежит уютное мягкое одеяло из шерсти ее альпак, в ногах, как теплый камень, Сверчок. На ее шее, куда попал нож Калеба, до сих пор повязка. Сначала ветеринар думал, что повреждена трахея или пищевод, но оказалось, что рана затронула только мягкие ткани. Врач дал ей наркоз, потом очистил рану, осушил и стянул скобками. Первые пару дней Сверчок оставалась в ветеринарной больнице Мендосино, а потом присоединилась ко мне у Тэлли. Временное жилье, первое место, о котором я подумала в отголосках смерти Калеба, поскольку у Уилла не было для меня комнаты.

Когда я откидываю одеяло, Сверчок шевелится, обиженно смотрит на меня, потом зевает и возвращается ко сну. Я вытаскиваю пару теплых вещей из своей сумки в углу и направляюсь вниз, унюхав кофе и тосты.

Готовит Сэм. Тэлли сидит за кухонным столом, читает новости. Когда я вхожу, она быстро откладывает газету.

— Анна, как спалось?

— Боюсь, не очень.

— Бедняжка... Сверчок разбудила?

— Нет, она идеальный пациент. Просто дурные сны. У меня они часто бывают. Ерунда.

Сэм подъезжает сзади и ставит тарелку, которая пахнет, как небеса. Кленовый сироп и растопленное масло. Домашний хлеб.

— Знаете, я никогда не уеду, если вы будете так меня кормить, — с признательностью говорю я.

— Без проблем, — отвечает он и подмигивает. — Увидимся позже. Еду в студию.

Когда мы остаемся одни, я поворачиваюсь к Тэлли.

— Так что за новости в газете, которые я не должна увидеть?

— Ох.

— Перестаньте.

Она в темно-зеленом махровом халате и сейчас расправляет рукава.

— Просто статья о Полли Клаас. Я подумала, вам стоит отдохнуть подольше, прежде чем снова расстраиваться.

— А почему я расстроюсь?

— По-видимому, город пытается утвердить предложение нанять эксперта по пропавшим детям, но полиция Петалумы упорно отказывается.

— Но это же бессмысленно.

— Они говорят, это нарушит целостность расследования или что-то в этом роде. — Тэлли уступает, подталкивает газету ко мне. — Что они уже практически раскрыли преступление.

Я просматриваю страницу, вижу цитату сержанта Баррези насчет значительных ресурсов и живой силы без всяких посторонних, потом другую, Марка Клааса, как его раздражает отсутствие хоть какой-то значимой информации, хотя прошло уже больше месяца.

— Может, мне пора поехать в Петалуму, — секунду спустя говорю я. — Не уверена, что смогу им помочь, но сейчас у меня нет ничего, кроме свободного времени. Кэмерон дома. Она поправляется.

Тэлли молчит. Я наблюдаю, как ее руки обнимают кофейную чашку, и внезапно жалею, что встала с кровати.

— Что? В чем дело? У вас было еще одно видение, да?

— Не знаю, как вам это сказать, Анна, но Полли больше нет. Какое-то время они еще будут искать ее тело, но потом найдут его и найдут ее убийцу. Она наконец-то обретет покой. Пока еще нет, но она там будет.

Я чувствую спазм, волну печали. Бесконечную, проникающую до костей усталость. У меня за спиной слишком много мертвых. И слишком много тьмы впереди.

— Несчастливая семья... Они хотя бы смогут похоронить тело. Может, это их утешит...

— Надеюсь, — мягко отвечает Тэлли. — Хотя ее убийство не пройдет бесследно. В будущем Полли будет очень важна. Она изменит поиски пропавших.

— Вы имеете в виду интернет?

— И другие вещи. Со временем все это будет разворачиваться. Она не исчезнет. Через десятки лет мы все еще будем произносить ее имя.

Я киваю, от всего сердца желая, чтобы Тэлли была права.

— У вас все еще есть работа, Анна. Вы действительно можете остаться здесь с нами. Нам нравится, когда вы рядом. Но я считаю, что вам пора вернуться домой. Вы нужны вашей семье.

Я отвожу взгляд. Мягчайшее, ужасающее ядро падает с неба и бьет мне в сердце.

— Я не могу.

— Возможно, вы так думаете, но на самом деле готовы вернуться. Вы должны быть рядом со своим сыном. Ему нужна мать.

Дальше все идет вразнос. Я начинаю плакать, но молча. Я не могу перевести дыхание, чтобы издать звук.

— Сколько ему?

— Почти семь месяцев, — шепчу я. Мне страшно даже представить, что я буду чувствовать, рассказывая эту историю Тэлли или любому другому. Я прячусь от этих чувств. От боли и сожалений. От невыносимой тяжести моей вины. — Его там не было, когда погибла Сара.

— Как это вышло? — Тэлли говорит мягко и сочувственно. Я знаю, мне придется найти способ ответить ей. Неважно, как она будет смотреть на меня после. Неважно, что будет дальше.

— Брендан взял выходной. Он повез Мэтью к своей сестре, пока Сара спала... — Мой голос прерывается, но я заставляю себя продолжать. — Я неделями работала над серьезным расследованием и хотела воспользоваться этим временем, чтобы проследить несколько ниточек. Когда Сара проснулась, я сообразила, что в доме нет еды, поэтому посадила ее в машину и пристегнула. Но тут в доме зазвонил телефон. Я ждала звонка почти весь день по этому расследованию. Жертвой был младенец. — Я останавливаюсь, словно эта подробность сама по себе может объяснить все остальное.

— Она была в машине, — мягко подталкивает меня Тэлли. — А вы вошли в дом ответить на звонок.

— Я не должна была оставлять ее там. Но я отошла только на секунду. Я видела ее через лобовое стекло, она сидела в кресле...

— Разговор выбил вас из колеи, — предполагает Тэлли. А может, это не предположение. Может, она все уже знает каким-то таинственным способом, которым приходит к ней знание.

— Звонил мой напарник. Мачеха ребенка, которого мы обнаружили убитым, призналась. Я сама дважды допрашивала ее и

ничего не заметила. Я не могла в такое поверить. Я просто замерла, прокручивая свою ошибку.

— И отвели взгляд от Сары.

— Только на минутку. Даже меньше. — Последнее слово выходит сдавленным карканьем. Я делаю глубокий вдох, чтобы продолжить, крепко зажмуриваю глаза. — Я оставила дверь машины открытой, чтобы лучше ее видеть. Сара как-то выбралась из кресла. Я даже не подозревала, что она это может. Ей было всего два с половиной.

— Анна, я очень сочувствую. Пережить такую трагедию...

А пережила ли я ее? Иногда я сомневаюсь. Разве это жизнь — каждый день сталкиваться со своей виной? Быть вдали от семьи? От сына?

Я открываю глаза.

— Машина стояла на нашей дорожке под углом. Я отвернулась только на секунду, а потом услышала снаружи жуткий звук. Наша соседка Джойс выезжала задом на улицу со своей дорожки, и там была Сара. — Теперь я сказала все. Я чувствую себя онемевшей. Пустой. Больше нечего прятать. Нечего хранить в тайне.

— Ох, Анна... — Тэлли ласково смотрит на меня. — Это был несчастный случай. Ужасная случайность.

— Для Джойс — наверное. Она понятия не имела, что там Сара, но за нее отвечала я. Ее мать. — Пустота во мне ширится, словно меня глотают заживо, изнутри наружу. — Она сразу умерла. Она была совсем маленькая.

— Такое несчастье могло случиться с любым.

— Это неправда. Я слишком отвлеклась. Моя работа заняла всю мою жизнь. Меня не было. Поэтому Брендан сказал, чтобы я ушла. Он знал, что то же самое может случиться и с Мэтью. Он сказал, что больше мне не доверяет.

— Горе — могущественная сила. Многие семьи, с которыми я работала, оказываются в похожей ситуации после смерти ребенка. Возможно, у Брендана было время справиться со своими чувствами. Возможно, он готов поговорить.

— Даже если он сможет простить меня, я не уверена, что смогу что-то сделать иначе. Я не изменилась.

— В каком смысле? Почему нет?

— Я никогда не могла отстраниться от жертв. От детей, которым я пытаюсь помочь. Мои расследования поглощают меня всю. Так и произошло это несчастье. — Я опираюсь локтями о стол. Внутри меня все такое тяжелое, что я не знаю, смогу ли идти дальше. Смогу ли когда-нибудь выпрямиться. — Я так скучаю по Саре...

Тэлли молча придвигает свой стул ближе ко мне. Ее руки обнимают меня, сильные и нежные, прощающие. Ее тело — как гавань. Место, где наконец-то можно высадиться на берег.

Я остаюсь там, на якоре, пока не начинаю чувствовать себя крепче. Потом сажусь прямо, вытираю глаза и рассказываю ей о Джейми Ривере. Был конец июля, когда мы наконец отыскали его тельце в морозилке, покрытое инеем. Я не могла перестать думать о нем, о его невинной жизни, которую украли без всякой причины. Мне сильнее всего хотелось найти его убийцу. Заставить этого человека расплатиться. Между тем жизнь моей семьи требовала от меня многого, а мне нечего было им дать. Я продолжала твердить себе, что дело просто в расследовании. Как только мы раскроем дело, я сразу почувствую себя лучше и вернусь к тому, что действительно важно. Но в то же время знала, что это никогда не случится. Моя работа — болезнь, зависимость и всегда ею будет.

Возможно, мне следовало быть честнее с Фрэнком и попросить о помощи или вернуться к терапии. Мне следовало построить тот мысленный дом и сделать все возможное, чтобы исцелиться. Может, тогда бы я бодрствовала и следила — там. Когда Сара выбралась из машины, я бы выскочила из дома и поймала ее. Я бы подняла ее на руки и унесла в безопасность...

* * *

— Ничто не вернет вашу дочь, — говорит Тэлли, когда я заканчиваю. Наш кофе остыл. Моя тарелка с завтраком давно отодвинута. — Я могу только представить, сколько боли вы несете в себе, но она вас не винит. Анна, ее дух — самый безмятежный из всех, что я видела. Она как солнце.

Я с трудом сглатываю. Это изумительный образ, и мне безумно хочется в него поверить. Такой Сара была при жизни. Как солнышко.

— Где она сейчас?

— Она повсюду, как свет. Присматривает за своим братом, за отцом, и за вами тоже. Ей ужасно нравится ваша собака. Она говорит, ей всегда хотелось такую, как Сверчок, — и теперь у нее есть собака.

Снова слезы. Откуда они берутся? Или тело сделано из слез?

— Ей хорошо? Ей не больно?

— Только когда она знает, что вы страдаете. Анна, она хочет, чтобы вы простили себя. Вам нужно найти способ примириться с этим. Вам еще очень много нужно сделать. Именно так вы можете почтить Сару. Вы можете воплотить в жизнь свою цель.

Внезапно я вспоминаю о Кэмерон.

— Я не могу просто бросить ее.

— Кэмерон знает, что вы о ней заботитесь. Кроме того, вокруг нее много людей, которые ее любят и будут ее защищать. — Она вскидывает голову и смотрит мне в глаза с удивительной пронизательностью. — Или мы говорим о чем-то еще, Анна? О ком-то еще? Что вы не в силах отпустить?

Я мотаю головой, желая, чтобы Тэлли отвернулась или замолчала. Мы сидим здесь уже целую вечность, обсуждая ужасные, невыносимые вещи. И все же я мгновенно понимаю, о чем она говорит. Джейсон и Эми. С того Рождества, когда мне было восемь, каждый потерянный ребенок — это они. Кэмерон ближе к моему сердцу, чем большинство других, но даже когда я привожу ее домой, это не снимает тяжесть с моей груди. И убийство Калеба тоже. — Я не знаю, Тэлли, смогу ли стать лучше. Я слишком долго была такой.

— Каждый может измениться. Мы меняемся все время, каждый раз, когда делаем что-то иначе. Анна, не надо себя недооценивать. Вы помогли очень многим людям. Помогите себе. Помогите Мэтью. А потом увидите, что случится.

— А если Брендан все еще винит меня? Я причинила ему такую боль.

Вновь ее взгляд мягкий и мудрый.

— Возможно, винит. А может, он давно простил и ждет вас, чтобы наверстать упущенное.

* * *

Через несколько часов Тэлли провожает меня до машины. Я помогаю Сверчку устроиться на заднем сиденье, потом кидаю сумку под ноги. Ничто не просто. Мои чувства все еще хаотичны, мои сомнения громки, но сейчас я знаю, что делать. Придет ко мне сила или нет, я должна попробовать. Тэлли права. Мне нужно вернуться и встретиться все лицом к лицу. Я должна быть матерью. И сестрой. Мне нужно отыскать путь к Джейсону и Эми. Возможно, они захлопнут передо мной дверь. А может, они тоже давно простили меня... Есть только один способ узнать.

Когда я устраиваюсь за рулем «бронко», то говорю в открытое окно:

— За все время пока мы разговаривали, вы ни разу не упоминали Хэпа. Почему? Не могу поверить, что он не следит за всем этим с той стороны. Следит за мной и помогает поступать правильно. Почему он оставил меня одну?

— Вы его чувствуете?

Это останавливает меня.

— Да.

— Тогда как же вы одна?

— Я не видела его тело. Наверное, поэтому и не могу его отпустить.

— Анна, я хочу задавать вам вопрос, который может прозвучать странно, но задумайтесь над ним на минуту. Где Хэп?

«Где?» Она ясновидящая. И тут до меня доходит. Он во мне. Я все время слышу его. Все его уроки. Его голос.

— Здесь.

Она опускает взгляд на ноги, все еще в тапочках. Запахивает плотнее халат, а потом смотрит на меня с такой прямоотой, что у меня едва не перехватывает дыхание.

— Люди, которых мы любим, никогда нас не покидают, Анна. Вы уже это знаете. Именно это я называю духом. Я имею в виду любовь.

Глава 69

Я провожу еще один день в Мендосино. Один долгий день — карта без краев. Я иду на утесы под холодным ветром, чтобы посмотреть на бушующий океан. Свет маяка Пойнт-Кабрильо качается ко мне, потом прочь. Я иду на Ковело-стрит и стою перед домом Хэпа и Иден, думая, хватит ли его, чтобы вместить всех и меня, целых или нет, пропавших или свеженайденных. Наши звезды мерцают. Наши души и формы, которые они принимают, стараясь найти друг друга во тьме.

Я иду на кладбище Эвергрин с папоротниками в керамической вазочке. Иду в Ротари-парк, нахожу там Клэя и Ленору, которые пакуются, чтобы возвращаться в Денвер, и явно рады меня видеть. Даю им мой домашний номер в Сан-Франциско, потом еду к Кёртисам, попрощаться с Эмили и Кэмерон, надеюсь, что они не будут возражать, если я скоро заеду снова.

Кэмерон в своей комнате с Греем; они слушают музыку, сидя на кровати. Ее правая рука на перевязи, на лице еще видны свидетельства мучительных испытаний. И все же я вижу в ней свет, разгорающийся заново. Впереди еще много трудов, но она жива и в своем теле. Как это чудесно! Они оба чудесные, сидящие рядышком на кровати Кэмерон, пока Мадонна поет «*Like A Prayer*».

Я оставляю их и нахожу Эмили в кухне. Она наводит порядок в шкафчике с приправами, и сейчас повсюду разложены баночки. Я почему-то рада видеть ее посреди беспорядка, даже ненадолго, даже зная, что скоро он исчезнет.

— Уилл рассказал мне, что Кэмерон начала вспоминать больше о том, давнем, насилии, — негромко говорю я. — Вы уже знаете? Она смогла поговорить с вами?

Эмили тяжело кивает.

— Пока только кусочки. Психотерапевт замечательный. Он очень ей помогает. Хотя я практически уверена, что это мой отец.

— Мне очень жаль, Эмили.

Ее вздох древний, как пирамиды.

— Да. Мне тоже. Но я буду ее поддерживать. Что бы ни пришлось сделать, какая бы грязь ни выплыла, правда должна выйти наружу.

Она права. Я думаю о полицейском, который вскоре постучит в дверь ее отца. О запоздалой детонации его тайной сущности. Об исцелении, которое может начаться.

— Я горжусь вами.

Ее взгляд туманится.

— По крайней мере, Калев мертв. Не думаю, что она смогла бы справиться, если б он все еще был на свободе.

— Возможно, нет... — Воспоминания о нашей схватке в домике не оставляют меня ни на минуту. Возможно, они никогда не уйдут. — Как Трой?

— Трой... Он хочет все наладить. Обещает остаться с нами.

— Ну, вы знаете, что делать. Вам потребуется время почувствовать, что правильно для вас и Кэмерон. Но вы сможете это сделать. Я вижу в вас силу, Эмили. Надеюсь, вы тоже сможете ее увидеть.

* * *

Теперь остается только найти Уилла. Мне очень не хочется говорить ему, что я уезжаю, но это самое легкое из всего, что я должна сказать. Для остального намного тяжелее найти слова, но я справляюсь. Рассказываю ему о Саре, о Брендане, попросившем меня уехать. О вине, стыде и горе, которые я несу в себе. О Мэтью. О том, как мне страшно быть ему матерью. Все равно что сдвинуть гору с груди, произнести его имя. Рассказать все о том, как я здесь очутилась.

— Я должна была с самого начала больше доверять тебе, — говорю я сквозь слезы, — но не знала как.

— Я тебя не виню. Мне даже представить сложно, что ты пережила. Мне очень жаль. Хотел бы я как-то помочь тебе...

— У тебя и так хватает всего. Ваше расставание. Семья. Риск потерять детей. Это очень много.

Уилл сжимает зубы, борясь с эмоциями.

— Между мной и Бет не только дело Дженни. Я пью слишком много и не могу остановиться, уже не первый год. Мне хочется протрезветь, но я не знаю как.

— Я тоже. Может, мы будем поддерживать друг друга. Каждый может измениться, — говорю я, примеряясь к словам Тэлли. — Пусть даже шаг за шагом.

Он молчит, уставившись на свой стол, на папки, заметки и исписанные ручки. Потом произносит:

— Знаю, это бред, но я все еще думаю, что мы с тобой раскроем те убийства семьдесят третьего года, даже если они не имеют отношения к Дженни. Это должны быть мы. Я это чувствую.

Я улыбаюсь, совсем чуть-чуть.

— Возвращение его знаменитых чувств...

— Очень смешно.

— Я хочу заехать через пару недель, проверить, как Кэмерон.

— Конечно. Когда понадобится. И дай мне знать, как ты, ладно? Я буду о тебе думать.

— Я люблю тебя, Уилл. Ты же это знаешь, правда?

— Ага. Я тоже. Возвращайся скорее.

Глава 70

Уезжать из города тяжелее, чем я думала, даже зная, что вернусь. Ради Уилла, Ванды, Грея и Эмили. Ради Кэмерон. Я прохожу всю Лэнсинг-стрит, не в силах сесть в свой «бронко». Ежась от холода, слишком легко одетая для такого ветра, поднимаю взгляд на «Время и деву», белеющую на фоне голубого кулака неба, безоблачного и безупречного, молчаливого и вездесущего. Одинокий ворон сидит на песочных часах, глядя не на меня, а в сторону; его острая голова повернута профилем, словно стрела, указывающая на океан. Символ в головоломке, полной символов, тайна у всех на виду.

Десятилетиями меня, неизвестно почему, тянуло к этой скульптуре. Но сейчас я вижу всхлипывающую деву со склоненной головой и думаю, как она похожа на Дженни. Дженни на пляже, поющую «Прощай, Калифорния», длинные волосы закрывают ей глаза. Я вижу в этой деве Шеннан в ее кроличьей куртке, с невыносимой тяжестью на душе. Я вижу Кэмерон в роще, а потом — Кэмерон сейчас, возвращающую себя, слезающую с основания скульптуры, исчезающую из головоломки. Вижу Эми с ее светлыми волосами, заткнутыми в рот, всхлипывающую, в тот день, когда ее забрали из нашего дома, из моих рук. И наконец вижу девочку, которой была в свой первый день в Мендосино, настороженную и израненную, наблюдающую обычный закат. Зеленая вспышка удачи, называла его Иден. Но на самом деле это было первым мгновением, когда я увидела, что любовь все-таки может спасти меня, если у меня хватит смелости ее впустить.

* * *

Я долго стою на Лэнсинг-стрит, думая о красоте и ужасе. Зле. Милосердии. Страданиях. Радости. О том, что они каждый день рядом, везде. Учат нас, как проживать наши жизни, нашу цель.

Когда-то Королла сказала, важнее не то, что случилось с нами, а то, как мы учимся с этим жить. Я начинаю понимать разницу и понимать,

что, возможно, единственный способ справиться с тем, что есть, и тем, кто мы, это справиться вместе.

Я поворачиваюсь спиной к статуе и иду в сторону «бронко» — и тут сзади что-то шуршит. Ворон взлетел. Он летит дальше. Я чуть улыбаюсь и зову Сверчка. Она поднимается на заднем сиденье, настораживает уши, жажда отправиться в дорогу. Готовы мы или нет, пришло время ехать домой.

Примечания автора

Десять лет назад, когда вдохновение приняло форму реальной женщины, первой жены Эрнеста Хемингуэя, Хедли, идея казалась возникшей из пустоты. Я никогда не думала о том, чтобы написать исторический роман, не говоря уже о том, чтобы писать его о реальной личности. Однако, едва погрузившись в процесс исследования и писательства, я осознала, что не просто рассказываю историю — я воздаю должное жизни и духу Хедли, даю ей голос.

Нечто пугающе похожее случилось и с этим романом — идея которого возникла внезапно и таинственно, и с энергичным внутренним «да», на которое я научилась обращать внимание. Я нарисовала себе эксперта по пропавшим людям одержимой спасением похищенной девушки и пытающейся примириться с собственным прошлым. Почти сразу я поняла, что история должна разворачиваться в Мендосино — маленьком прибрежном городке в Северной Калифорнии, где я проводила время на третьем десятке лет, — и повествование должно относиться ко времени до ДНК и мобильных телефонов, до бурного развития интернета и криминалистов-любителей, считающих, что они способны раскрыть преступление, сидя за своим ноутбуком.

Выбор 1993 года был инстинктивным — случайным, — но, когда я занялась исследованиями, меня потрясло, какая в те годы случилась в этих местах эпидемия реальных похищений девушек. Самым известным из них стало похищение двенадцатилетней Полли Клаас. Поздним вечером 1 октября 1993 года Полли забрали из спальни в ее доме в Петалуме под угрозой ножа, а две ее подружки были вынуждены наблюдать за похищением. Эта страшная история задела глубочайшие страхи каждого родителя и привела в действие самую большую облаву в истории Калифорнии. Вся Петалума собралась, чтобы помочь в поисках Полли. Тысячи добровольцев помогли обыскивать три тысячи квадратных миль и обеспечивать круглосуточную работу поискового центра, пока 4 декабря останки девочки не нашли рядом с заброшенной лесопилкой недалеко от шоссе 101 рядом с Кloverдейлом, Калифорния.

Агентов ФБР привел к телу подозреваемый Ричард Аллен Дэвис, тридцати девяти лет, человек с обширным уголовным прошлым, включающим два предыдущих похищения, который многократно

нарушал условия своего досрочного освобождения. Он дважды с момента похищения Полли избегал сотрудников правоохранительных органов, первый раз — всего через час после похищения, когда двое патрульных помогли ему вытащить из канавы потрепанный «Форд Пинто», хотя он был заметно нетрезв и плохо понимал, что происходит, в грязной одежде и веточками в волосах. Скорее всего Полли тогда еще была жива и находилась где-то поблизости.

Признаюсь, я плохо спала в те недели и месяцы, когда изучала дело Полли и другие. Глубокие страдания жертв и их семей пробрались в мои сны — и на страницы. Мне показалось исключительно важным рассказать их истории так прямо и по существу, как только возможно, чтобы почтить их жизни и придать достоинство смертям и исчезновениям. Произнесение их имен стало для меня священнодействием. Своего рода молитвой.

Через месяц после похищения его дочери, Марк Клаас основал «Фонд Полли Клаас», некоммерческую общественную организацию, которая с тех пор работала с тысячами семей, сотрудников правоохранительных органов и добровольцев, занятых поисками пропавших детей. Этот фонд, как часть наследия Полли, также помог изменить правовую систему Калифорнии, которая теперь обязывает приговаривать к пожизненному заключению преступников-рецидивистов, совершавших преступления насильственного характера, и ввел во всех пятидесяти штатах «амбер алерт», систему оповещения о похищении ребенка.

Родители Полли неоднократно говорили о том, как помощь общества в поисках их дочери продемонстрировала лучшее в людях, стала надежным светом среди невыносимой тьмы. Я осознала, что хочу написать об этом. О том, как город может собраться вместе, когда случается худшее. О том, что если мы хотим по-настоящему исцелиться, нам нужны для этого другие люди.

Работа над книгой — увлекательная смесь борьбы и уступок, контроля и слабости. И только на последних этапах работы над черновиком до меня наконец дошло, почему я так хочу рассказать именно эту историю, а не какую-то другую. Мой многострадальный детектив, Анна Харт, одержима травмами и исцелением, глубоко личным насилием и запутанной тайной связью между жертвой и хищником, потому что я одержима всеми этими вещами, и давно была

такой. Я подарила ей и другие части меня — версию моего детства, проведенного в приемной семье, и мою неизменную любовь к миру природы, мощному лекарству. То, что Анна знает и думает о скрытых шрамах сексуального насилия, знаю я, как пережившая такое насилие.

Это дверь, которую мы не хотим открывать, разговор, в котором мы не хотим участвовать, однако факты остаются фактами: каждые семьдесят три секунды кто-то в США становится жертвой сексуального насилия. Каждые девять минут одна из этих жертв — ребенок. Восемьдесят два процента жертв младше восемнадцати — женщины. Последствия сексуального насилия могут быть длительными и глубокими, провоцировать ПТСР, мысли о самоубийстве, употребление наркотиков и алкоголя, липкую пучину стыда и беспомощности.

Иногда я смотрю на улицу, по которой иду, и думаю, сколько из женщин и девушек, идущих мне навстречу в 2020 году — в масках и соблюдая социальную дистанцию, — разделяют мое прошлое. Я верю, что наша печаль объединяет нас, и верю, что она может стать источником нашей силы и нашей эмпатии. Эта боль ведет Анну Харт к ее пути, к ее цели, и именно туда ведет меня моя боль. К этим персонажам, настоящим и воображаемым, к папоротниковому лесу, пропитанному туманом, к утесам над ревушим Тихим океаном, к домику в глубине густого леса и к самому сердцу этой книги, такой же личной, как любая, написанная мной.

Сверчок существует, как и роцца-крумхольц с изогнутыми и перекрученными кипарисами. Я сидела у барной стойки в «Паттерсон» за стаканом виски, как Анна и Уилл, и пила кофе в «Хорошей жизни». Кафе на Лэнсинг-стрит, напротив Мэсоник-холла, где резная скульптура «Время и дева», выразительная и белая, возвышается на постаменте над городком, как стояла там больше сотни лет. Вы можете встретить меня там, и тогда мы вместе отправимся к утесам, беседа на ходу, а ветер понесет наши голоса все дальше и дальше...

Благодарности

За три года, которые у меня ушли на этот роман, я опиралась на столько книг, редакторов, коллег и друзей, что всех их невозможно адекватно поблагодарить, но нижеследующие заслуживают особой признательности.

Мой гениальный агент, Джули Барер, верила в эту книгу и вдохновляла меня написать ее с самой первой искры во время долгого, подкрашенного вином обеда в Сохо-хаузе в центре Манхэттена, насколько я помню. Я сейчас и всегда благодарю вселенную за ее ум, безупречную интуицию и огромное храброе сердце.

Я всегда признательна моему редактору, Сюзанне Портер, за ее выдающееся мастерство и глубокое вовлечение в меня и миры, которые я пытаюсь строить; Каре Уэлш и Ким Хоуви за публикацию моих трудов с удивительной честностью, вдумчивостью и заботой.

Моя дорогая подруга и сообщница уже двадцать два года и далее, Лори Кин, читала десятки черновиков, погружалась со мной в реальный городок Мендосино, пока мы бродили по тропам, где Анна и Хэп ходят в книге, и слушала, как я пытаюсь отыскать путь к этим персонажам и их историям. По этой и по многим другим причинам я посвящаю эту книгу ей.

Детектив в отставке Марианна Флинн Стэтц, казалось, случайно появилась в моей жизни, но мы-то знаем, что во вселенной ничто не случайно! Она внимательно читала мою рукопись, отвечала на все вопросы с терпением, мудростью и лукавым черным юмором и обеспечила меня богатой и детальной основой для понимания специфических преступлений. Эта книга и моя Анна глубже и правдивее благодаря ей. Спасибо, Марианна!

Крис Павон, Кристин Ханна и Кристина Бейкер Клайн прошли ради меня все на долгом пути работы с черновиками, указывая на то, что я не хотела, но непременно должна была услышать. Эта книга стала лучше благодаря их мудрым и ответственным откликам. Ребята, я должна вам по меньшей мере еще много вкусного сыра!

Моя потрясающая издательская команда в «Баллантайн букс» и «Пенгуин Рэндом Хауз» великолепно справилась со своей работой и подарила мне лучший из возможных за последние десять лет дом:

Дженнифер Херши, Дженнифер Гарза, Эллисон Лорд, Куинн Роджерс, Тейлор Ноэл, Сьюзан Коркоран, Кэтрин Сантора, Хейли Шир и несравненная Джина Сентрелло. Эмили Хартли бодро и эффективно отвечала на тысячи электронных писем. Арт-директор и дизайнер Елена Джиавальди создала потрясающую обложку, а Диана Бланшетт разработала великолепный внутренний дизайн. Спасибо Сьюзан Брандини Бетц за тщательное и вдумчивое техническое редактирование рукописи, спасибо Стиву Мессине, который любезно и методично проталкивал эти страницы сквозь временами напряженный производственный процесс. Я также хочу поблагодарить старшего вице-президента и заместителя генерального юрисконсульта Мэтью Мартина за его невероятную чуткость и восприимчивость при чтении этой книги.

Николь Каннингхэм и превосходная команда «Зе Бук груп» прикрывали мне спину всеми возможными способами, вдобавок они самые искушенные и восхитительные женщины в мире. Элизабет Уид, в частности, предоставила отзыв о рукописи в рекордное время, за что я признательна. Я также благодарна Дженни Мейер и Хейди Гэлл, которые помогли со всеми аспектами прав и продаж в других странах; моему совершенно очаровательному агенту в Великобритании Каспиану Деннису из «Эбнер Стейн»; и моему невероятно умному и изумительному киноагенту Мишель Вейнер из САА. Спасибо Кристин Кокрейн, Эми Блэк, Линн Хенри, Вэлери Гоу, Шерон Клейн и их прекрасным коллегам из «Пенгуин Рэндом Хауз Канада»; спасибо Дженни Пэррот из «Пойнт Бланк/Уануорлд» в Великобритании за такой восторженный отзыв о потенциале меня и моей книги.

Погружение в новый жанр было бы, без сомнения, намного более шатким предприятием без нижеследующих книг и ресурсов как путеводных вех: «The Body Keeps the Score» Бессела ван дер Колка; «Waking the Tiger» Питера А. Левина; «The Unsayable» Энни Дж. Роджерс; «I'll Be Gone in the Dark» Мишель Макнамары; «The Fact of a Body» Александрии Марзано-Лесневич; «No Visible Bruises» Рейчел Луизы Снайдер; «In the Name of the Children» Джеффри Р. Райнека и Мэрилы Стронг; «The Killer Across the Table» Джона Дугласа и Марка Олшейкера; «Criminal Minds» Джеффа Мариотта; «Unsolved Child Murders» Эмили Дж. Томпсон; Polly Klaas Foundation (pollyklaas.org); архивы «Petaluma Argus-Courier»; статья «Polly's Face» Ноэля

Оксенхендлера в «Нью-Йоркере» от 22 ноября 1993 года; «Who Killed Polly?» Фрэнэка Шпиринга; «Polly Klaas» Бэрри Бортника; архивы «Лос-Анджелес таймс»; «Images of America: Early Mendocino Coast» Кэти М.Тайя; «History of Mendocino and Lake Counties, California» Орелиса О. Карпентера; «The Light Between Us» Лоры Линн Джексон; «Gathering Moss» Робина Уолла Киммерера; и «The Songs of Trees» Дэвида Джорджа Хаскелла. Кроме того, я очень хочу поблагодарить следующих авторов, труды которых помогли мне понять, чего я хочу достичь в моей собственной книге: Тану Френч, Кейт Аткинсон, Луизу Пенни, Рене Денфелда, Питера Рока и Гэбриела Тэллента. Спасибо за ваше великолепное наставничество, пусть и ненамеренное!

Брайан Грох, Пэтти Каллахан Хенри, Бет Хоуард, Сара Маккой и Элеанор Браун — друзья, к которым я обращался за поддержкой, когда она нужна была мне сильнее всего. Вы невероятные люди и феноменальные рассказчики. Спасибо вам! Кэт Берко, моя блистательная ассистентка, была для меня даром небес; я никогда ее не отпущу. Другие друзья и члены семьи, которые по-прежнему незаменимы во многих случаях и ситуациях: Шэрон Дэй, Пэм и Дуг О'Хара, Бет Хеллерштейн и Дэн Джаффи, Бу Джейз, Брэд Бедорта и весь клан Д'Алезио; Терри Дубоу, Тони Тейер, Сара Уиллис, Карен Сэндстром и «Истсайд райтерс»; Хизер Грин; «Кауаи гэлз», с особой благодарностью Синтии Бейкер, Мег Уолитцер, Прийе Пармар, Аманде Эйре Уорд и Мишель Тесслер; а также Дэвиду Клайну и Джону Цайтлеру, которые вовсе не девчонки, но так тепло приняли меня, что я чувствовала себя на Кауаи как дома.

Спасибо, Карен Кёртис и Сверчок (настоящая Сверчок!) — за любовь и вдохновение. Спасибо обширной кливлендской команде, которая помогала мне оставаться в здравом уме, накормленной, одетой, заправленной кофе и на верном пути в течение всей работы над этой книгой: Квинси Д'Алезио, Сэму Д'Алезио, Алене Соренсен, Карен Розенберг, Нэн Коэн, Аарону Камут, Кейт Леполь, Брайану Шрифферу, Лейфу Сэнфорду, Пенни Коновер, Кристе Горжеланчик, Линдси Кампане, Эрике Скотезе, Карен, Майнер, Ольге Чуа, Дейву Винсенту и Рону Блоку.

Я благодарна Рите Хинкен и Летти Энн Кристоферсен, моим двум матерям; моим племянницам и племянникам, Маргарет Бейли, Джейкобу Бейли, Сэму и Митчеллу Реллерам, которые всегда

подбадривали меня и мою работу; и моим сестрам, Терезе Рид и Пенни Пеннингтон, моей путеводной звезде.

И наконец, спасибо моим детям за то, что они — важнейший элемент моей домашней команды и ткань моей жизни: Коннор и Джамилия, Бекетт и Финн. И конечно, же, Пайпер! Я люблю и ценю вас больше, чем можно выразить словами.

notes

Примечания

1

Адвил — нестероидный противовоспалительный препарат.

2

1 фут = 30,48 см.

3

Намек на допрос третьей ступени, самую жесткую форму дознания.

4

«Сан-Франциско кроникл» — американская ежедневная газета с самым большим тиражом в Северной Калифорнии.

5

Бобина — катушка, на которую наматывается киноплёнка.

6

«Бронко» — внедорожник, выпускаемый американским производителем «Форд».

7

Ситхинская ель — хвойное дерево из семейства сосновых, растущее на западе Северной Америки.

8

Лесная служба США — агентство Министерства сельского хозяйства США.

9

Джони Митчелл (наст. Роберта Джоан Андерсон, р. 1943) — популярнейшая канадская певица и автор песен.

10

Багз Банни — знаменитый мультипликационный персонаж; известен своим легкомысленным и беззаботным характером.

Пихта Дугласа — вечнозеленый вид хвойных деревьев, также известен как орегонская сосна или колумбийская сосна.

«Сиэтл Сихокс» — профессиональный клуб по американскому футболу, выступающий в Национальной футбольной лиге.

«Лето любви — уникальный феномен культурного, социального и политического молодежного бунта; лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско под названием Хейт-Эшбери собралось около 100 000 хиппи, чтобы праздновать любовь и свободу.

«Курс» — популярный в США сорт светлого пива.

Песочники — род птиц семейства бекасовых.

16

Кресло Имзов — кресло из гнутой фанеры и кожи, спроектированное знаменитыми архитекторами и дизайнерами Чарльзом и Рэем Имзами в 1956 г., позволяет глубоко откинуться назад.

Салли Джесси Рафаэль (наст. Салли Ловенталь, р. 1935) — американская актриса и ведущая телевизионного ток-шоу; большие очки в красной оправе были неизменным атрибутом ее образа.

Тай-цзи — один из видов китайского боевого искусства, практикующееся как оздоровительная гимнастика для улучшения физического и психологического здоровья.

19

Марка бурбона (американского виски).

«Капитан Кенгуру» — американский детский телесериал, который транслировался на американском телеканале CBS с 1955 по 1984 г.

Теннисный браслет — простой гибкий браслет с некрупными камнями, обычно бриллиантами.

22

Ок. 14 кг.

Фронтир — в истории США зона освоения Дикого Запада.

Лора Инглз-Уайлдер (1867–1957) — американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения Дикого Запада.

Гонт — кровельный материал в виде пластин из древесины.

Джон Тейлор (р. 1960) — британский музыкант, певец, автор песен и продюсер, наиболее известный как бас-гитарист и один из основателей музыкальной группы «Дюран Дюран», являвшейся в 1980-е и 1990-е гг. одной из главных звезд в мире поп-индустрии.

Перевод А. Посецельской.

Готэм-Сити — вымышленный город, в котором происходит действие историй о Бэтмене. Расположен на Восточном побережье США.

«Нинтендо» — игровая телеприставка.

«Их разыскивает Америка» — телевизионная программа о преступлениях и лицах, их совершивших. В эфире демонстрируются фото подозреваемых или пропавших без вести в надежде получить информацию об их местонахождении.

Раньше фотографии пропавших без вести размещались на обратной стороне молочных пакетов.

«Тара» — усадьба, в которой выросла Скарлетт О'Хара, главная героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

Парфенон — памятник античной архитектуры, посвященный богине Афине, покровительнице Афин.

Дирхаунд — шотландская порода борзых собак.

Пино — сорт винограда.

Южные вечнозеленые дубы.

Блуждающие волны — гигантские одиночные волны, внезапно возникающие в океане, высотой 20–30 метров (а иногда и больше). Также известны как «волны-убийцы».

«Пятница, 13-е» — американский телесериал ужасов, популярный в 1980-е гг.

Боб Сигер (р. 1945) — американский фолк-рок-музыкант и автор песен.

«Улицы Сан-Франциско» — американский детективно-криминальный телесериал, выходивший в 1972–1977 гг.

Джо Ди Маджо (1914–1999) — американский бейсболист, один из самых выдающихся игроков всех времен.

Пикап-ют американской автокомпании «Шевроле».

«Морк и Минди» — американский телевизионный ситком (1978–1982).

«Мои маленькие пони» — канадско-американский детский анимационный мультсериал, созданный Лорен Фауст для компании «Хасбро».

Открытая в июле 1852 г. тюрьма Сан-Квентин является старейшей тюрьмой в Калифорнии.

Миз — госпожа; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины — как замужней, так и незамужней.

«Понтиак Файербёрд» — автомобиль класса спорткар, выпускавшийся концерном «Дженерал моторс».

Кальмия — род североамериканских вечнозеленых древесных растений семейства вересковые.

Стетсон — фетровая, кожаная или соломенная шляпа с высокой округлой тульей, вогнутой сверху, и с широкими подогнутыми вверх по бокам полями.

Имеется ввиду песня «I Am A Rock», исполняемая фолк-дуэтом «Саймон и Гарфанкел».

Чарльз Мэнсон (1934–2017) — американский серийный убийца и лидер секты.

Дэвид Берковиц (р. 1953), также известный как «Сын Сэма» и «Убийца с 44-м калибром» — американский серийный убийца.

Эдмунд Кемпер (р. 1948) — американский серийный убийца, известный как «Убийца студентов».

Фэйри — общее название для всех сказочных существ Древней Британии и Ирландии.

Модель внедорожника автокомпании «Шевроле».

К-9 — кинологовическая служба.

Эстуарий — однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

Колострум — выделяемое молочными железами женских особей
молозиво.

Сленговое выражение, обозначающее «на выезде».

Table of Contents

[Пола Маклейн Когда звезды чернеют](#)

[Пролог](#)

[Часть I Знаки и призраки](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Часть II Тайные вещи](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Часть III **Время и дева**](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Часть IV **ИЗОГНУТАЯ РОЩА**](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Глава 64](#)

[Глава 65](#)

[Глава 66](#)

[Глава 67](#)

[Глава 68](#)

[Глава 69](#)

[Глава 70](#)

[Примечания автора](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59

